
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 24 ИЮНЬ 1979

ЕДИНСТВО, СПЛОЧЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (2709)

Во время переговоров.

ННОСТЬ, БРАТСТВО

Мощной манифестацией советско-венгерской дружбы, праздником братства и сплоченности советского и венгерского народов стал официальный дружественный визит в Венгерскую Народную Республику советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым.

Делегация, в состав которой входили член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, член ЦК КПСС, первый секретарь Львовского обкома Компартии Украины В. Ф. Добрик, член ЦК КПСС, посол СССР в ВНР В. Я. Павлов, находилась в братской Венгрии с 30 мая по 1 июня 1979 года по приглашению Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии, Президиума и Совета Министров ВНР.

Советской делегации повсюду был оказан горячий, дружеский прием, наглядно продемонстрировавший нерушимое единство и солидарность Советского Союза и Венгрии, КПСС и ВСРП и отразивший глубокое взаимное уважение советского и венгерского народов.

Подписание советско-венгерских документов.

Фото С. Гурария и А. Пахомова

▲ Возложение венка к памятнику борцам за освобождение Венгрии.

◀ Вручение товарищем Л. И. Брежневым советской награды Чепельскому комбинату.

В детском саду нового района венгерской столицы.

Фото С. Гурария и А. Пахомова

◀ Проводы в Будапеште.

Фото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

Москва. Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева

Партийно-правительственная делегация СССР имела сердечную встречу с представителями венгерского рабочего класса в здании парламента, где Л. И. Брежнев вручил коллективу Чепельского металлургического и машиностроительного комбината орден Октябрьской Революции. Делегация осмотрела некоторые новостройки венгерской столицы и ознакомилась с жизнью братского венгерского народа, строящего развитое социалистическое общество.

В ходе визита состоялись переговоры, в которых участвовали:

— с советской стороны: Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, член ЦК КПСС, первый секретарь Львовского обкома Компартии Украины В. Ф. Добрик, член ЦК КПСС, посол СССР в ВНР В. Я. Павлов;

— с венгерской стороны: Первый секретарь Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар, член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Президиума ВНР П. Лошонци, член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Совета Министров ВНР Д. Лазар, член Политбюро ЦК ВСРП, секретарь ЦК ВСРП К. Немет, секретарь ЦК ВСРП А. Денеш, член ЦК ВСРП, первый секретарь Будапештского горкома ВСРП Л. Мехеш, член ЦК ВСРП, министр иностранных дел ВНР Ф. Пуйя, член ЦК ВСРП, посол ВНР в СССР М. Сюреш.

В ходе переговоров отмечалось, что советско-венгерские отношения развиваются успешно и динамично. Определен курс на дальнейшее повышение эффективности и качества хозяйственного сотрудничества. СССР и Венгрия и впредь намерены всемерно содействовать развитию и совершенствованию деятельности СЭВ, тридцатилетний опыт которого убедительно подтверждает огромные преимущества сложения усилий братских государств в экономике, науке и технике. Высказана взаимная заинтересованность в расширении связей в области идеологии и культуры.

В дни визита с новой силой было подчеркнуто, что Советский Союз и Венгрия плечом к плечу с другими братскими странами будут и дальше делать все для того, чтобы процесс разрядки международной напряженности укреплялся и ширился, стал всеохватывающим и необратимым.

1 июня в Будапеште, в здании парламента, в торжественной обстановке состоялось подписание советско-венгерских документов.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар подписали Совместное заявление о дальнейшем развитии братской дружбы и всестороннего сотрудничества между КПСС и ВСРП, Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой.

Было подписано также Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Венгерской Народной Республики о культурном и научном сотрудничестве.

Соглашение подписали: за правительство СССР — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко; за правительство ВНР — член ЦК ВСРП, министр иностранных дел ВНР Ф. Пуйя.

1 июня советская партийно-правительственная делегация во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым возвратилась из Будапешта в Москву.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Советского Союза, делегацию встречали члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, М. С. Горбачев, другие официальные лица.

ПЛОДЫ СЕПАРАТНОГО КУРСА

Павел ДЕМЧЕНКО

26 мая над крупнейшим синайским городом Эль-Аришем был поднят египетский флаг и несколько сот египетских солдат отметили это событие ружейным салютом. 12-летняя израильская оккупация города окончилась.

Факт, казалось бы, примечательный не только для Египта, но и для всех арабов. Однако не было в тот день ликования ни в Каире, ни в других арабских столицах. Ни одна арабская страна не прислала в Эль-Ариш своей делегации, а на открывшихся днем раньше в израильском городе Беэр-Шеве переговорах по «палестинскому вопросу» не оказалось главной заинтересованной стороны — палестинцев. Только израильтяне, египтяне и американцы...

Так арабские страны еще раз продемонстрировали свое отношение к сепаратному курсу египетского президента А. Садата, который он избрал под давлением Вашингтона и Тель-Авива. Между арабскими государствами и раньше вспыхивали разногласия. Но твердо существовал один психологический настрой: в войне или в мире арабы должны действовать сообща в отношении израильской агрессии. Как говорил покойный президент Насер, «мы — одна семья, и наши ссоры до первого выстрела; едва прозвучит сигнал тревоги, и мы снова вместе».

Сейчас, когда сепаратный египетско-израильский мирный договор превратился в реальность, Египет оказался вне этой семьи. На Ближнем Востоке образовалось принципиально новое размежевание сил. Президент Садат, повернувшись спиной к арабам, ищет союза с Вашингтоном и Тель-Авивом, заискивает перед ними, надеется на американские кредиты и оружие, на поддержку сионистских банков.

Арабские государства с редким единодушием решили бойкотировать сепаратный курс Египта, затруднивший освобождение оккупированных сирийских территорий и Восточного Иерусалима, решение палестинской проблемы и развязавший Израилю руки в «необъявленной войне» против Ливана. К группе осудивших Садата и политику Вашингтона на Ближнем Востоке сначала примкнули такие страны, как Саудовская Аравия, Кувейт и другие нефтедобывающие государства Аравийского полуострова, которые на Западе считаются «умеренными», а затем даже недавние близкие союзники египетского президента — Марокко и Судан.

Кольцо блокады оказалось почти полным. Каир покинули арабские послы и миссии, его участие «заморожено» во многих общеарабских организациях, в том числе и в Лиге арабских стран, резиденция которой переведена с берегов Нила в Тунис. Египет лишился арабских кредитов и финансовой помощи, в которой остро нуждается.

В этой обстановке Садат пытается компенсировать потери на Западе, особенно за счет американской помощи. Конгресс США уже утвердил ассигнования в сумме 4,8 миллиарда долларов, но, как и прежде, основная сумма — 3 миллиарда долларов — предназначается Израилю. Египту же, по словам «Нью-Йорк таймс», выделяется лишь такая сумма, которая поможет ему «удержаться на плаву» и потуже привяжет к Вашингтону. «Золотым дождем» очередного «плана Маршалла» для Ближнего Востока даже не пахнет.

Израиль тем временем ужесточает свои требования, особенно в том, что касается палестинского вопроса. Начавшиеся в Беэр-Шеве переговоры, которые будут продолжены в Александрии, арабы по праву оценили как камуфляж израильского стремления увековечить оккупацию палестинских земель. Впрочем, этого не скрывают и в Тель-Авиве. Так, премьер-министр М. Бегин заявил, что речь может идти только об автономии населения, а не территории. А что это значит, пояснил министр иностранных дел М. Даян. Израиль, сказал он, сохранит власть на Западном берегу Иордана и в секторе Газы (там проживает 1,1 миллиона палестинцев), будет контролировать водные ресурсы и государственные земли, «численность армии и ее присутствие на этих территориях не уменьшатся». О чем же тогда ведутся переговоры?

Немудрено, что все арабские страны и палестинцы отказались в них участвовать. И в самом Египте ширится оппозиция сепаратному курсу, против которого выступают влиятельные в стране силы. Английская газета «Обсервер» рассказала на днях, например, о таком довольно любопытном факте. Центру политических и стратегических исследований при газете «Аль-Ахрам» было приказано провести семинар о будущем Палестины с участием примерно 10 израильтян. Однако этот план дал осечку: израильские делегаты прибыли, как и было намечено, но члены центра, в большинстве интеллигенты эпохи Насера, не явились на семинар. «Ни Садат, ни кто-нибудь еще в его правительстве,— констатирует газета,— не могут полностью контролировать непроизвольную реакцию простых египтян на перспективу братания с израильтянами».

Эта реакция не на шутку страшит египетские власти. Пытаясь предотвратить ее, они ведут кампанию репрессий против Национально-прогрессивной партии, арестовали десятки ее активистов, запретили издание левых печатных органов. Однако недовольство самоизоляцией Египта от арабских государств, ориентацией страны на Вашингтон то и дело прорывается наружу.

Последние сообщения свидетельствуют, что новые попытки США привлечь к сепаратному решению ближневосточной проблемы другие арабские страны, в частности Иорданию и Сирию, опять потерпели провал. «Арабы отвергли американскую политику в отношении ближневосточного урегулирования,— заявил министр иностранных дел Сирии А. Х. Хаддам,— так как эта политика попирает решения ООН и права арабов, поощряет израильскую агрессию и направлена на ликвидацию национальных прав арабского народа Палестины».

Известно, что нежелание учитывать политические реальности международной и внутренней обстановки никогда не сулит ничего хорошего. Ясно и то, что сепаратные сделки не могут принести мира Ближнему Востоку, они лишь затягивают узел противоречий, грозя новыми осложнениями.

Палестинская семья, оставшаяся без крова.

В городе Тир после израильского налета.

Солдаты правохристианских формирований на юге Ливана.

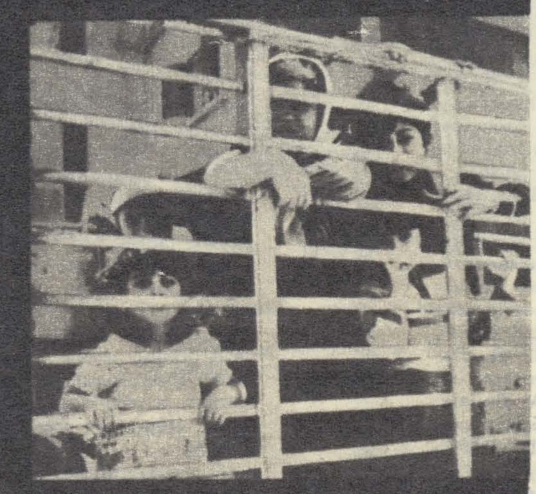

Жители подвергшихся обстрелу населенных пунктов покидают опасную зону.

Фото ТАСС

«ФАНТОМЫ» В НЕБЕ ЛИВАНА

«Когда все это кончится?» — всякий раз задают один и тот же вопрос ливанцы, уставшие от непрекращающихся взрывов, стрельбы и пожарищ, жаждущие вновь обрести мир и покой в своей древней стране. Неожиданная смерть от пули снайпера или от взрыва артиллерийского снаряда стала постоянным явлением.

Сейчас голубое небо над Бейрутом разрывается от грохота пролетающих «Фантомов», от лающей канонады зенитных орудий. Мимо песчаных пляжей в лазурном, ласковом море проносятся торпедные катера, обрушивая свой смертоносный груз на мирные города и деревни Ливана. Израненная земля Южного Ливана стонет от скрежета гусениц танков и бронетранспортеров. Все это будет продолжаться до тех пор, пока коварный и жестокий южный сосед Ливана — Израиль не прекратит своих наглых и жестоких рейдов против независимого государства.

Израилю всегда было выгодно иметь у своей границы слабый, раздираемый внутренними противоречиями Ливан, которому можно было бы диктовать свои условия, навязывать свою волю, совершать военные операции на его территории. И в развязывании гражданской войны в Ливане, причинившей столько горя и разрушений ливанскому народу, повинен Израиль, чья политика была всегда направлена на стравливание и сталкивание различных политических и религиозных групп Ливана.

Ливан несметное число раз подвергался иностранным нашествиям, а его города — беспощадным разрушениям, но страна вновь и вновь возрождалась и всегда оставалась оживленным торговым центром, где звучали буквально все языки Средиземноморья, где встречались и смешивались разные народы и религии. Именно поэтому сегодня Ливан отличается довольно пестрым этническим составом и здесь так много различных религиозных общин.

В Ливане живут арабы, турки, армяне, греки, черкесы. Чуть больше половины населения — христиане: марониты, православные, католики, армяно-грегориане, протестанты. Остальные ливанцы — мусульмане: друзы, сунниты и шииты.

Долгие годы марониты (представители христианской церкви, последователи монаха Марона, умершего в 410 году), которые составляют сегодня основную часть христианского населения Ливана, занимали доминирующее положение в политической и экономической жизни страны. Маронитская община претендует на особое положение среди тех, кто населяет Ливан. При этом она утверждает, что является «защитником христианских ценностей» перед лицом «крайностей» прогрессивных сил Ливана. Правохристианские силы Ливана все больше и больше смыкаются с израильским агрессором, получая от него военную и финансовую помощь. Один из главарей христианских вооруженных сил на вопрос о прекращении огня в Бейруте сказал: «Все зависит от поддержки, которую нам должен оказать Израиль. Если он выполнит свои обещания, мы, безусловно, начнем бой, чтобы вовлечь сирийцев в военные действия. Что касается создания государства на 10 тысячах квадратных километров территории Ливана, то наши руководители рассчитывают в этом деле на поддержку Израиля».

Помимо ливанцев, в стране проживают сотни тысяч палестинцев, которые нашли здесь убежище после захвата Палестины израильскими агрессорами. Они живут в убогих лагерях в надежде на возвращение в родные края, на грядущую победу справедливого дела палестинцев. Но и здесь они не укрылись от зловещей руки сионистов. Тель-Авив продолжает преследовать их и в изгнании. Его самолеты и орудия бомбят и обстреливают палестинские лагеря. Дети, женщины и старики — вот кто в основном жертвы варварских нападений. Израильская авиация и артиллерия обрушивают потоки ракет и снарядов не только на палестинцев, но и на ливанское население.

Изгнание палестинцев из Ливана, уничтожение Организации освобождения Палестины — на это направлена политика Израиля с самого начала ливанского кризиса. И сделать это Тель-Авив пытается руками правохристианских военных формирований.

Гражданская война раздробила ливанскую армию на различные группировки. Этим воспользовался правый экстремист майор Хаддад, возглавивший одно из «милицейских формирований» консервативных сил в Южном Ливане. Поскольку правые поставили целью борьбу с палестинским движением, поддержка Израиля была им обеспечена. Более того, после того как Тель-Авив в марте прошлого года оккупировал Южный Ливан, он после вынужденного вывода своих войск передал этот анклав, расположенный вдоль границы Израиля и Ливана, Хаддаду. Хаддад получил возможность проявить себя. Он принял участие в грабежах и массовых убийствах мусульманского населения, провел насильственную мобилизацию, создав «армию» из нескольких сот человек. Тель-Авив охотно предоставил Хаддаду оружие, обмундирование, инструкторов.

Теперь же зарвавшийся марионетка объявил о создании мини-государства «Свободный Ливан». Он никогда бы не решился на это без согласия своего израильского хозяина. Не случайно, что Хаддад провозгласил независимость своего «государства» в израильском городе Метулле сразу же после встречи с министром обороны Израиля Вейцманом. В самом отряде Хаддада действуют 100 израильских офицеров. Так что факты налицо, и вполне ясно, кто есть кто.

Провозглашение марионеточного государства на юге Ливана — это лишь первое звено в зловещих планах Тель-Авива. Теперь с подобной затеей «независимого государства» выступил председатель правой Национально-либеральной партии Ливана Камиль Шамун, намеренный создать его в центре страны. Ясно, что Израиль ведет дело к разделу Ливана, к образованию на его территории опорных баз для эскалации своих провокаций против национально-патриотических сил Ливана, палестинцев, а также против Сирии, войска которой по просьбе ливанского правительства находятся в стране в составе межарабских сил по поддержанию мира.

Странные совпадения: агрессия Израиля в Ливан началась в момент подготовки «сепаратного» мира с Египтом, новая агрессивная акция Израиля совпала с предложением «мира» Ливану, хотя хорошо известно, что Ливан не находится в состоянии войны с Израилем. На каких же условиях согласен Бегин прекратить варварский артобстрел ливанской территории и пиратские рейды израильских «Фантомов» в глубинные районы страны? Он требует вывода межарабских сил безопасности из Ливана и изгнания палестинцев. Израилю нужен «садатовский» Ливан, который бы беспрекословно принял его «мирные инициативы», пошел бы на предательскую сделку, отделил бы себя от общеарабской борьбы. Правые в Ливане готовы пойти по этому пути, но национально-патриотические силы решительно выступают против наглых требований Израиля. Избежать раскола и сорвать планы Израиля и его пособников — таковы трудные задачи, которые предстоит решить Ливану.

В. ДУНАЕВ

На пушкинском празднике в селе Берново. Фото А. Гостева

ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК

В нашей стране состоялся Всесоюзный праздник поэзии, посвященный 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Корреспонденты «Огонька» рассказывают, как проходил праздник в местах, связанных с жизнью и творчеством великого поэта.

КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

БЕРЕГ МИЛЫЙ

Тверская земля. Она помнит и чтит великого поэта. Сюда, к близким друзьям, в уединенную тишь небольших усадеб, не раз наведывался он, на этом «милом берегу» отдыхал душой, здесь приходило к нему вдохновение и рождались гениальные строки.

Минуло тому более полутора веков. Но всякий, кому посчастливится побывать в Верхневолжье, проехать по замечательному «пушкинскому кольцу», зайти в музеи поэта в Торжке и Бернове, как бы заново прочтет стихи, созданные Пушкиным на тверской земле. Среди темнеющих хвоей лесов, светлых рек, изумрудных полей откроется перед нашим современником, человеком стремительного XX века, еще одна сторона души великого национального поэта. И преисполнится сердце чувством благодарности к тем, кто с такой любовью заботится о возрождении пушкинских мест в Калининской области.

Это чувство испытали и тысячи любителей поэзии, почитателей пушкинского гения, съехавшиеся на древнюю тверскую землю, где в столь любимых Пушкиным местах было торжественно отмечено его 180-летие.

В. ПЕТРОВ

Памятник Пушкину в селе Болдино. Скульптор О. Комов.

ГОРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

ПАМЯТНИК ПОЭТУ

Слова «болдинская осень» вызывают в нашем сознании представление о высочайшем творческом взлете музы Пушкина в три осенних месяца 1830 года.

Тридцать лет назад в Болдине создан музей-заповедник А. С. Пушкина. Восстановлен старый помещичий дом с мезонином, перед фасадом которого зеленеет по весне огромная лиственница, привезенная сюда, по преданию, самим поэтом.

А в эти дни в Болдине был открыт памятник Пушкину, созданный народным художником РСФСР скульптором О. К. Комовым. Перерезана алая лента, удерживающая полотно,— и под тихие звуки мелодии русского композитора начала XIX века Д. С. Бортнянского перед собравшимися возникает стройная фигура А. С. Пушкина, сидящего на диване с полукруглой спинкой. Кажется, поэт недавно приехал в родовое гнездо и на минуту присел в парке, задумался. Бронзовый памятник установлен на невысокий пьедестал из полированного гранита с краткой надписью: «А. С. Пушкину».

Пушкинский праздник продолжался в заповедной роще Лучинник, где с далеких допушкинских пор бьет ледяной родник. Смотришь на свежую июньскую зелень рощи, любимое место прогулок Пушкина, и кажется, что вот-вот мелькнет за стволами синь-сарафан Лизы Муромской, поджидающей в роще Алексея Берестова из «Барышни-крестьянки»: «Приближаясь к роще, стоящей на рубеже отцовского владения, Лиза пошла тише. Здесь она должна была ожидать Алексея... Лиза вошла в сумрак рощи. Глухой, перекатный шум ее приветствовал девушку... она шла, задумавшись, по дороге, осененной с обеих сторон высокими деревьями...» Она и ныне такая, эта роща, где вовеки живет светлая память о поэте.

Георгий БЛЮМИН
Фото автора

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

ЕГО ЗАХАРОВО

В конце 1804 года бабушка Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал приобрела под Москвой, в Звенигородском округе, сельцо Захарово. А следующим летом маленький Саша уже любовался здесь и «зерцалом вод» и «старых кленов темным рядом». Все последующие до поступления в Лицей годы будущий поэт проводил летние месяцы в Захарове, в первой деревне, узнанной им в жизни.

Захарово находится в двух километрах от старинного поместья Вяземы, где в 1807 году похоронили брата Пушкина Николая. Могила его сохранилась до наших дней.

...С краеведом Александром Ивановичем Виноградовым мы стоим на берегу захаровского пруда.

— Когда здесь бывал поэт, в Захарове было десять дворов. Вот где-то здесь стоял домик крестьянина Никитина, за которого выдали замуж Марию Федоровну, дочь няни Пушкина Арины Родионовны,—рассказывает Александр Иванович.

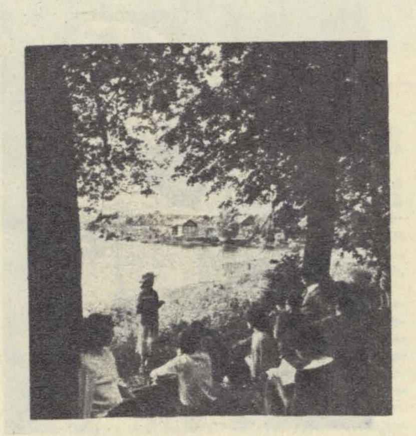
До наших дней сохранились две липовые аллеи, ведшие от пруда, а от старого дома остался лишь фундамент.

...Живописная поляна возле бывшей усадьбы Марии Алексеевны Ганнибал заполнена людьми. На эстраде поэты, артисты, музыканты, литературоведы. Сегодня здесь звучит и пушкинский стих, и мелодия, написанная на его слова, и стихи, посвященные Пушкину, и выступление исследователей-пушкинистов.

Искусствовед Нина Молева рассказала собравшимся, что многие мотивы исторических произведений Пушкина навеяны захаровскими впечатлениями. А народный хор Одинцовского района воспроизвел на эстраде самую настоящую деревенскую свадьбу, такую мог наблюдать в детстве Пушкин.

Три часа длился этот праздник, теперь пушкинское «селенье», его Захарово, навсегда войдет в орбиту всесоюзных пушкинских торжеств. И, конечно, необходимо (и об этом говорили все в этот день) восстановить усадьбу в таком виде, в каком ее видел великий поэт.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Звучат стихи Пушкина на берегу захаровского пруда.
Фото Г. КОПОСОВА

Поднят Государственный флаг СССР.

СЕМЕРКА НА ПОЛЮСЕ

Победители полюса — Д. Шпаро, Ю. Хмелевский, В. Леденев, А. Мельников, В. Рахманов, В. Давыдов, В. Шишкарев.

Фото В. Кузьмина, специального корреспондента ТАСС

ВЫСОКОШИРОТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» ЗАВЕРШЕНА

Дмитрий Шпаро, Владимир Леденев, Юрий Хмелевский, Анатолий Мельников, Владимир Рахманов, Вадим Давыдов, Василий Шишкарев. Отныне имена этих семи московских парней будут навечно врезаны в историю покорения Северного полюса, и полярные ураганы не смогут стереть лыжню, проложенную ими от берегов острова Генриэтты к той точке, где сходятся все земные меридианы.

76 дней двигалась высокоширотная полярная научно-спортивная экспедиция газеты «Комсомольская правда» по торосистым льдам, не раз форсировала заносы и дымящиеся от стужи разводья, боролась с сорокаградусными морозами, преодолевала усталость, и вот 1500 километров позади. 31 мая экспедиция вышла к географической точке Северный полюс. И есть какая-то символика в том, что начальник экспедиции Дмитрий Шпаро — доцент Московского института стали и сплавов. Да, из первоклассной стали и сверхтвердых сплавов выплавлены тела и души этих бесстрашных, могучих людей. С тяжелейшими рюкзаками за спиной двигаясь на лыжах, они день за днем преодолевали труднейшие арктические километры. Им было трудно, очень трудно, но в своих радиограммах участники экспедиции скрывали многое из-за боязни, что их могут снять с маршрута.

За рейдом бесстрашной семерки следила вся страна — многочисленные рации ловили их сводки, к ним готовы были прийти на помощь работники арктических станций, летчики. Самолеты сбрасывали им питание и снаряжение, но и сама экспедиция была тщательно подготовлена, а ее снаряжение почти все создано руками участников похода. Они хорошо знали, что их ждет, были готовы к трудностям, отлично тренированы, но Арктика словно не хотела смириться с их вторжением. И особенно тяжелой оказалась последняя неделя. С 21 по 27 мая они ни разу не видели солнца и не могли проверить точность своего маршрута. Дважды — у Давыдова и Рахманова — ломались лыжи. В ледяную воду попал Хмелевский, а последние километры, отделявшие их от полюса, представляли собой сплошные торосы. Однако экспедиция продолжала выполнять научные задания нескольких институтов, испытывать системы связи, различные приборы и заканчивала очень важные медико-биологические наблюдения.

Случайной победы в таком путешествии быть не могло. Команда Дмитрия Шпаро семь лет готовилась к своему броску на Северный полюс. За это время команда совершила 500-километровый лыжный переход по льдам моря Лаптевых и островам архипелага Северная Земля, пересекла пролив Лонга, пройдя по дрейфующим льдам 300 километров, обследовала западное побережье Таймыра, прошла на лыжах в районе Новосибирских островов, осуществила лыжный переход по маршруту остров Врангеля — дрейфующая станция «Северный полюс-23». Вот что предшествовало выходу научно-спортивной экспедиции газеты «Комсомольская правда» к Северному полюсу, где 31 мая участники экспедиции встретились с членами штаба экспедиции, спортивными комиссарами, представителями ЦК ВЛКСМ, журналистами, прилетевшими на полюс на двух самолетах. И вот над полюсом поднято знамя Советской страны, оглашена телеграмма Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу. На полюсе оставлен контейнер, в который вложены копии документов о покорении полюса, горсть земли от стен Московского Кремля, «Серебряный костыль» с Байкало-Амурской магистрали, пучок пшеничных колосьев казахстанской целины, медвежонок — талисман Московской Олимпиады, вымпелы ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской правды».

В тот же день самолет «АН-2» доставил семерку на дрейфующую полярную станцию «СП-24», где состоялась краткая пресс-конференция, а затем — на твердую землю в поселок Черский.

В. ЯКОВЛЕВ

РЕВАНШ ВЗЯТ!

В четвертый раз, в Токио был разыгран Кубок мира по гимнастике. Спортсмены соревновались только по произвольной программе, и на помосте развернулась исключительно яркая и интересная борьба. Она была обусловлена событиями, разыгравшимися на двух предшествующих соревнованиях, где советские гимнасты уступили первенство Европы и у мужчин и у женщин. Золотые медали завоевали тогда знаменитая румынская гимнастка Надя Комэнечи и молодой болгарин Стоян Делчев. В Токио соперники встретились вновь. И это, конечно, вызвало огромное нервное напряжение спортсменов, которое привело к тому, что Александр Дитятин, в первый день допустив ошибки, оказался на четвертом месте, а олимпийская чемпионка и трехкратная чемпионка Европы Надя Комэнечи, воскресшая снова для победы на чемпионате Европы в Копенгагене, плохо выступила на брусьях и оказалась после выполнения двух упражнений лишь девятой.

Дитятин во второй, решающий день сумел собраться, выступил блестяще и, обогнав двух своих главных соперников — японца Сигеру Касамацу и Стояна Делчева, вторично завоевал Кубок мира. А вот Наде Комэнечи не помогла и высшая оценка, полученная в вольных упражнениях — 10 баллов, и она в сумме многоборья оказалась лишь четвертой. (Какое совпадение: четвертое место оказалось предельным и для чемпионки мира Елены Мухиной на чемпионате Европы!) Значительно успешнее выступила вторая румынская гимнастка, серебряный призер чемпионата Европы — Эмилия Эберле, занявшая третье место, а две высшие ступеньки пьедестала почета достались гимнасткам СССР. Кубок мира завоевала самая молодая участница соревнований пятнадцатилетняя школьница из Киева Стелла Захарова, а второе место досталось самой старшей и опытной гимнастке, трехкратной олимпийской чемпионке Нелли Ким.

Успех Стеллы Захаровой — это, конечно, неожиданность, но вполне закономерная: достаточно вспомнить, что в нынешнем году она была победительницей на открытом розыгрыше «Кубка Америки» и на соревнованиях газеты «Москоу Ньюс».

В. ВИКТОРОВ

Обладатели Кубка мира советские гимнасты Стелла Захарова и Александр Дитятин.

Фото А. Бочинина

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

УКРАИНА

НА РЕЛЬСАХ ТЕПЛОВОЗ-ВОСЬМИТЫСЯЧНИК

В создании «2ТЭ-121» принимали участие Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета УССР кузнец Ф. Курило, Герой Советского Союза инженер А. Рай, кавалер ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции токарь Г. Белоножко.
Фото корреспондентов «Ворошиловградской правды» Ю. Хромушина и Р. Азриеля

Он стал первым в стране «восьмитысячником» — машиной мощностью в восемь тысяч лошадиных сил. Такого богатыря отечественное локомотивостроение еще не знало. А предназначен он для грузовой службы на участках с наиболее сложным профилем пути и в недалеком будущем станет основным работником на БАМе.

На новом тепловозе установлен экономичный четырехтактный дизель. Со скоростью до 120 километров в час он сможет «тянуть» 4—4,5 тысячи тонн груза. Рациональное размещение приборов в кабине тепловоза, кондиционеры создают хорошие условия для работы локомотивной бригады.

После тщательных испытаний на железных дорогах при повышенных нагрузках в самых различных климатических условиях супертяжеловес был передан представителям Министерства путей сообщения для эксплуатации. Это было в канун 50-летия первой советской пятилетки. Новый тепловоз знаменует важный этап в развитии отечественного локомотивостроения. В годы первой пятилетки здесь, на Ворошиловградском заводе имени Октябрьской революции, появился первый паровоз «ФД», полностью построенный по чертежам советских конструкторов. С тех пор год за годом ворошиловградские локомотивостроители совершенствовали свои машины, пройдя огромный путь от паровозов до современных стремительных машин, которые удостоены Золотых медалей на международных ярмарках в Лейпциге и Пловдиве.

Сверхмощный тепловоз «2ТЭ-121», строительство которого предусмотрено «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», пополнил эту блистательную когорту.

М. БЕРЕЖНОЙ

МОСКВА

С ОРАНЖЕВЫМ МЯЧОМ

В спортивном зале весело стучат оранжевые баскетбольные мячи. Идут занятия в специализированной детско-юношеской школе олимпийского резерва по баскетболу Фрунзенского района столицы. В зале много ребят: еще не закончили тренировку старшие, а малыши пришли заранее — посмотреть на своих кумиров. Наконец зал в полном распоряжении младших. Но до начала игры надо поучиться вести мяч, бросать его в корзину, отдавать пас. Сто потов сойдет, прежде чем заслужишь похвалу тренера Анатолия Романовича Солдатенкова.

Свою историю школа отсчитывает с 1943 года. Сейчас в ней 44 учебно-тренировочных группы, более шестисот человек. За это время она выпустила много отличных баскетболистов: Геннадия Вольнова и Ольгу Подолян, Любовь Шармай и Сергея Киселева; многие играют за команды высшей лиги.

В тренировочной практике большое внимание уделяется освоению комплекса ГТО, физической подготовке. И, конечно, баскетбольной технике и тактике. Ведь, чтобы воспитать настоящего мастера, необходимо с самого начала прививать маленьким спортсменам

культуру игры. Для этого в школе есть все условия: и хорошая спортивная база и опытный тренерский состав.

Скоро ребята отправятся в спортивные лагеря Подмосковья и Латвии, пойдут в походы по местам боевой и трудовой славы. Группа юных спортсменов едет в Венгрию на товарищеские встречи.

Началось пионерское лето.

В. МИХЕЕВ

Фото автора

ГРУЗИЯ

АПТЕКЕ — 800 ЛЕТ

В Грузии создается аптека-музей. В этом не было бы ничего необычного, если б не место, где она разместится,— далеко от культурных центров республики, в древнем пещерном городе-крепости Вардзиа. Именно здесь, между пятым и шестым ярусами, пока еще труднодоступными для обозрения туристов (раскопки в Вардзиа все еще продолжаются!), обнаруженс несколько комнат-пещер, составляющих так называемый Дом лекарств.

Крепость Вардзиа строилась около пятидесяти лет и была закончена в 1204 году, в царствование Тамары. А в одиннадцатом веке Грузия уже имела крупнейший памятник древней фармакопеи, лечебник Кананели. И в письменных грузинских источниках того же времени упоминается название «аптека».

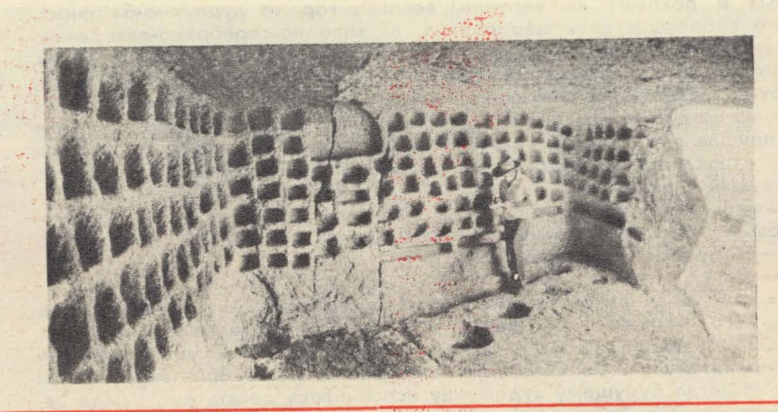
Одна комната Дома лекарств — в сплошных глубоких нишах, здесь предположительно хранились шины для врачевания переломов и вывихов. Обнаружена 221 ниша, но их было больше: южная стена почти вся обвалилась. В каменном полу высечено 14 ям для сырья, из которого приготовлялись лекарства.

Ученые взяли с поверхности ниш и пола пробы и нашли в них частицы цинка, железа, сульфатов серы, меди и т. д.

Что же будет экспонироваться в аптеке-музее? В самой Вардзиа, кроме помещения, ничего не сохранилось до наших дней. Однако при археологических раскопках других средневековых городов республики найден богатейший ассортимент медицинских сосудов, дубликаты которых и будут демонстрироваться в Вардзийском доме лекарств.

С. САЛУКВАДЗЕ,
член Тбилисского научно-фармацевтического общества имени И. Кутателадзе

На снимке: Дом лекарств в Вардзиа.

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

ПОД ЗЕМЛЯНИЧНЫМ ДЕРЕВОМ

Сочи прекрасен в любое время года. Летом особенно. Город утопает в зелени магнолий, кипарисов, пальм, лавровишен, олеандров, камфорных и лавровых деревьев, кедров, елей, криптомерий, сосен...

Среди приятно пахнущих розовых, красных и белых камелий стоят, покачивая оголенными ветвями, могучие платаны. Как невеста в подвенечном платье, усыпана зонтиками белоснежных соцветий лавролистная калина. Пламенеют пурпурные цветки на ветках японской айвы. Серые ветки инжира напоминают громадные, густо разветвленные оленьи рога.

Здесь часами можно любоваться горными пейзажами, парками и скверами, архитектурными ансамблями здравниц, гостиниц...

Сочи — город с удивительным парково-архитектурным оформлением, экзотической растительностью, какой-то особой приветливостью площадей и улиц, без надоевшего шума городского. Да и откуда взяться шуму, когда кругом сплошные сады и парки?

...Парк «Дендрарий» похож на огромную изумрудную раковину. В нем растет много необычных деревьев и кустарников. Названия некоторых деревьев напоминают... продуктовый магазин: конфетное, медовое, хлебное, чайное... Есть деревья, представляющие и ассортимент хозяйственного магазина: железное, мыльное, пробковое, камфорное... А вот вечнозеленое дерево с яркой розовой корой. Оно покрыто цветами, похожими на ландыши. Из кудрявой кроны аппетитно выглядывают крупные ягоды земляники. Земляника на дереве! По форме, цвету и вкусу плоды очень похожи на обыкновенную садовую землянику. Дерево и называется земляничным.

Интересно побывать и в других парках Сочи и его пригородов — «Ривьере», «Курортном», «Комсомольском», адлерском, в хостинской реликтовой тисо-самшитовой роще... В каждом из них созданы интересные декоративные композиции из деревьев, камней, цветников. Площадь одних только городских сочинских парков — более шестисот гектаров! Без них невозможно представить себе облик сегодняшнего города-курорта.

Я. ПОНОМАРЕНКО

АЙВАЗОВСКИЙ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Едва ли кто-нибудь может сказать, что, однажды увидев море, он забыл его. Более того, море продолжает звать к себе, оно является в сновидениях, в мечтах и думах. И сколько бы ни прошло лет, каждый из нас, вновь увидев море, потрясен его жизненной силой, игрой волн, неукротимым ритмом движения. Море и небо — вот поистине колдовской калейдоскоп самых фантасмагорических сочетаний колеров, бликов и пятен. Изменяемость отношений красок моря и неба, смена состояний мгновенны, и поэтому мастерство, изображающее эту красоту на холсте или бумаге, выделено в особый жанр, и живописцы, изображающие море, зовутся маринистами.

Маринист. Это слово само уже несет в себе запас романтики, от него как будто исходит дыхание моря с его бесконечным, беспокойным и могучим дыханием. Художник моря! Этот жанр дался по-настоящему очень немногим большим живописцам, ибо, чтобы изобразить стихию моря, надо быть и вдохновенным поэтом. Так написать саму душу моря, чтобы стать как бы частью этой красоты.

Потому великих маринистов во всей истории мировой живописи можно насчитать лишь с десяток. Не больше.

Среди самых крупных и виртуозных певцов моря был наш соотечественник Иван Константинович Айвазовский — художник с невероятной маэстрией, покоривший все трудности живописи и с изумляющей, кажущейся простотой и легкостью достигший самых вершин этого трудного жанра. Излишне говорить уже о том, насколько свободна, но в то же время собранна и сдержанна должна быть палитра мариниста, ибо художником моря может стать только настоящий живописец от рождения, для которого язык красок и тайны колорита ясны до конца. Море, как и небо, вечно в движении, в неуловимых рефлексах пленэра. Надо только это уметь видеть и, главное, запечатлеть на холсте, бумаге, на доске офорта или гравюры...

...В погожий летний день в маленьком крымском городке Феодосии, под плеск набегающей бирюзовой волны, в армянской семье Константина Гайвазовского родился 17 июля 1817 года сын Ованес... Этот день был ничем особо не примечателен, но надо сказать, что он навсегда прославил и город Феодосию и Россию. Родился великий певец моря.

Айвазовский — виртуоз кисти, постигший все тонкости изображения «марин» и достигший вершин славы. Его шедевры украшают лучшие собрания мира и являются гордостью нашей отечественной школы живописи. Художник, создавший этот поток шедевров, обязан не только своему таланту и трудолюбию. Прежде всего создание мира его образов определено родиной — Феодосией, где еще малышом он привык видеть и научился любить море.

Феодосия. Крым... Это они служили соленой купелью, в которой рождался талант будущего мастера, и бесконечная смена состояний, которые так тонко и контрастно отражают море, и старые руины Генуэзской крепости, и стремительный бег облаков, то ослепительно белых и похожих на вершины вековых гор, то пурпурно-багряных, будто собравших весь жар полдня, то холодно-серебряно-лазоревых, окружающих бледную луну,— все это богатство природы с самых юных лет запало в душу малыша Ованеса, и он часами сидел у моря, любуясь накатом, оставляющим легкую пену и влажный след выброшенных медуз на берегу. Все, все замечал и запоминал малыш, а когда пришла пора и муза тихо склонилась у его изголовья, то мальчик взял кусок угля и стал рисовать на белой стене родного дома гордо плывущий корабль.

Отец увидел эти первые опыты восьмилетнего сына и вместо того, чтобы выругать его за выпачканную стену, вынес ему несколько листов плотной бумаги и карандаши.

— Рисуй,— сказал отец.

И сын начал рисовать стихийно, безудержно. Желание изобразить мир, его окружающий, было неутолимо. Правда, жизнь нелегка, средств на покупку бумаги, красок не было. Внезапно уехал работать и учиться в далекую сказочную Венецию старший брат Гарик. Годы шли. И когда будущему художнику исполнилось десять лет, нужда заставила семью Гайвазовских отдать маленького Ованеса в люди — работать в кофейню к греку Александру.

Кофейня. Мальчик на побегушках. Горький чад кухни. Дым. Гул голосов и бесконечная круговерть серых, нудных будней. Суета, тычки... И вот однажды один из посетителей кофейни стал читать стихи Пушкина, посвященные гибели Байрона в Греции в боях за освобождение страны от иноземного ига, и вмиг перед глазами десятилетнего паренька предстала набережная Феодоси. Тихий, тихий вечер и встреча. Он вдруг вспомнил светлые, лучистые глаза смуглого, курчавого молодого человека, которого увидел во время приезда туда брига с семьей героя Отечественной войны 1812 года — генерала Раевского. Фамилия юноши с огненными глазами, так запомнившимися маленькому Онику, была Пушкин. Лишь через ряд лет судьба сведет их снова, уже в столице Санкт-Петербурге, на выставке картин молодого художника Ивана Гайвазовского...

Работа в кофейне у хозяина грека имела и свои светлые стороны. Общаясь с гостями, слушая рассказы моряков о далеких странах, об их путешествиях, паренек запасался знаниями. Дружа с музыкантами, Ованес научился играть на скрипке. Музыка. Она еще больше обогатила его духовный мир. Но, как говорят, пути судьбы неисповедимы... Юному художнику встречается меценат. Архитектор. Он увидел молодой талант и забрал Ованеса из кофейни. Стал учить рисованию, перспективе, дал материалы — бумагу, цветные карандаши.

Упоенно, безотрывно отдался мальчишка любимому делу. И оно пошло. Так иногда первый толчок дает импульс к большему движению вперед. У архитектора Коха была легкая рука. Он знакомит градоначальника Феодосии Казначеева с молодым художником, тот дарит ему первые в жизни будущего живописца акварельные краски и обещает поддержку. Вскоре семья Казначеева переезжает в Симферополь и берет с собою юного Ивана (как его стали звать к тому времени).

Вскоре после приезда в Симферополь рисунки молодого Гайвазовского посылаются в Петербург с ходатайством о принятии юноши в Академию художеств. Президент Оленин, просмотрев работы молодого человека, дал указание о принятии его «казенным пенсионером».

...Столица России поразила юношу великолепием своих дворцов, парков, чугунных литых оград, мраморными изваяниями... Адмиралтейство, величественный Медный Всадник и, главное,— Нева в дорогом убранстве набережных, нарядных мостов. Юноша был очарован. Наконец-то он близок к своей мечте стать художником — ведь в Российской императорской Академии художеств, как он мыслил, было собрано все лучшее, чем располагала Русь. Надо лишь учиться, учиться рисовать и писать.

Но не все было так просто и однозначно в ту далекую пору. Николай I, самодержец, лично занимался академией, и дух, царивший в ней, был казенный, серый, далекий от романтических грез шестнадцатилетнего Гайвазовского. Он ведь любил природу, море, свою маленькую солнечную Феодосию, а официальные библейские и мифологические сюжеты учебных заданий были чужды маленькому провинциалу, простодушному и застенчивому.

Молодому Гайвазовскому посчастливилось попасть в класс к профессору Максиму Воробьеву—человеку из народа, солдатскому сыну, тонкому лирику, прекрасно чувствующему красоту природы. Большой удачей было то, что Максим Никифорович обожал музыку, сам играл на скрипке и великолепно ощущал незримую связь музыки и живописи. Он сразу полюбил своего нового юного ученика за его талант художника, за музыкальность, за скрипку, которой он так прекрасно владел. И, что очень важно, профессор Воробьев отлично писал воду. Вот что он говорил о Неве, которую изображал неоднократно в любую погоду и время дня:

«У нас Нева — красавица, вот мы и должны ее на холстах воспевать. На тона ее смотрите, на тона!» Воробьев понимал поэзию, дружил с Жуковским, Крыловым, Гнедичем. Словом, это был образованный и тонко чувствующий прекрасное человек... Гайвазовский с первых дней заявил о себе как о талантливом ученике, он много трудился и был с первых шагов отмечен.

Президент Академии художеств Оленин, зная любовь Гайвазовского к морю, подсказывает ему написать к академической выставке пейзаж моря. Ученик блестяще выполняет задание. «Этюд воздуха над морем» — называет он полотно... Любопытно, что этот холст был снят с экспозиции по светлейшему указанию императора Николая I из-за кляузы французского гастролера «живописца» Таннера... Но чего не бывало в те далекие годы? Правда, справедливости ради надо заметить, что зарвавшийся Таннер был вскоре изгнан из России, а опала с молодого Гайвазовского снята, и царь даже велел выдать студенту денежный подарок. Но горечи свершившейся несправедливости юный мастер не забудет никогда.

Шло время... И вот наступил 1836 год, когда впервые Гайвазовскому разрешили выйти в море на боевом военном корабле. Перед молодым художником раскрылась во всей красе грозная мощь Балтики, свинцовые штормы и лазурные дни штилей. Вся, вся радуга капризной морской стихии предстала перед ним. Так были созданы семь картин из жизни русского военно-морского флота. В них было не только море, но корабли и люди, написанные с великим тщанием и знанием дела... Гайвазовский нашел свое призвание. Море и флот... Осенью на академической выставке эти картины имели большой успех. Пушкин обнял автора полотен. Картины молодого мариниста похвалил кумир молодежи «сам» Брюллов. Это была великая поддержка, столь необходимая любому начинающему суровый и тернистый путь к истинной славе в искусстве. Дар Гайвазовского также заметил Глинка и встречался с ним. Такое окружение великих людей заставляло только усерднее работать, работать...

1838 год. Весна. Феодосия. Перед Иваном Гайвазовским родное Черное море. В тишину весеннего полдня врывается рокот прибоя. Вспененное, яростное море гонит седые валы, и они с ревом вздымаются и рассыпаются у прибрежных камней. Только крик чаек, грохот и стоны суровой стихии вспугивают разомлевшую от майского зноя тишину... Художник как зачарованный глядит на ярчайшую гамму красок, рожденную весной, морем и солнцем. Он весь, весь до конца отдается этой вечной музыке, повторяющейся из года в год миллионы лет.

Он посещает Ялту, Гурзуф. Долго, долго стоит у «кипариса Пушкина», вспоминая погибшего поэта.

Мастер устраивает себе студию в Феодосии, куда привозит все

И. Айвазовский. ГЕОРГИЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. МЫС ФИОЛЕНТ. 1846.

Феодосийская картинная галерея имени И. К. Айвазовского.

ВОЛНА. 1889.

Государственный Русский музей.

И. Айвазовский. БУРНОЕ МОРЕ. 1868.

Государственная Третьяковская галерея.

крымские этюды. До самой зимы он неистово трудится, пытается добиться звучания открытого солнца, и, наконец, привычная коричневая академическая дымка уступает место полной гамме всепобеждающего пленэра. Ликующее море и звонкое бездонное небо — все, все, кажется, покорно кисти Гайвазовского. Но он непрестанно ищет. Ищет свою палитру, свой колорит, безжалостно уничтожая и отвергая серые и вялые холсты.

К нему в мастерскую заезжает Николай Николаевич Раевский — генерал, начальник Черноморской береговой линии, и приглашает живописца посетить восточные берега Черного моря.

«Колхида». Военный корабль русского флота тех времен. Он шел мимо крымских берегов. Художник писал этюды. На борту он познакомился с братом Пушкина, Львом Сергеевичем, и подарил ему пейзаж. Опять колдунья-судьба свела три имени — Раевский, Пушкин, Гайвазовский... Правда, Пушкин был лишь брат поэта, но их сходство, стихи любимого Александра, которые он читал,— все это будило воспоминания, трогало до слез...

В конце плавания, подойдя к берегам Кавказа, Раевский посетил флагманский корабль «Силистрия», стоявший во главе черноморской эскадры из пятнадцати судов. Он взял с собой Гайвазовского и представил его Михаилу Петровичу Лазареву и капитану «Силистрии» Павлу Степановичу Нахимову, а также Владимиру Алексеевичу Корнилову. Молодой художник встретил на флагмане многих друзей, знакомых по его балтийскому походу, где его прозвали морским волчонком.

Настал момент, когда с этюдником художник участвовал в десанте флота. Он успел сделать несколько зарисовок. Словом, боевое крещение было пройдено... Лагерь охраняли часовые, и их глухие крики нарушали тишину ночных гор. Особенно запомнилась тайная встреча с ссыльными декабристами, их горячие слова о свободе, разуме, вере в конечную светлую судьбу России. Никогда не забудет художник мечущееся пламя костра и блестящие вдохновением глаза собеседников — Одоевского, Нарышкина...

Буйная, девственная, дикая природа Кавказа пленила молодого живописца, и он с целой папкой этюдов, включавших и десантные операции флота, приехал в Феодосию, где привел все в законченный вид и стал готовиться к отъезду в Академию. В этих новых полотнах Гайвазовского уже окончательно сложилось его основное призвание — маринист-баталист!

Просмотр. После долгих прений совет Академии решил отправить Гайвазовского среди других за рубеж для изучения классики.

Первые шаги были в Италии. Венеция сразила своей яркостью, неподражаемым холодным колоритом, столь свойственным Веронезе, Тьеполо и другим гигантам венецианской школы.

Ованес посетил в монастыре своего брата Гарика, и брат сообщил, что фамилия их предков была Айвазян. И поэтому они решили убрать букву «г» и писать А й в а з о в с к и й.

Италия раскрыла богатства своей культуры, живописи, скульптуры, архитектуры. Молодые люди, потрясенные Римом, Флоренцией, изучали мастерство, копировали классиков. Они увидели Неаполь, бухту, Везувий.

Айвазовский пробовал показывать свои «марины» итальянцам. Некоторые холсты имели подлинный успех. Шли заказы от богатых меценатов, вельмож.

Однажды русский художник Александр Иванов взял с собой Айвазовского на этюды в Сабинские горы. Маленький городок Субиако расположен всего в сорока верстах от Рима. Его окрестности были поистине дикими, первозданными по своей растительности и рельефу, украшенному суровыми, голыми скалами. Мастер работал на натуре неспешно. Долго рисовал, компоновал этюд, а потом с великим усердием выписывал каждую, казалось, малозначительную деталь. Но главной своей задачей он ставил передать неуловимое состояние природы, сложную игру теплых и холодных рефлексов и тот общий холодок, обычно свойственный открытому воздуху. Словом, он, один из первых решал задачи пленэра, которые лишь через полвека будут «открыты» французскими импрессионистами.

Стоял жаркий полдень. Иванов уже несколько раз переписывал этюд. Был недоволен работой. Вечерело. К нему присоединился Айвазовский, бродивший вокруг и рисовавший в альбоме наброски. Сурово поглядел Иванов на беглые кроки своего молодого друга. Ему стало больно от такого легкомысленного изучения натуры, и он стал долго и упорно рассказывать, как важно не «сочинять» природу, придумав несколько ловких приемов, а потом штамповать пейзажи — декорации, нагруженные эффектами, рассчитанные на неискушенного зрителя. «Владеть кистью — этого еще очень мало,— произнес Иванов,— чтобы быть живописцем. Живописцу надо стать вполне образованным человеком, он должен стоять на уровне с понятиями своего времени».

...Великий мастер умолк. Тишина окутала вечный простор долин. Лишь легкий дымок костров, спешивший к небу, напоминал о присутствии здесь человека с его суетными заботами, мирскими делами. Айвазовский понял всю глубокую правду слов учителя. Не фантазировать и сочинять свою природу, а изучать и тщательно следовать ее законам — вот его задача. Иначе его ждет довольно банальная судьба модных художников, заполняющих салоны. Но если говорить откровенно, то наставления Иванова вскоре были заглушены похвалами льстецов, невежд, дилетантов, часто и в большом количестве сопутствующих искусству. Так большой корабль обрастает во время своего плавания ракушками, водорослями, покрывается ржавчиной. Тогда его надо чистить. Ставить в док. С человеком это сделать сложнее. Слава часто захлестывает молодого художника, и он, подобно гоголевскому Чарткову, пишет бездумно один холст за другим, не видя, как сползает в объятие моды, дешевого успеха, становится ремесленником. Муза не прощает измен.

...Седые руины Рима, свежий после дневного зноя воздух, великолепные, иногда мрачные силуэты далекой истории. Арки, колонны, монументы... И все это озарено пепельным светом луны, бегущей по какому-то особенно черному бездонному майскому небу. Да, школа прекрасного, полученная Айвазовским не без помощи Александра Иванова и Гоголя, была бесценна...

В чем на первый взгляд не всегда понятная мировая слава картин Айвазовского? Ведь рядом с ним жили и творили крупные мастера, ныне почти забытые. Дело все в том, что великий маринист обладал замечательным качеством — любить красоту природы и уметь запоминать типические сюжеты, а потом писать их языком доступным и простым. И эти его порою простодушные по драматургии композиции до глубины души трогают любого зрителя, от опытного художника-профессионала до посетителя его выставок, побуждают вспоминать минуты общения с природой, морем. Художник заставляет вместе с собою любоваться прекрасным, делает зрителя активным сопереживателем, своим единомышленником. Конечно, в общем восторженном хоре почитателей таланта Айвазовского находились голоса скептиков, называвших некоторые полотна певца моря банальными. Но боже, куда деваться от скептиков! Ведь так устроен мир, что есть разряд людей, способных не заметить у любого мастера сто отличных картин и полить грязью все его творчество из-за одной или двух менее удачных композиций. К сожалению, это относится во многом и к группе «ценителей» искусства, призванных нести людям высокий вкус и правду о живописи... Так долгие годы «забывали» Репина, пытались умалить значение русской классики...

У Айвазовского был добрый гений — судьба. Это она чудом свела его еще мальчишкой с Пушкиным и Раевским. По приезде в Петербург заставила в первые дни встретиться на улице и подружиться со своим будущим профессором Академии художеств Воробьевым, столкнула с Брюлловым, Глинкой, Крыловым, Александром Ивановым, Гоголем, великими моряками Лазаревым, Нахимовым, Корниловым и другими героями морских и сухопутных баталий. Словом, редко у кого такая (по тому нелегкому времени) безоблачная, не считая двух конфликтов с царем Николаем I, судьба. Правда, надо сказать, что сам талант и характер Айвазовского с самых юных лет обладали удивительной привлекательностью, мягкостью и обаянием.

Тысячу раз прав был Ньютон, который однажды воскликнул, что никогда не создал бы и малой доли свершенного, «если бы не стоял на плечах гигантов». С полным основанием мог повторить эти слова и Айвазовский, в творческой судьбе которого принимали участие корифеи русской и мировой культуры.

Поистине феноменальной по стечению обстоятельств была встреча Айвазовского с первым маринистом Европы — Уильямом Тернером, происшедшая в Риме. Великий Тернер обласкал молодого художника, он несколько дней бродил с ним, непрестанно беседуя об искусстве. Записей разговоров нет. Но зато сохранились строки Тернера, посвященные одному из пейзажей Айвазовского: «На картине этой вижу луну с ее золотом и серебром, стоящую над морем и в нем отражающуюся... Поверхность моря, на которую легкий ветерок нагоняет трепетную зыбь, кажется полем искорок или множеством металлических блесток на мантии великого царя!.. Прости мне, великий художник, если я ошибся (приняв картину за действительность), но работа твоя очаровала меня, и восторг овладел мною. Искусство твое высоко и могущественно, потому что тебя вдохновлял гений!» Каково было юноше прочесть эти строки, как бы льющиеся из самой души великого маэстро. Это было высшее признание!

Вскоре парижский Лувр предложил ему выставить свои холсты, и Айвазовский привез «Море в тихую погоду», «Ночь на берегу Неаполитанского залива», «Бурю у берегов Абхазии»... Успех был полным. «Первый русский в Лувре» очаровал парижан. За этой экспозицией последовали многочисленные путешествия — Лондон, Лисабон, Гренада, Барселона, Гибралтар, Мальта. И везде, везде художник пишет, рисует, изучает натуру.

Наконец, Амстердам — здесь двадцатисемилетнего художника удостаивают чести стать членом Амстердамской Академии художеств. 1844 год. Увенчанный европейской славой, в середине лета он возвращается на родину.

Петербург встретил Айвазовского как триумфатора. Он вскоре был удостоен звания академика живописи и несколько дней спустя узнал, что его причисляют к Главному морскому штабу в звании «первого живописца» с правом носить мундир Морского министерства и поручают написать виды русских портов — Кронштадта, Петербурга, Петергофа, Ревеля, Гангута...

Заказы завалили его. Петербургский свет спешил заполучить в свои собрания полотна Айвазовского... Эта светская блестящая круговерть утомляла, отвлекала от любимого дела. И по совету Белинского Айвазовский решает покинуть Петербург и едет трудиться в Крым, в Феодосию...

Перед глазами уезжающего художника стоял образ слабеющего, постаревшего Брюллова, так много обещавшего дать Родине по приезде из Италии. Нет, нет! Работать, работать, работать. Никакой суеты, пустословия, никчемной траты времени. Светский Петербург был поражен, узнав, что художник в самом расцвете сил и славы бросает столицу и уезжает в «эту дыру». Царь Николай I, узнав об отъезде Айвазовского, заявил: «Сколько волка ни корми, он все в лес глядит!» В этих словах скрывалась ярость монарха, не удержавшего при дворе мастера, которым восхищалась вся Европа.

...А Айвазовский?

Он строит дом, мастерскую в Феодосии и начинает свой многолетний подвиг труда в искусстве. «Для меня жить — значит работать»,— говорил художник.

Шли годы. Проходили выставки, которым всегда сопутствовал шумный успех творений Ивана Константиновича Айвазовского. Его имя стало настолько известным, что при одном упоминании немедля перед взором говорившего вставали великолепные пейзажи — марины, где безраздельно властвовало море.

1850 год. Айвазовский пишет свою самую известную картину «Девятый вал». Дикие громады волн готовы раздавить затерянную в океане крошечную группу потерпевших кораблекрушение. Мы не знаем, сколько дней провели они в открытом море, люди измучены до предела. Весь ужас борьбы со стихией вложен в этот холст. Вот-вот буря утихнет, и люди, как муравьи, облепившие обломок мачты, будут спасены. Пусть неистовствует океан, пусть еще грозно вздымаются гигантские волны. Воля, мужество, вера человека оказались сильнее рока.

Его картины, посвященные легендарным победам русских кораблей, многочисленны... Среди них — морской бой при Синопе под командованием Нахимова. Айвазовский изобразил подвиг командовавшего флагманским кораблем «Азов» Лазарева в известном полотне «Наваринский бой». Неувядаемые подвиги доблести и славы русского оружия в исполнении его патриотической кисти обретали вечность. Все внутренние движения сложного флотоводческого искусства маневра, весь непередаваемый грозный эффект артиллерийского боя, молниеносность и неустрашимость десантных операций — все это нашло свое великолепное воплощение в превосходно написанных полотнах художника-гражданина.

Трудно перечислить все полотна Ивана Константиновича Айвазовского, посвященные обороне Севастополя и морским сражениям. Можно сказать, живописцу удалось запечатлеть самые драматические и яркие страницы истории нашего боевого морского флота. Его картины воспитывают в зрителе дух гордости, патриотизма, желание изучить, узнать историю тех незабываемых дней.

Сами названия — «Оборона Севастополя», «Малахов курган», «Гибель английского флота у Балаклавы», «Переход русских войск на Северную сторону» — говорят о многом, они невольно заставляют нас вспомнить о героической обороне Севастополя...

Восторженно был встречен его приезд в осажденный Севастополь. В те дни защитники увидели его на прославленном Малаховом кургане вместе с героическими руководителями обороны города Нахимовым и Корниловым.

Воспоминания... Они роем теснились в душе великого художника, когда он глядел на страшную и суровую панораму Севастополя. А ведь он помнил его мирным, белоснежным, утопающим в зелени, тихим и приветливым.

Пришла старость. Ивану Константиновичу пошел восьмой десяток. Но живописец не снижает напряжения труда. Он пишет все новые и новые картины. Лето проводит в Крыму, в Феодосии, зимой приезжает в Петербург или в Москву.

Сюжетом большинства его произведений служит море в разных состояниях. И сколько ни глядишь на его творения, поражаешься великому разнообразию сюжетов и пластических решений, в общем, одной темы. Секрет этого сложен и прост.

Вот что говорил о своих работах сам художник:

«В нашем искусстве, плоды которого достигаются, как и во всех специальностях вообще, только настойчивым трудом, более чем где-нибудь важно не распускать себя.

...В картинах моих всегда участвует, кроме руки и фантазии, еще и моя художественная память. Я часто с удивительною отчетливостью помню то, что видел десятки лет назад, и потому нередко скалы Судака освещены у меня на картине тем самым лучом, что играл на башнях Сорренто; у берега Феодосии разбивается, взлетая брызгами, тот самый вал, которым я любовался с террасы дома в Скутари».

И мастер создал по памяти шедевр. «Среди волн» — назвал Айвазовский эту жемчужину русской живописи. Автору был восемьдесят один год.

«Среди волн»... Над бездной мечутся седые яростные валы. Они необъятны, в гневе рвутся ввысь, но черные, свинцовые тучи, гонимые штормовым ветром, нависают над пучиной, и здесь, как в зловещем адском котле, властвует стихия. Клокочет, бурлит, пенится море. Искрятся гребни валов. Безлюдно... Ни одна живая душа, даже вольная птица, не смеет зреть разгул бури... Только великий художник мог увидеть и запомнить этот поистине планетарный миг, когда веришь в первозданность бытия нашей земли. И сквозь грохот и рев шторма тихой мелодией радости пробивается луч солнца, и где-то вдали брезжит узкая полоска света.

«Быть многообразным — как природа!» Ведь такие слова могут сказать очень немногие мастера пейзажа во всей долгой истории мирового искусства. Но живописец знал не только свою силу, но и свои недостатки. Он не раз вспоминал разговор с Александром Ивановым, который призывал неустанно изучать и писать природу.

...Иван Константинович в конце своей долгой многотрудной жизни открыл школу живописи в Феодосии, в городе, которому он неустанно помогал и почетным гражданином которого был.

Однажды, собрав группу учеников после долгого дня занятий и трудов, маститый художник, вздохнув, сказал:

— Я вижу, что мои картины произвели на вас сильное впечатление. Предостерегаю вас от подражания, которое вредит самостоятельному развитию художника. Можете перенимать технику того или другого живописца, но всего остального вы должны достигать изучением природы и подражанием ей самой.

Ученики молчали. Со стен студии на них глядела сама жизнь — море необъятное, трепетное, пронизанное то светом солнца, то угрюмое и свинцовое, словно нахмуренное в пасмурный день. Они зримо ощущали, как бежит лунная дорожка по тихой глади морских вод, видели клубы дыма и языки пламени на горящих кораблях...

В открытое окно мастерской лились лучи заката. Вечерняя заря во всей своей непередаваемой прелести вставала над Черным морем. Это был поистине пир красок, уловить все богатство которых удалось лишь немногим мастерам живописи в мировом искусстве,— среди них одним из первых был Иван Константинович Айвазовский. Художник и патриот. Добрый, честный, широкий человек и гражданин своего Отечества.

ТОБОЛЬ

адреса великих свершений

Юрий НАДТОЧИЙ

ХОРОШ!

Он удивительно красив, первый шаровой резервуар, смонтированный на товарно-сырьевой базе Тобольского нефтехимического комбината. Сошлись вместе две полусферы, шестнадцать «лепестков» из серебристого металла, доставленного в Сибирь со свердловского завода «Уралхиммаш». Шестисоткубовый резервуар для хранения продуктов нефтехимии, поднятый над землей, кажется невесомым.

Шар поднят, и крановщики Юрий Георгиевич Колосов и Владимир Алексеевич Арканов осматривают новую полусферу, которую еще нужно установить. Рядом с ними бригадир монтажников управления «Сибнефтехиммонтаж» Владимир Владимирович Бауман — человек, который смонтировал уже не один такой шар.

— Хорош! — говорю я ему.

— Хорош. Но будет еще лучше, когда встанут все двенадцать шаровых резервуаров.

Мы идем мимо круглых бетонных оснований, приготовленных для новых резервуаров. «Лепестки» их лежат рядом. Любуюсь ими и вспоминаю свою поездку в Татарию, в Нижнекамск — нынешний флагман советской нефтехимии. Вспоминаю свой разговор там с начальником цеха Рафом Саматовичем Яруллиным. Он спрашивал меня: «Ну, как у вас дела, в Тобольске? С удовольствием приедем к вам на пусконаладку».

Сейчас я рассказываю об этом разговоре Владимиру Владимировичу. Он щурит голубые глаза, улыбается в светлые усы.

— Ждать нефтехимикам осталось недолго. Уже в нынешнем году они отправят вот с этой товарно-сырьевой базы на предприятия своей отрасли более миллиона тонн нестабильного газового бензина. Для них наши монтажники начали собирать изотермические резервуары на двадцать тысяч кубометров каждый. Строим сливо-наливную эстакаду... И вот монтаж шаровых резервуаров... Первая ласточка есть. А она делает весну.

Настроение у людей поистине весеннее — дела спорятся. Действует и дает продукцию первая очередь базы стройиндустрии комплекса, проложены десятки километров автомобильных дорог, уложены сотни километров подземных инженерных коммуникаций, сданы очистные сооружения, поднялись три жилых микрорайона,— двести тысяч квадратных метров благоустроенного жилья, школы, детские сады, магазины...

Ввод в строй первого блока центральной газофракционирующей установки комбината намечен на первое полугодие 1981 года. Нынешним летом две колонны для этой установки по Северному морскому пути, по Оби и Иртышу прибудут в древний сибирский город. К их приему готовятся уже сейчас — строится новый порт, прокладывается дорога от порта до промышленной площадки. Грузы-то пойдут необычные, весом до шестисот тонн и диаметром в пять с половиной метров. А с газоперерабатывающих заводов Среднего Приобья уже начал от-

В ДАЛЕКОМ

Этот снимок свыше полувека хранится в нашей семье.

Под красным знаменем сфотографированы первые пионеры далекого лесного рабочего поселка Майкор. Стоит он на левом, высоком берегу Иньвы; железной дороги близко нет, а водным путем, на «ракете», до Перми — километров двести.

Под этим знаменем мы проводили в 20-х годах свои первые пионерские сборы, военно-спортивные игры, ходили в походы в далекие коми-пермяцкие села, ставили спектакли, устраивали вечера самодеятельности. Был у нас хороший пионервожатый комсомолец Егор Симанов. Ребята любили его, звали просто Симочка. Мне он запомнился на всю жизнь.

Много отличных людей выросло в нашем отряде — доменщиков, электриков, лесорубов, инженеров, генералов. Один даже стал министром.

СКАЯ ВЕСНА

считывать свои километры продуктопровод Южный Балык — Тобольск.

БУДУЩИЕ КОЛЛЕГИ

В комсомольском штабе стройки мне сказали, что средний возраст более чем десятитысячного коллектива строителей Тобольского нефтехимического комбината — двадцать четыре года. Они строят город, заводы и свою жизнь.

...Три с половиной года назад Виктор Богданов стоял перед усталым от натиска юношей и девушек, не имеющих никаких строительных специальностей, начальником только еще формировавшегося управления. Начальник недоуменно вертел в руках трудовую книжку Виктора, в которой было сказано, что этот парень — оператор центральной газофракционирующей установки.

— Значит, нефтехимик? — обрадованно спросил начальник.

— Да.

— А поработать простым плотником-бетонщиком не согласитесь?

— Если нужно, соглашусь.

«Простым» плотником-бетонщиком он работал всего четыре дня. На пятый Богданов стал бригадиром. Его комсомольско-молодежная бригада уложила первый бетон под основание первого промышленного объекта на нефтехимическом комплексе. Затем первый бетон на первом пусковом объекте комбината — товарно-сырьевой базе.

Сейчас он готовится к поступлению в Тюменский индустриальный институт на заочное отделение технологии переработки нефти и газа. Строитель не забыл о своей цели: работать на самой крупной в мире центральной газофракционирующей установке. Только теперь уже не оператором, а инженером.

...У стола начальника отдела кадров комбината Петра Максимовича Вевчеренкова стоят два молодых инженера. Обеспокоены.

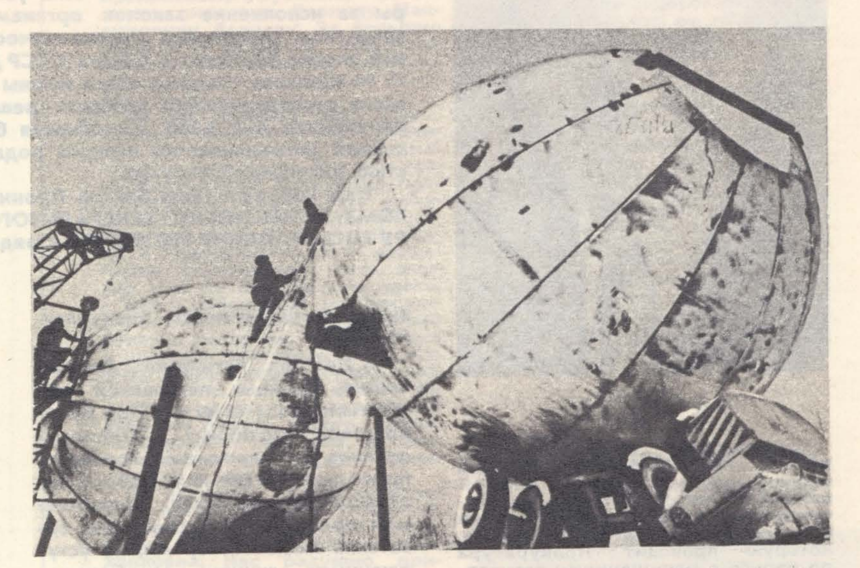
— Не рано приехали? Работа по специальности будет?

— Вовремя приехали, как раз к работе, — успокаивают их.

Новички оформляются, пишут заявления на квартиры, а я тем временем узнаю у Петра Максимовича, что летом приедут сорок семь молодых специалистов с высшим образованием, и техники, и выпускники ГПТУ. Руководство комбината вместе с горкомом партии, горкомом комсомола многое сделало для того, чтобы привлечь внимание лучших выпускников тобольских школ к профессии нефтехимика. Теперь более ста пятидесяти юношей и девушек учатся в Казанском химико-технологическом институте.

Генеральный директор комбината Дзираев рассказывал мне, как на встрече с первой группой тобольских абитуриентов он вслух мечтал о том времени, когда уже на действующем комбинате скажет им: «Здравствуйте, коллеги!» Кажется, не так уж долго придется ждать. Будущие коллеги учатся на третьем курсе. Правда, первые пусковые объекты им не достанутся, но работы и для них хватит.

Директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР академик А. Г. Аганбегян, выступая на научно-практическом совещании, говорил о месте Тобольского нефтехимического комплекса в системе новых крупных химических и нефтехимических комплексов Сибири: «Учитывая наличие в Тюменщине огромных запасов природного газа, растущий уровень его добычи, есть необходимость в дальнейшем начать сооружение здесь газохимического комплекса по производству крупнотоннажных химических продуктов. Целесообразно его максимальное кооперирование с Тобольским нефтехимическим комбинатом».

Идет монтаж шаровых резервуаров. Фото Ю. Чернышева

БРАТЬЯ

...Бульдозерист Григорий Архипович Семериков — бывший танкист. За годы армейской службы привык, что неудержимое движение к цели машин и людей обязательно приносит победу. Через несколько часов его сменит брат, Виталий, тоже бывший танкист. Когда-то братья строили ЛЭП на Сургут, копали котлованы под новые тобольские дома, их машина первой пришла на основную базу нефтехимического комплекса. Они принадлежат к бойцам того отряда строителей, что первым пришел сюда.

Сквозь шум мотора я слышу, как Семериков напевает:

У каждого, друзья, своя удача,
Своя Магнитка, Братск
и Комсомольск,
А у меня теперь одна задача,
Чтоб рос сибирский город,
Чтоб жил сибирский город,
Стоял сибирский город,
Мой Тобольск.

Однажды Григорий Архипович проходил через арку Тобольского кремля, который разделяет город на верхний и нижний. Здесь, под древними сводами, всегда, даже в самую большую жару, чувствуется легкий, освежающий ветерок. И Тобольск неожиданно показался ему этакими песочными часами, и вот течет в этих часах время, переливается через крохотное отверстие — арку, протекает тоненькой струйкой, и где-то, на еще не достигнутой отметке, увиделся ему будущий центр нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности страны...

* * *

С площадки я возвращался на машине начальника управления «Сибнефтехиммонтаж» Р. А. Цехова.

— Завтра утром начнем монтировать второй шаровой резервуар, — сказал он.

Я посмотрел на часы — они показывали за полночь — и поправил начальника управления:

— Не завтра, Роман Александрович. Сегодня...

УРАЛЬСКОМ ПОСЕЛКЕ

Валя Микова, одна из первостроителей Магнитки, затем много лет была на партийной работе, прошла путь от девочки-курьера до первого секретаря райкома партии. Недавно ей вручили красную ленту с надписью «Ветерану Магнитки». Как почетный участник славной стройки, она снималась с делегатами XXV съезда КПСС и молодежью у знамени Победы.

Сережа Тельканов — наш поэт, член Союза писателей СССР. На Дальнем Востоке он выпустил несколько поэтических книг. Это ему принадлежат патриотические строки:

Что совершил, дела какие?
На все ответ найти сумей.
Я был всегда с тобой, Россия,
Кровинкой каждою своей.

Сергей — кавалер многих правительственных наград, прошел с войсками до Дуная, воевал в Маньчжурии.

Но особенно гордится наш поселок именами трех Героев Советского Союза. Небольшой поселок, всего несколько сот жителей — и три Героя! Двое из них коренные жители Майкора, здесь они стали пионерами, здесь впервые научились понимать, что такое Родина.

Африкан Вотинов участвовал в обороне Ленинграда, командовал отделением в стрелковом полку. Особенно отличился он в десантной операции в бою за остров Суонион Саари на Балтике, где противник создал сильно укрепленные пункты. В этом трудном бою Африкан заменил погибшего командира и взял командование на себя.

Иван Ошмарин, старший сержант, был командиром орудия в истребительно-противотанковом дивизионе. Он мужественно сражался до последнего дыхания под деревней Кулики в знаменитой Орловско-Курской битве.

Михаил Наумов родился в Прикамье, в Большой Сосновке, но в 1929—1930 годах работал в Майкоре секретарем райкома комсомола. Затем стал кадровым офицером пограничных войск. Во время войны, оказавшись в окружении, Наумов создал партизанский отряд и продолжал борьбу с захватчиками. Затем генерал-майор Наумов становится командиром крупного кавалерийского партизанского соединения (12 тысяч человек), которое действует в глубоком тылу противника — в районе Пинских болот, на Киевщине. О своей боевой жизни он написал книгу «Хинельские походы». Там он рассказал и о работе в Майкоре.

...Большие перемены произошли с тех пор в этом лесном краю. Воды Камского моря подошли к самому поселку. Здесь находится большой Иньвенский рейд. И быстрокрылые «ракеты» соединяют дальний поселок с Пермью, с другими городами Западного Урала.

Б. БАЯНОВ,
комсомолец 20-х годов

А. М. РЕКУНКОВ,
первый заместитель Генерального прокурора СССР

Активность граждан в укреплении правопорядка и неотвратимость ответственности за его нарушения становятся неотъемлемыми чертами советского образа жизни. В этих условиях высший надзор прокуратуры за исполнение законов органами управления является важным средством укрепления социалистической законности. Выступая на первой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва в апреле 1979 года, Л. И. Брежнев говорил: «Нам нужны четкая и слаженная деятельность всего управленческого аппарата, реальная ответственность каждого за порученное ему дело, настойчивая борьба с нарушениями государственной дисциплины, со всякого рода излишествами, бесхозяйственностью, злоупотреблениями».

Наш корреспондент Виктор Пронин обратился в связи с этим к ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ РЕКУНКОВУ с рядом вопросов.

ЭТО И ЕСТЬ ЗАКО

— Александр Михайлович, известно, что укрепление правовой основы государственной и общественной жизни стало теперь конституционным требованием. Не могли бы вы рассказать о той работе, которую проводит Прокуратура по борьбе с нарушениями государственной дисциплины?

— В условиях тесной взаимосвязи предприятий и хозяйственных организаций, неизбежной зависимости конечных результатов производства от работы каждого завода, фабрики малейшее отступление от государственных планов и договорных обязательств влечет за собой нарушение ритма целой цепочки производственных подразделений. Когда речь идет о соблюдении законодательства в хозяйственной деятельности, прокуратура видит свою основную задачу в осуществлении надзора за тем, как органы управления и контроля выполняют возложенные на них обязанности по обеспечению законности в подведомственных им предприятиях и организациях.

— Не означает ли это, что прокуратура борется только с теми нарушениями законности, которые допускаются органами управления и контроля, а правонарушения на конкретных предприятиях, в организациях остаются вне ее поля зрения?

— Ни в коем случае! Мы принимаем меры по устранению любого правонарушения в сфере хозяйствования, от кого бы оно ни исходило. Ежегодно проводятся десятки тысяч проверок. В случае, если обнаруживаются нарушения, виновные привлекаются к дисциплинарной, административной, материальной ответственности, а за преступное нарушение законов — и к уголовной. Ежегодно судами рассматривается большое количество исков прокуроров о возмещении ущерба, причиненного государству. Только в прошлом году предъявлено требований о взыскании в интересах государства десятков миллионов рублей с должностных лиц, проявивших вопиющую бесхозяйственность, нерадивое отношение к народному добру.

— Александр Михайлович, если говорить о хозяйственном праве, то какие его нормы нарушаются чаще, что сегодня вызывает особую обеспокоенность прокуратуры?

— Десятая пятилетка, как известно, названа пятилеткой эффективности и качества. Под руководством партийных и советских органов в народном хозяйстве проводится огромная работа по повышению качества выпускаемой продукции, обеспечению советских людей товарами, не уступающими лучшим зарубежным образцам. Активное участие в этой деятельности принимает и прокуратура. Средства надзора помогают решительному искоренению нарушений законов, регулирующих качество выпускаемой продукции, направленных на борьбу с бракоделами. К сожалению, приходится констатировать, что здесь поле деятельности для прокурорского вмешательства все еще остается весьма широким.

— Например?

— Взять хотя бы деятельность предприятий Ярославского, Курского и некоторых других обувных объединений РСФСР. Из их отчетности в прошлом году было исключено 450 тысяч пар недоброкачественной обуви. Не лучше обстоят дела и в объединении «Донобувь». Причины главным образом в недостатках организации производства. Руководители предприятий, органов управления и контроля не всегда проявляют должную заинтересованность в борьбе с браком, не учитывают, что брак — это не только производственный, хозяйственный дефект, за ним стоит неуважение к нравственным нормам нашей жизни, обязывающим бережливо относиться к народному добру. Например, на предприятиях Литвы, Киргизии и других союзных республик, где качество некоторых видов продукции оставляет желать лучшего, за последние годы их руководители не предъявили к виновным ни одного иска о возмещении материального ущерба, причиненного браком. Что за этим стоит? «Доброта душевная» или профессиональное невежество, не позволяющее отличить добротную вещь от плохой? Или нежелание признать свою собственную вину?

— Последнее объяснение, наверно, ближе всего к истине?

— Видимо, так. Что значит привлечь кого-либо из подчиненных к ответственности за выпуск брака? Ведь после этого придется многое пересмотреть в своей работе, сделать все возможное, чтобы предотвратить подобные явления. Однако на это решаются, как видно, далеко не все. В итоге на предприятии создается некая атмосфера всепрощенчества, когда должностные лица на различных уровнях покрывают ошибки друг друга, убытки по взаимному согласию списываются на государственный счет. Например, тракторемонтный завод в Витебской области за девять месяцев 1977 года получил более 250 рекламаций: плохо ремонтировали машины, выпускали недоброкачественную продукцию. За восемь месяцев прошлого года потребители забраковали более трех тысяч швейных изделий Оршанского филиала Витебского текстильного объединения. Однако ни на том, ни на другом предприятии истинные причины брака не были выяснены, виновников не наказали, а брак списали на издержки производства. Нередко мастера, пользуясь безнаказанностью, попросту укрывали брак, не отражали его в отчетных данных.

— Александр Михайлович, видимо, в установлении подобных фактов участвует не только прокуратура?

— Разумеется. Недавно мы совместно с Министерством юстиции СССР и Госарбитражем СССР проверили исполнение законов об ответственности за нарушение государственной дисциплины в Министерстве угольной промышленности СССР. Основанием для этой проверки послужил такой тревожный факт: в последнее время возросло количество предприятий министерства, которым Госстандарт запретил поставку продукции из-за ее недоброкачественности. Соответственно тут из года в год росли суммы штрафных санкций. И еще. Видимо, желая как-то сбалансировать свои убытки, кое-кто решил прибегнуть к нехитрой лазейке — отправляя вагоны с углем, попросту недогружали их. Только объединение «Укрзападуголь» вот таким образом недодало 12 тысяч тонн угля. Проверка показала, что министерство знало о подобных нарушениях, однако должных мер к укреплению государственной дисциплины не приняло. В связи с этим Генеральный прокурор СССР внес министру представление, в котором предложил устранить выявленные нарушения законов.

— Но ведь в министерствах существует и свой, так сказать, ведомственный контроль...

— Да, существует. Однако когда проверку проводит внутриведомственный контроль, то нарушения далеко не всегда обнаруживаются. Мне видится здесь очень серьезный повод для острого разговора о принципиальности руководителей внутриведомственного контроля, об их ответственности не только перед своим министерством, ведомством, но и перед государством, перед законом. Недавно Прокуратура СССР совместно с ЦСУ СССР, Госстандартом СССР, Министерством финансов СССР, Госбанком и Стройбанком СССР проверили исполнение Министерством пищевой промышленности Армянской ССР постановлений партии и правительства об ответственности за выпуск недоброкачественной и нестандартной продукции и за обман государства. Проверка показала, что многие руководители предприятий и организаций этой отрасли не выполняли своих прямых конституционных обязанностей, а предписания контролирующих органов нередко игнорировали. Однако министерство мирилось с безнаказанностью виновных, не принимало мер к возмещению убытков, причиняемых государству.

Нам часто приходится сталкиваться с беспринципностью контролирующих аппаратов. Причем тут важно отметить следующее: материалы о мелких фактах выпуска недоброкачественной продукции, о приписках, бесхозяйственности, хищениях на небольшие суммы исправно направляются в прокуратуру — вот, дескать, как мы блюдем государственные интересы! А выпуск брака в больших размерах, приписки и хищения на крупные суммы утаиваются. Все это не что иное, как попустительство беззаконию, с чем прокуратура и впредь будет вести настойчивую борьбу.

Известно, что все наше народное хозяйство и каждое предприятие работают в строгом соответствии с государственным планом. И здесь очень важно своевременно представить точные и объективные данные о проделанной работе. Однако нередки случаи, когда отдельные хозяйственные руководители, не обеспечив ритмичной работы завода, фабрики, не сумев мобилизовать коллектив на выполнение плана, скрывают свои провалы и просчеты, маскируют их приписками и другими искажениями отчетности. Это создает трудности смежным предприятиям, нарушает плановую дисциплину.

Только за минувший, 1978 год Прокуратурой СССР проведено около десяти тысяч проверок исполнения законодательства об ответственности за приписки и другие искажения отчетности. По их результатам возбуждены уголовные дела, многие должностные лица привлечены к дисциплинарной и материальной ответственности. Хочу подчеркнуть, что причин, которые заставляли бы должностных лиц помимо

их воли обманывать государство, нет. На путь очковтирательства обычно толкают людей отсутствие глубоких профессиональных знаний, низкая требовательность к себе и к своим подчиненным, отсутствие должного спроса со стороны вышестоящих и контролирующих органов. Приписки и другие искажения отчетности обычно совершаются там, где плохо налажен контроль за достоверностью отчетных данных. Именно недостатки в контроле, иногда и прямое подталкивание вышестоящих организаций к выполнению плана «любой ценой» приводят в конечном счете к обману государства. В этом мы убедились, когда проверяли Министерство пищевой промышленности Армянской ССР. Еще до проверки в производственном объединении «Арминводы», на Ереванском масложиркомбинате, Ереванской табачной фабрике выявились факты приписок. ЦСУ республики и другие контролирующие органы регулярно направляли в Министерство соответствующую информацию, однако действенных мер для устранения этих нарушений не принималось. Сейчас возбуждено уголовное дело по заводу минеральных вод «Арзни».

— В последнее время большое значение придается качеству капитального, жилищного строительства... Что делает Прокуратура СССР в этом направлении?

— То же самое, что и в других сферах нашей экономики,— осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законов, регулирующих этот вид просто наладить везде действенный оперативный контроль, и тем не менее сделать это необходимо.

Конечно, специфика нашей работы обязывает нас обращать внимание в первую очередь на негативные стороны. Но нам при всевозможных проверках не раз приходилось встречаться с работниками, которые показывали пример истинно партийного отношения к своим обязанностям, к народному добру, иногда рисковали жизнью, чтобы спасти урожай, оборудование, технику. Привлекая к ответственности тех, кто противопоставляет свои личные, корыстные интересы интересам общества, государства, мы порой тут же с чувством большого удовлетворения отмечали людей, проявивших высокую принципиальность, смелость, вскрывая недостатки и просчеты, нарушения закона, злоупотребления. Их гражданская зрелость, чувство причастности ко всем делам, заботам страны были достойны самой высокой похвалы. Именно такое поведение советских патриотов определяет общее состояние законности в народном хозяйстве и в стране в целом.

— Александр Михайлович, и в заключение — что нового ожидается в деятельности Прокуратуры СССР?

— В соответствии с Конституцией СССР идет подготовка проекта Закона о Прокуратуре СССР. Сохраняя в неприкосновенности разработанные В. И. Лениным принципы деятельности прокуратуры, в проект предполагается ввести все то новое, ценное, что было выра-

ННОСТЬ!

хозяйственной деятельности. Совсем недавно Генеральный прокурор СССР направил указание об усилении надзора за соблюдением законодательства о капитальном строительстве, обратив особое внимание на борьбу с приписками, бесхозяйственностью, низким качеством строительства. Приведу пример. В августе прошлого года обрушился корпус элеватора в селе Солидарное, Ворошиловградской области. Ущерб составил миллион рублей. Строил элеватор трест «Ворошиловградсельстрой», проектировал ростовский институт «Зернопроект». При расследовании выяснилось, что фундаментная плита сделана с явными нарушениями технологии, она оказалась настолько слабой, что колонны продавили ее. Были обнаружены и другие нарушения: раствор укладывался неравномерно, с пустотами, при строительстве использовались бракованные плиты, должный контроль за качеством строительства обеспечен не был, приемная комиссия отнеслась к своим обязанностям с преступным равнодушием. Разумеется, к ответственности будут привлечены все виновники случившегося. Однако главное, как нам кажется, в том, чтобы предотвратить подобное в будущем, предостеречь проектантов и строителей от этой безответственности, которая в конечном итоге зачастую кончается скамьей подсудимых. Конечно, при том громадном объеме строительных работ, которые ведутся в нашей стране, не-

ботано практикой с момента принятия действующего положения о прокурорском надзоре. Задача заключается в том, чтобы обеспечить прокурорский надзор такой правовой основой и такими правовыми средствами, которые улучшили бы нашу работу, сделали бы ее более действенной, оперативной. Хочу привести слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные им недавно на встрече с избирателями: «Хорошая, продуманная система законов плюс их неукоснительное исполнение—это и есть законность, это и есть правопорядок, без которых немыслимы социалистический образ жизни, социалистическая демократия». Обеспечение такой законности — дело не только органов прокуратуры, но и каждого министерства, ведомства, предприятия, трудового коллектива, каждого гражданина Советского государства.

В заключение хочу сослаться на постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», в котором приведены очень дельные, важные слова: «Оценивая работу руководителей, хозяйственных кадров, необходимо учитывать не только показатели выполнения производственных планов, но и уровень дисциплины, морально-политический климат в коллективе, условия труда и быта». Потому что за всем этим, помимо прочего, еще и правосознание трудящихся, их ответственность, уважение к закону, к советскому образу жизни.

В ГОСТЯХ У ЛЕОНОВА

Исполнилось восемьдесят лет прекрасному русскому советскому писателю Леониду Максимовичу Леонову. За большие заслуги в развитии советской литературы писатель удостоен высокой награды Родины — ордена Ленина.

Не раз довелось мне встречаться с Леонидом Максимовичем. Встречи с ним запоминаются на всю жизнь. И в этот раз, когда студенты, аспиранты, преподаватели Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской ехали в Переделкино, все необычайно волновались, хотя многие уже не раз бывали здесь.

Вот и небольшой дом писателя, зеленый участок, созданный руками человека, влюбленного в природу, заботливо выраститвшего здесь каждое дерево, каждый кустик, каждый цветок. На участке идеальный порядок; в доме все просто, строго, уютно. Осматриваем сад, дом, а сами с замиранием сердца ждем встречи с мастером.

Но волнение сразу же исчезает, когда с доброй, открытой улыбкой выходят Леонид Максимович и его жена Татьяна Михайловна. Нас радушно приглашают к чаю, и начинается интереснейшая беседа.

Писатель говорит о том, что революция дала литераторам такой материал, каким не располагал до той поры ни один художник; о том, как важно писателю проникнуть во внутренний мир своих героев, и в этом, считает он, непревзойден Ф. М. Достоевский; в каждом слове Леонида Максимовича чувствуется огромная любовь к русской классической литературе, восхищение ее величайшими творениями.

— Современному советскому писателю есть на кого равняться,— говорит Леонов. — У него великие предшественники. Писатель, отражая современность, обязан глубоко, философски осмыслить историю. Сейчас как никогда возросла ответственность каждого и за будущее мира, за судьбы человечества.

О многих проблемах развития современной литературы шел разговор. Леонид Максимович говорил о положительном герое в литературе. Это понятие сложное.

— Меня,— признается писатель,— некоторые критики упрекали за Курилова (главный герой романа «Дорога на океан».— А. Ж.), что он плохо руководил железной дорогой. А ведь я не хотел показать его односторонне. Курилов — настоящий человек, он чувствует глубокую ответственность за судьбы людские. А главная задача литературы — воспитать хорошего человека. Хороший человек не изменит, не предаст. На него можно положиться.

Встреча закончена. Мы покидаем Переделкино с чувством глубокой благодарности к прекрасному русскому писателю, мыслителю и Человеку.

А. А. ЖУРАВЛЕВА,
доктор филологических наук, профессор

Л. М. Леонов среди работников вузов.

Фото Н. Костылева

ТВОРИТЬ КРАСОТУ

Переплет обтянут серой тканью. По ней — нежными тонкими линиями, глубокими малиновыми пятнами цветы.

Язык, близкий языку народному,— в построении фразы, в точности каждого слова, в емкости каждого образа.

О чем книга А. Рогова «Черная роза»? «О народных промыслах»,— говорится в аннотации.

Да, о них, об их современном состоянии.

Но это фон, помогающий автору отчетливее и ярче выразить мысли свои о народном искусстве, истоках его, развитии и особенностях.

А. Рогов ведет разговор о том, что же есть такое — древнее русское народное искусство... И приходит к выводу, что искусство это — полное и объемное отображение души народной; доказывает, что от того, старинного ведет путь и наше, современное; раскрывает перед нами картину, состоящую, как в древних летописях, из отдельных, маленьких... Хохлома, Филимоново, Полховский Майдан, Палех... Известные всем названия, всеми виданные изделия. Но мало кто знает, как все это делается, где это и откуда же такая красота.

Книга как раз дает это видение и знание. А главное — чувство причастности к полыханию красок, полету фантазии, причастности к рождению чуда,— им автор считает все русское искусство.

Одна из основных его мыслей о том, что народное искусство не должно быть забыто. И поэтому рядом с восхищенным рассказом о каком-либо промысле обязательно присутствует размышление о том, как еще много надо сделать в помощь этому промыслу. По мнению автора, некоторые из промыслов находятся на краю гибели. А гибели их допускать нельзя: вместе с ними погибнет часть нашего искусства, а значит, уйдет из нашей жизни и часть красоты, ибо что есть всякое искусство, как не выражение красоты?

Для русского же искусства красота является основным качеством, ибо воспевает оно землю. А уж как русская земля красива — тут стихами говорить надо:

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку...

Но задолго до поэта вот это малиновое и синее, зеленое и желтое — все многоцветье радуги, освещающей после дождя прозрачные рощицы, взбегающие на пригорки, леса дремучие, пруды тихие — не словами, но красками, рисунками, резьбой фигурной, игрушкой глиняной выразили мастера. Книга А. Рогова — гимн мастерству вообще. Мастерству делать прекрасное. Мастерству, что расцвечивает нашу жизнь как солнце.

Прочитав эту книгу, хочется вслед за автором — по дорогам за леса синие, ближе к солнцу красному и речке серебряной; удивиться, как и он, филимоновской игрушке, замереть, как и он, перед церквами ярославскими, вдохнуть запах лака в Хохломе... И почувствовать себя частичкой земли, что зовется Россией...

Анатолий Рогов. Черная роза. М., «Современник», 1978, 303 стр.

И. УРИЦКАЯ

Транспортный самолет АН-72 в полете.

ПОКАЗЫВАЕТ ЛЕ БУРЖЕ

В столице Франции на аэродроме Ле Бурже 700 фирм из 25 стран показывают свою авиационную и космическую продукцию. Это 33-й по счету, знаменитый авиационный салон в Париже — самая крупная и самая представительная в мире выставка авиационной и космической техники.

Советский Союз демонстрирует в космическом павильоне макеты пилотируемого транспортного корабля «Союз», долговременной орбитальной станции «Салют-6», автоматического грузового корабля «Прогресс» и другую космическую технику. Отдельный павильон отведен для показа достижений советской авиационной металлургии и технологии.

На стоянке демонстрируются советские грузовые и пассажирские самолеты: и те, что уже летают на авиалиниях, и те, что проходят летные испытания. Среди них грузовой ИЛ-76 и первенец советских широкофюзеляжных самолетов, аэробус ИЛ-86, рассчитанный на 350 мест. Пассажиры аэробуса не будут сдавать багаж, а потом в аэровокзале тратить время на его получение. Чемодан можно брать с собой в самолет и оставлять его в специальном багажном отделении.

Опытное конструкторское бюро О. К. Антонова представлено легким многоцелевым самолетом АН-28 и транспортным АН-72. Новый «грузовик» АН-72 способен перевозить контейнеры общим весом до 7,5 тонны и разные крупногабаритные грузы.

АН-72 обладает коротким разбегом при взлете и пробегом после посадки. Он может с успехом эксплуатироваться на грунтовых, ледовых и заснеженных аэродромах, слабо оснащенных средствами технического обслуживания. Два реактивных двигателя установлены над крылом, что создает дополнительную подъемную силу. А в хвостовой части фюзеляжа сделан большой грузовой люк с рампой. Опускаясь на землю, она служит грузовым трапом...

Здесь же демонстрируются самолеты, созданные опытным конструкторским бюро, которым руководит А. С. Яковлев. Это спортивный самолет ЯК-50 и ЯК-42, предназначенный для перевозки 120 пассажиров с багажом, почтой и дополнительным грузом. Самолет надежен и комфортабелен.

Большой интерес для специалистов представляет самолет ТУ-154-Б, самый массовый на магистралях Аэрофлота. Он летает по внутренним и международным трассам, экспортируется во многие зарубежные страны. Экземпляр, представленный на Ле Бурже, оборудован новейшим пилотажно-навигационным комплексом НПК-154-Т. Комплекс разработан фирмой Туполева совместно с французскими фирмами Томсон-ЦСФ и СФИМ, он не имеет аналогов в мировой практике самолетостроения. Перед пилотом вместо десятков традиционных приборов — четыре небольших электронных экрана, которые сообщают всю необходимую в полете и при посадке информацию. Это достигается применением новейших бортовых вычислительных машин, системы зональной навигации и уникальной телевизионной камеры.

В наши дни воздушным транспортом пользуются миллионы людей, и потому интерес к авиационному салону на Ле Бурже очень большой.

А. ГОЛИКОВ

Б. ЛУКЬЯНОВ,
кандидат философских наук

Еще несколько лет назад встречались люди, которые на вопрос «Есть ли у вас телевизор?» гордо отвечали: «Нет». Это звучало так, что, дескать, до такого уровня досуга я не опускаюсь и что, слава богу, с полки можно взять Гомера или Марка Аврелия или углубиться, скажем, в «Критику чистого разума». Человек, устоявший перед соблазнами «голубого» экрана, внушал определенное уважение. Но времена меняются, и если в наши дни кто-нибудь вздумает хвастаться тем, что у него нет телевизора, то, наверное, произведет впечатление какой-то ветхой древности, замшелости. Сейчас это все равно, что гордиться отсутствием в доме водопровода или электричества.

Телевидение стало общенародной жизненной потребностью, необходимостью насыщенной духовной жизни. Пусть не всегда одинаково хорошо выполняет оно свою высокую миссию, пусть мы поругиваем и критикуем порой телевидение, но огромные преимущества этого мощного канала связи с окружающим миром намного превышают уже сейчас его огрехи и упущения. Полноценная жизнь современного человека невозможна без оперативной, емкой, а главное, зрительной (лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!) информации.

Поразителен самый масштаб внедрения ТВ в нашу жизнь.

Подумать только: из ста семей имеют телевизор девяносто! А если учесть, что возможности ТВ позволяют подключать все области страны к культурной жизни столичных центров, станет ясно, что поставленная партией грандиозная идеологическая программа советского общества — программа коммунистического воспитания народа — многократно ускоряется этой доставкой высших культурных ценностей «на дом», приобщением *каждого* человека к богатой культурной жизни современности. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» подчеркивается важнейшая роль, которую играют средства массовой информации в формировании духовного облика нового человека.

Все это заставляет нас относиться к ТВ с повышенным вниманием, я бы сказал, бережно. Ибо если его мощь в донесении идей и образов столь громадна, то понятно, что малейшая художественная ошибка, уж не говоря о ложном понимании задач ТВ, умножается самою силой его технических средств. Другими словами, один человек у телекамеры, лишенный вкуса, способен испортить настроение, а то и вкус миллионам телезрителей. Точно так же одна ложная творческая концепция, усиленная возможностями мощного канала связи, способна перечеркнуть усилия тысяч педагогов.

Думается, это настолько очевидно, что не нуждается в доказательствах. Вот почему внимание привлекла статья в журнале «Театр» (№ 1, 1979), где как раз и затрагиваются некоторые принципиальные проблемы телетеатра.

Телетеатр — одно из наиболее действенных средств эстетического воспитания масс. Ибо ТВ позволяет приблизить мировую классику (в лучших исполнениях) буквально к каждому семейному очагу. Ясно, что толкование сущности, специфики, задач телетеатра никого не может оставить равнодушным.

Подводя «некоторые итоги» своим раздумьям в статье «Телетеатр: формы отражения реальности», Е. Сабашникова пишет: «Начав с чисто репродуктивной функции, стараясь поначалу как можно более бережно доносить до зрителей готовые, законченные произведения других традиционных искусств, телевизионный театр продемонстрировал невозможность и даже противоестественность такого донесения, *столкнулся с необходимостью разрушения* **[разрядка наша.— Б. Л.]** уже созданного однажды художественного произведения».

Строки эти читаешь с некоторым изумлением: ничего себе «отражение»! Если таковы «итоги», статью следовало бы, наверное, так и назвать: «Формы искажения реальности»! С каких же это пор для телевидения бережное отношение к «законченным произведениям» «традиционных» искусств стало «противоестественным»? Совсем недавно академик М. Б. Храпченко, взяв вопрос шире, специально выступил против предрассудка, будто средства массовой информации значительно меняют характер искусства, заметив при этом, что доказательств этого нет[1]. Об этом же пишет в книге «Духовность экрана» Е. Громов, сравнивая спектакли в театре и на телевидении. Отличия и изменения есть, пишет исследователь, но они «не затрагивают существа дела». «Что хорошо для кино, то хорошо и для ТВ» — таков неоспоримый вывод Е. Громова при сравнении кино и телевидения.

Как же представлена эта острая проблема в интересующей нас статье? По мысли автора, ТВ все больше обретает самостоятельность, идя от «удачной репродукции» к «особого рода структуре», суть которой «*безграничность условности для телеэкрана*» (разрядка наша.— **Б. Л.**).

Взгляд режиссера, полагает Е. Сабашникова, «становится все более избирательным, тенденциозным, а воссоздаваемое на экране пространство все дальше отходит от имитации реального, все больше превращается в условное пространство рассказа. Именно в

[1] Контекст. М., 1978, стр. 31—32.

этом плане ведут свои поиски на телевидении А. Эфрос, М. Захаров, В. Фокин. Меньше всего для их работ подходит название «экранизации» или «инсценировки».

Если согласиться с автором в том, что телевидение якобы столкнулось с «необходимостью разрушения уже созданного однажды художественного произведения» (!), то, конечно, в результате получится то, что будет уже и не экранизация и не инсценировка! В доказательство этого основного тезиса статьи называются имена Г. Товстоногова, В. Турбина и других. Но посмотрим, действительно ли телевидение обретает силу, лишь становясь разрушителем «законченных» произведений — этаким разбойником с камерой?

Возможности театра и кино Е. Сабашникова называет «копиистскими», «фиксаторскими», буквалистскими. Телевидение же якобы по своей природе устремлено на условность, метафору, символ, знак. Оно создает «особую структуру, рассчитанную на особый тип восприятия». Было время, дескать, когда телевидение еще не сознавало этого. «В то время, — пишет автор статьи, — будущее телевизионного спектакля и фильма связывалось с тем, насколько искусно смогут они имитировать живую жизнь». Теперь же, как пишет автор, открыв для себя свои «собственные возможности», телекамера избрала объектом уже «не реальность, не готовый законченный театральный спектакль», а некую особую эстетическую структуру!

Бедный художник и режиссер! Уже и на реальность, оказывается, они не имеют права и должны довольствоваться каким-то неведомым суррогатом («особой эстетической структурой»).

Прочитав все это, я уселся (со статьей!) перед телевизором, стал ждать чудес. Новый, загадочный и суровый мир должен был открыться передо мной. Ведь в этом мире «лукавая камера не допускает погружения в быт», а «материальная среда» ведет «иронический аккомпанемент»! Режиссер «отсекает» сцены и эпизоды, меняет «ритм» происходящего, его «пластику». Здесь все во что-нибудь превращается. «Детали быта» теряют свои «материальные очертания», «превращаются в метафору, символ». «Натуральность» становится «качественно новой условностью». Слышатся голоса: «Налей еще», но «стола и нет, как нет и тарелок, рюмок...». На рисованном заднике висят связки настоящего лука и стручкового перца, тут же повозка и живая лошадь; «нам как бы предлагается «язык пространства, сжатого до точки» (совершенно новая геометрия: «точкой» выступает и связка лука, и стручковый перец, и даже живая лошадь...). Наконец, в замысловатой фразе появляется даже такое сочетание, как «кинематографическое инобытие»!.. Сердце какого философа не дрогнет при слове «инобытие»?

Но вот экран. Как раз постановка Г. Товстоногова «Протокол одного заседания». Напряженно слежу. Вот сейчас начнется!.. Жду. Но ничуть не бывало! Все бытие да бытие! Никакого инобытия! Ничто ни во что не превращалось. Особенно я ждал разных штук от телефона: к чему бы это режиссер его так часто показывает?! Вдруг это знак? Символ? Метафора?! Наверное, сейчас начнет терять материальные очертания?!

Потом, увлекшись спектаклем, войдя в проблемы и характеры действующих лиц, я вскоре начисто забыл об «инобытии» и прочих словечках и с удовольствием провел время в старом, знакомом и, к счастью, никем не разрушенном мире искусства.

Широкий читатель может не знать, что в свое время в нашей эстетике прошла оживленная дискуссия об условности в искусстве. Итоги ее оказались весьма плодотворны. Позднее вышло несколько интересных исследований на эту тему, и сейчас проблема споров не вызывает. Никто не отрицает условности в искусстве, — достаточно хорошо изучены ее возможности и роль в художественном произведении. Установлено, например, что существует два вида условностей: первичная, то есть самый способ отражения действительности в искусстве (по этому способу и разделяются виды искусства: литература, живопись, скульптура и т. д.). Вторичная же, или собственно условность (о ней-то как раз и идет речь), — такой прием, когда, нарушая внешнее правдоподобие, художник (или режиссер) добивается большей выразительности образа или экономии места, времени и т. д. «Окно усадьбы и ветка дерева означали деревенское поместье, решетка Летнего сада — Петербург, легкая, ажурная беседка — заграницу, Баден» — вот примеры условностей из постановки П. Фоменко «Семейного счастья» (по Л. Толстому), которые приводит сама Е. Сабашникова. Но ведь уже на этих примерах можно показать, во-первых, сугубо подчиненную роль условности, во-вторых, ее зыбкость и неопределенность, а потому ограниченность как художественного приема. Здесь ведь только решетка Летнего сада, пожалуй, относительно четко указывает на Петербург (конечно, если мы ее видели до этого). Все остальные метафоры могут обозначать любое место на земле, а следовательно, они не вполне четко работают на создание образа определенной среды и эпохи. А без этого, надо заметить, и актерам труднее сыграть свои роли и зрителю правильно их воспринимать.

Другой пример Е. Сабашниковой: постановка «Бориса Годунова» А. Эфросом. Вот что о ней говорится: «В кадре не было ничего лишнего. Два-три крупных плана заменяли собой толпу. Никаких дворцов, хором, боярских шуб и наклеенных бород. Черный бархат, лаконичные, графические детали, намеки на русскую иконопись, никаких бытовых аксессуаров. А за кадром — народные хоры, колокола, музыка Прокофьева, шум толпы. Все эти формы синтетического телевизионного зрелища помогли создать образ Руси Смутного времени». Допустим... Разумеется, право художника избирать ту стилистику постановки, которая ему больше по душе. Но откуда следует, что именно э т а стилистика выражает суть телетеатра и является главным, основным признаком «современного» художника? Разве спектакли с полным сохранением бытовой среды перестали волновать зрителя или неспособны «адекватно» передавать содержание классики, содержание литературного подлинника? И разве в такой условной манере нет своих — и немалых — художественных потерь? О печальной необходимости в таких случаях «отсекать», «менять», переставлять местами и прочих вольностях мы уже говорили, но ведь возникают и другие проблемы. Так, Е. Сабашникова сама пишет об этой же постановке, что ее «мозаичные» кусочки сопоставляются друг с другом «не сразу», «с некоторым усилием»... Ничего нет удивительного: за чрезмерную условность непременно приходится платить и усилиями и, увы, потерями.

Лаконизм, намеки, графические детали — все это прекрасно, но вот в телевизионном варианте оперы А. Петрова «Виват, Россия!» вместо намеков есть и быт, и хоромы, и фрески; кажется, есть даже и бороды, но чем же это хуже с точки зрения чисто изобразительной? Образ Руси здесь возникает не менее впечатляющий. И напрасно автор статьи ополчается на «наклеенные бороды»! Нельзя же отращивать месяцами на своем лице столь сурово осужденные, натуральные, так сказать, аксессуары! Условность здесь ни при чем. Да и чем «черный бархат» — это бутафорское старье — лучше накладных волос и прочего? Все это несущественно! Ибо условность — всего лишь частный, единичный прием, который никогда не может стать «сущностью» какого-либо вида или жанра искусства. Условность должна способствовать, а не мешать **отражению живой жизни, действительности** в искусстве. Другой задачи у искусства не было и нет. На это именно направлены все его изобразительно-выразительные средства. И никакими туманными обозначениями вроде «особая эстетическая структура», «объекты» и т. д. этого не скроешь.

Фантастика — вот, казалось бы, настолько «условный» жанр, что хоть тут-то условность должна быть «неограниченной». Но ничуть не бывало! Известнейший фантаст Герберт Уэллс сказал однажды о фантастике, что интерес подобных историй заключается «не в выдумке, а в их нефантастических элементах... Сам по себе вымысел — ничто». А Уэллс, надо думать, понимал толк в условности.

И вот так всюду: достаточно обратиться к любому из приведенных Е. Сабашниковой примеров условностей, чтобы увидеть, что все они играют чисто с л у ж е б н у ю р о л ь, являясь лишь более или менее навязчивыми атрибутами того **главного**, что происходит в любом спектакле, и прежде всего игры актеров, изображающих ж и в ы х л ю д е й. И вот здесь мы полностью поддерживаем мысль автора статьи о том, что крупный план становится одним из основных выразительных средств телетеатра. Надо лишь подчеркнуть, что это крупный план **лица актера**. Есть актер — есть и спектакль. Нет актера — никакими условностями спектакля не спасешь. Это прописные истины, но их полезно повторить.

Как раз телевидение помогло ярче проявить способности артиста. Стало ясно, что не всякий актер, даже хороший, выдерживает этот крупный план. И напротив, актеры, которые до поры до времени находились как бы в тени, именно в телетеатре раскрыли новые черты своего таланта. Как хорошо смотрятся, например, С. Любшин и И. Купченко в вампиловской пьесе «Дом окнами в поле» (постановка Г. Павлова). Они явно не нуждаются при этом ни в каких искусственных, в том числе условных эффектах.

Условность никогда не может приобрести значение доминанты, не может быть «безграничной». Тем более наивно полагать, что задача условности — «разрушать» «литературную основу» произведения. А это практикуется, как ни грустно. Например, в постановке «Любови Яровой» В. Турбиным оказалась нарушенной прежде всего незыблемая сохранность текста. Если же следовать логике Е. Сабашниковой, то подобный «подход» режиссера к произведению возможен — она эпически заключает: «При таком взгляде естественно остались за кадром и массовые сцены, и комизм Шванди, и анекдотичность Дуньки...» Что уже это за «естественность» — отсечение живых кусков от классической советской пьесы? Если эта ампутация делается, то оправдывать ее, называя художественным приемом, нет никаких оснований. И насколько же выигрывает всегда при сравнении с таким режиссерским своеволием «традиционная» постановка классики — с сохранением материальной среды и с минимумом условностей. Достаточно вспомнить недавнюю постановку «Казаков» Л. Толстого режиссером Г. Калатозишвили (на ТВ — «Кавказская повесть»), отличающуюся крайне бережным отношением к духу и букве толстовской повести. Без всяких фокусов «лукавой камеры» режиссер точно воспроизводит классическое произведение, сохраняя его нравственный смысл, философию, уж не говоря о красоте образов героев, органически живущих в с в о е й среде.

Думается, именно в силу своей «заметности» на телеэкране условность особенно назойливо лезет в глаза, мешая, отвлекая зрителя от действия, характеров героев, их психологической сути.

В одном театре мне как-то пришлось столкнуться с таким условным приемом: посреди важнейшего момента был погашен свет. Актер «работал» в темноте... Что это — признак современности? Но невольно закрадывается мысль: было бы **что** играть — не пришлось бы и свет тушить! Так палочка-выручалочка условности подводит режиссера. Вместо того чтобы создать художественный эффект, она просто выдает присутствие режиссера, который как бы выглядывает из каждого приема. Словно говорит: «Это я! Это я придумал!..» Между тем его задача как раз остаться «незаметным», скромно держаться поодаль, предоставив говорить героям произведения.

Таким образом, условность в телетеатре подвержена тем же главным законам, что во всех других искусствах — кино, театре, литературе. Объявить ее сущностью ТВ — все равно что пытаться сварить суп из одной соли. Роль условности — верой и правдой служить режиссеру в некоторых, весьма ограниченных случаях, и не более того. В лучшем случае условность — это рамка для выразительной, яркой актерской игры.

ОЕ И БЕЗУСЛОВНОЕ

МИР ДЕТЯМ

Валентина САAKOBA

СЧАСТЬЕ

В нашем доме,
В нашем доме
Диво дивное случилось:
В нашем доме,
В нашем доме
Ясно солнце засветилось!
На окошко
Птицы сели
И щебечут и дивятся,
Как из детской колыбели
Солнца искорки лучатся.
Люди сердцем потеплели,
Утро над землей проснулось,
Как из детской колыбели
Ясно солнце улыбнулось.
Мама, бабушка и папа
По его орбите ходят,
Зайцы на пушистых лапах
Вокруг солнца хороводят.
Ласточки летают, ластясь,
Новый день земля встречает,
И улыбчивое счастье
Колыбель земли качает.
В каждом доме,
В каждом доме
Пусть такое диво будет —
Чтобы солнце,
Чтобы счастье
Улыбалось добрым людям!

ПОДАРОК ЛЕНИНА

Привезли детдомовским детишкам
В тот голодный год муки немного,
Испекла стряпуха детям пышки,
Поровну всем разделила строго.
Осветились худенькие лица:
Темный хлеб —
Он был и свят и светел...
— Это Ленин вам прислал мучицы,—
Так стряпуха говорила детям,—
Сам не съел, все вам прислал, болезный:
Норовит последним поделиться!
Терпко пахла дымом и железом
Та в бою добытая мучица.
Над Москвою медленно светало,
Дальнею зарей светилось небо.
Истово стряпуха раздавала
Детям теплые кусочки хлеба.
За окном крепчал суровый ветер,
И скакали огненные кони...
Родина протягивала детям
Добрый хлеб на жилистой ладони.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВАНЮШЕ

Ваня,
Ванечка,
Ванюша,
Баюшки-баю,
Я спою, а ты послушай
Песенку мою.
Светят из ночных туманов
Две звезды в окно —
В честь двух прадедов — Иванов
Имечко дано.
Честно прожили Иваны
Жизнь-судьбу свою:
Поднимались утром рано,
Чтоб кормить семью,
А пытался гость незваный
На порог прийти —
И вставали два Ивана
На его пути.
И опять хлеба шумели
В солнечных лучах,
И качали колыбели
Деток и внучат.
И велось от веку ими,
Что в труде — почет.
И тебе прославить имя
Времечко придет!
А пока дремли и слушай,
Как стихает сад.
— Баю-баюшки,
Ванюша! —
Звезды шелестят.
Будет вечен
Род Иванов
В хороводе лет:
Звезды светят неустанно,
Вечен звездный свет.
И, как прадедовы души,
Заревом в ночи
Ясно светят над Ванюшей
Звездные лучи!

МЕЧТА

Рисуют дети на асфальте улиц
Средь городской обычной суеты —
И выдают их робкие кривули
Все таинства ребяческой мечты:
Плывет по морю синему кораблик,
Цветок невиданной красы цветет,
Герой врагов разит волшебной саблей,
Летит отважно в космос звездолет.
Все это —
Верят дети —
С ними будет:
Есть сила убеждения в мечте,
И, подобрев душою, смотрят люди
На неумелые рисунки те.
Рисунков неумелых
Вдохновенье —
Как первый шаг к свершению мечты,
И чистым взглядом
Детское прозренье
Касается крылатой высоты...
Измотанный заботами прохожий,
На шалости ребячьи не ворчи,
Будь милосерден к ним,
Будь осторожен
И паруса мечты не затопчи!
Смотри:
Как символ детства добрый, вечен,
От взрослости забот невдалеке,
Идет вперед веселый человечек
С флажком надежды в палочке-руке.

ОРДЕН УЛЫБКИ

Орден Улыбки
Присуждают дети
Тем, у кого в душе —
Улыбка светит:
Улыбкой светит
Книжная страница,
И детский праздник
Во дворце столицы,
И хижина вдали от наших мест,
Куда принес подарок Красный Крест,
И песня пионерского отряда,
И радуга флажков над детским садом,
И флаг над морем бронзовым в Артеке...
Но есть ли орден тот
У человека,
С которого
Улыбка начинается,
Который нам с тобою улыбается?
А он, тот человек,
Не ждет награды,
Он просто дарит нам с тобою радость:
Ведет нас в цирк,
Печет пирог на праздник,
Придумывает с нами игры разные,
И, как бы ни был день в заботах труден,
Он улыбнуться нам не позабудет!
Пускай все дети мира
Вместе с нами
Орден Улыбки присуждают
Маме.

ТОПОЛЬ

Строился подземный переход,
Вел прораб учет работы скопом,
И в программе завтрашних работ
Дал приказ он:
Выкорчевать тополь.
Старый тополь возле мостовой
Рос, листвой сверкая серебристой,
Пахнул он прохладою живой
И птенцам приют давал тенистый.
Приуныл парнишка-крановщик,
Он стерпеть не мог того злодейства —
Он к седому тополю привык,
Он дружил с ним задушевно с детства.
Парень проработал допоздна:
Бережно, не причинив ни раны,
Старый тополь подцепил он краном —
Пусть живет спокойно, старина!
Парень не жалел бессонной ночи
И часов работы не считал,
Он шутил, что взял, мол, сверхурочные —
Шумом тополиного листа.
Поутру проснулся новый дом
И босой малыш к окну протопал
И увидел под окошком
Тополь
И пичугу, певшую на нем!

ДА БУДЕТ МИР!

Тишайший миг —
Предутренний покой,
Окошки дома чуть поголубели,
Дитя-рассвет в пеленках облаков
Спокойно спит в небесной колыбели...
Дитя притихнет на родных руках,
И нежно мать к груди его приложит,
И медленная капля молока
Жемчужинкой скользнет по теплой коже.
Лови ее, мой маленький, лови —
Нет ничего живительней на свете!
Да будет мир
И детям, и любви,—
Дарующим
Бессмертие
Планете.

●

Говорят —
Если в добрых ладонях согрелся бутон,
То прекрасным цветком благодарно
распустится он:
Так дитя созревает в тепле материнского лона,
Так любовь согревают сердцами влюбленные.
Не жалей же тепла,
Милосердье свое прояви —
И к цветенью земному,
И к детской душе,
И к любви!

Сочи.

«Цвет яблони и золото весны».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Первомай. * «АБВГДейка» в Московском Дворце пионеров. * Первоклассница. * Подростки из куртамышского клуба «Эдельвейс» (Курганская область) в походе. * Слет в Артеке. * Я учусь считать.

5
234

8 сентября 1980 года исполняется 600 лет со дня Куликовской битвы. Известно огромное значение для развития России этой замечательной победы. Перед выступлением на битву московский князь Дмитрий Иванович, получивший впоследствии славное имя Донской, приезжал в Троицкий монастырь к Сергию Радонежскому, который благословил князя и отпустил с ним двух богатырей-иноков. Это были Пересвет и Ослябя.

Битва началась поединком Пересвета с Челубеем. Тяжелораненый Пересвет пронзил копьем врага и, доскакав до своих, упал, истекающий кровью. Подвиг Пересвета вдохновил русских воинов, но тяжело досталась им победа. «Грозно и жалостно, братия, в то время посмотрети, лежат трупи христианские у Дона великого на березе (на берегу), и Дон-река три дни кровию текла», — говорится в древней повести. Павшие герои Пересвет и Ослябя были привезены в Москву и преданы земле у стен церкви Рождества Богородицы в Симонове монастыре.

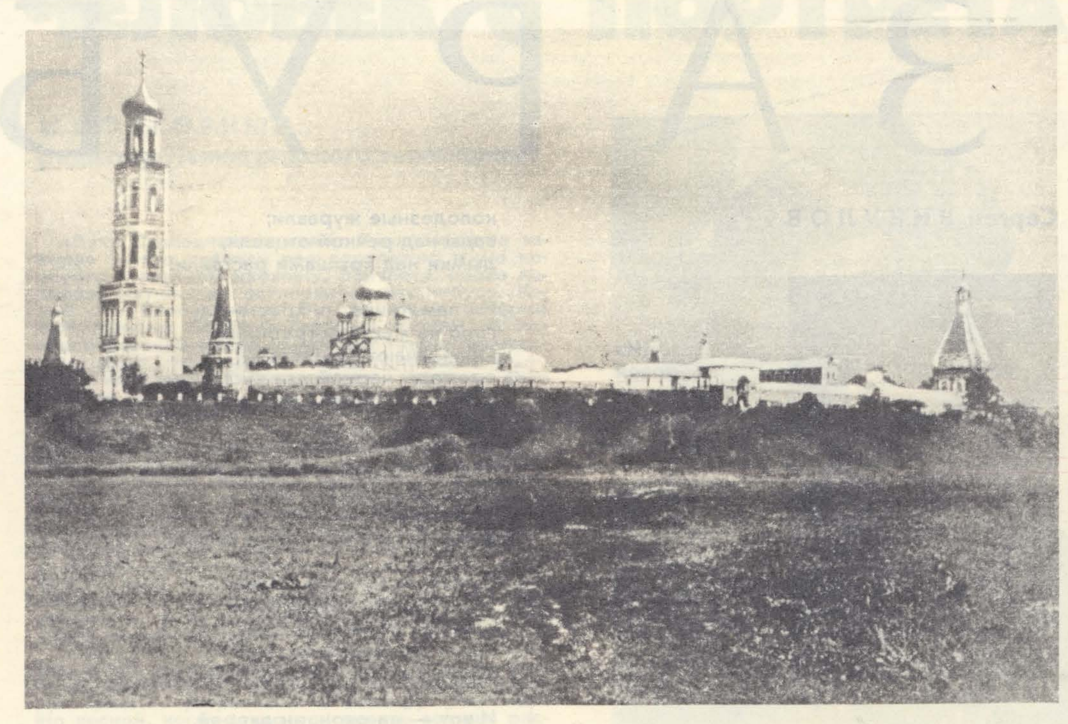
Симонов монастырь, основанный в 1370 году, был крепостью, защищавшей подступы к Москве. В 1378 году монастырь стали строить на более возвышенном месте вблизи от старого, где и сейчас уцелели отдельные, уникальные по своей выразительности строения, сравнимые разве только с седыми башнями Московского Кремля. В 1926 году в Симонове был открыт музей древнерусской архитектуры, и в журнале «Строительство Москвы» было написано: «...внутри крепости сохранилась огромная трапезная. Этот превосходный образец московского барокко был возведен русскими мастерами-каменщиками. В трапезной сосредоточены древние планы, гравюры, образцы строительных материалов XV—XVII столетий, памятники ратного быта и другие предметы, связанные с древней подмосковной крепостью». Просуществовал музей недолго. Уже в 1930 году многие строения Симонова монастыря были снесены, а оставшиеся помещения позднее были переданы заводу «Сатурн» ДСО «Рыболов-спортсмен». Этот арендатор не в состоянии был обеспечить сохранность и восстановление древних памятников, и Мосгорисполком принял решение о выводе его из Симонова монастыря.

В двухстах метрах от Симонова монастыря, на территории завода «Динамо» ныне сохранились стены церкви Рождества Богородицы, которая, по существу, стала памятником Пересвету и Ослябе. За шесть столетий над могилами героев несколько раз изменялись постройки (так, в 1849—1855 годах к церкви пристроены колокольни и трапезная). Такие искажения и перестройки, увы, не были исключением в середине XIX века. В августе 1860 года поэт Алексей Константинович Толстой, беспокоясь о судьбе памятников старины, писал царю Александру II: «Когда спрашиваешь у настоятелей, по каким основаниям производятся все эти разрушения и наносятся все эти увечья, они с гордостью отвечают, что возможность сделать все эти прелести им дали доброхотные датели, и с презрением прибавляют: «Прежней нечего жалеть, она была стара я!» И все это бессмысленное и непоправимое варварство творится по всей России на глазах и с благословения губернаторов и высшего духовенства».

В первые годы Советской власти правительство предприняло ряд действенных мер по сбережению и активному освоению культурного наследия. В наши дни наиболее яркое выражение забота о памятниках старины нашла в специальной 68-й статье Конституции СССР.

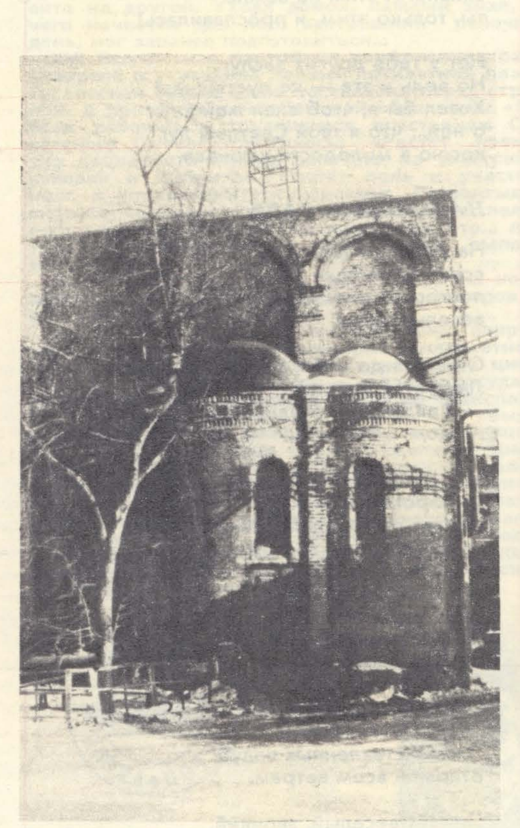
Однако в тридцатых годах многие памятники старины сильно пострадали.

Над могилами Пересвета и Осляби была устроена компрессорная станция завода «Динамо», которая работает и по сей день. Внешний вид здания изменился, не найти теперь надгробий героев Куликовской битвы. Десять лет назад народный художник СССР П. Корин поднял вопрос о восстановлении могил Пересвета и Осляби: «В 1380 году на Куликовом поле,— писал Корин,— решалось будущее России и Европы. Русские грудью своей, жизнями тысяч оплатили победу. В те далекие века было завещано помнить павших на поле Куликовом, ПОКА СТОИТ РОССИЯ... Пересвет и Ослябя упоминаются в каждой летописи, для множества поколений были они символом доблести, ратной чести».

Симонов монастырь, фотография конца XIX века.

ПАМЯТЬ О ГЕРОИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ

Это здание над могилами героев Куликовской битвы должно быть восстановлено.

Не раз выступала печать по вопросу восстановления памятника героям Куликовской битвы и их могил, но дело двигалось медленно. В начале этого года по инициативе президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры состоялась встреча первого секретаря Пролетарского райкома А. Ф. Корчагина, руководителей завода «Динамо» и тех организаций, от которых зависит будущее памятника. И заводчане и строители из «Главмоспромстроя» дали обещание выполнить в срок распоряжение о восстановлении памятника. Необходимо только, чтобы их слова не расходились с делом.

Сейчас мастерская № 12 Моспроекта-2 работает над вариантами первоочередной выгородки памятника с территории завода «Динамо», чтобы к сентябрю будущего года можно было отметить юбилей Куликовской битвы завершением первого этапа реставрации.

М. ПОСПЕЛОВ,
Э. ДЬЯКОНОВ

Кто сильнее? * Дружба. * Малыш. * Конкурс рисунка. * На отдыхе.
Фото Н. СВИРИДОВОЙ и Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО

З А Р У Б К И

Сергей **ВИКУЛОВ**

(Из новой книги стихов)

В ГОРОДЕ НА ВОЛГЕ

Как трудно было умирать
солдатам, помнящим о долге,
в том самом городе на Волге —
глаза навеки закрывать...

Как страшно было умирать:
давно оставлена граница,
а огневая колесница
войны
 еще ни шагу вспять...

Как горько было умирать:
«Чем ты подкошена, Россия?
Чужою силой иль бессильем
своим?»—им так хотелось знать.

А пуще им хотелось знать,
солдатам, помнящим о долге,
чем битва кончится на Волге,
чтоб легче было умирать...

ОТВЕТ

Юрию Бондареву

Когда в последний раз мы разрядили
стволы всех наших грозных батарей,
мир замер, ахнув:
«Все же п о б е д и л и!»

В тот миг он озадачен был скорей,
чем изумлен:
великую загадку
явил собою воин!
Где ответ?

А он, устав смертельно, сбросил скатку,
спиной к рейхстагу сел,
достал кисет
и, угощая тех, что подходили,
махрой, как будто дома у крыльца,
сказал негромко:
«ВОТ И ПОБЕДИЛИ!»—
и не добавил больше ни словца.

И тот, кто ясно слышал эту фразу,
уж ни о чем и через много лет
не спрашивал нас более ни разу—
она дала ему на все ответ.

ЧЕМ ОНА ПРОСЛАВИЛАСЬ

Моя деревня умерла,
моя деревня похоронена.
Там, где она свой век жила,
земля распахана была,
распахана и заборонена.

Снялись навеки с той земли
и, скрипнув, улетели стаями
колодезные журавли;
сады над речкой отцвели,
дымки над крышами растаяли.

Ни памятника, ни креста—
голо на месте погребения.
Обозначают те места
смороды черной два куста,
рябина да береза белая.

Не в сказке — было наяву—
под ней солдатки горько плакали.
Клонили рекруты главу,
и слезы девичьи в траву
при расставаньи с ними капали.

В разлуке им еще родней
была береза подоконная:
солдаты помнили о ней...
Как и она бессчетно дней
в войну о них, конечно, помнила.

И вот — ни окон, ни дверей,
ни вскрика детского, ни шепота,
ни золотых ночных огней
в лугах, ни ржания коней,
ни песни в праздники, ни топота.

Лишь на песчаном бугорке,
в безлюдьи
 странные и лишние,
торчат, не призрены никем,
из диких трав в березняке
и вкривь и вкось кресты подгнившие...

Деревня, мы, твои сыны,
запомним, где ты горе мыкала...
Но из истории страны
ты, как бревешко из стены,
теперь навек, наверно, выпала.

А Русь — ее исток во мгле
веков — тобой ведь тоже ставилась!
Была тобою в том числе
сильна! И этим на земле
ты, только этим, и прославилась!

Нет у тебя других заслуг.
Но ведь и эта — не пустяшная!
Хотел бы я, чтоб знал мой внук
о ней... что я твой Светлый луг
косою в молодости кашивал.

НА УЛИЦЕ-ПОСАДЕ

На улице-посаде
совхозного села
построили мы домик—
веселые дела!

Он встал до неба, белый.
Любуется народ:
— Глядите-ка, глядите,
не дом, а пароход!

И в самом деле был он
на пароход похож:
плывет — а справа-слева
то лен в цвету, то рожь.

А наравне и выше—
одни лишь облака.
Плывет наш дом, на избы
взирая свысока.

Плывет по перелескам,
равнинам и горам...
Пять застекленных палуб
открыты всем ветрам.

Плывет веселый, звонкий,
набит народом всклень
из двадцати окрестных
пропащих деревень.

И слышно, тянут хором,
особенно «верхи»:
— Прощайте, вы, коровы,
адью вам, петухи!

Теперь ни «ку-ка-ре-ку!»
и ни коровье «му»
нас утром не разбудит:
живем в таком дому,

где все, как говорится,
на лад городовой...
Из этого бы дома
да поскорей домой!

КТО В ЛЕС ПРИШЕЛ...

1

Не понимаю сукиного сына,
что может, проходя тропой лесной,
шутя сломать черемуху — красива!—
разжечь костер беспечно под сосной.
Ах, здесь, мол, нет милиции — не город!
И пусть костер меня повеселит!
Пускай на уголечках пяткой голой
сосна хотя бы часик постоит!
И пусть береза в этом ей поможет...

Мгновенье — и березка-простота
в траву роняет клочья белой кожи
с распоротого сталью живота.

Еще одно «чудесное мгновенье»—
и тою же бездумною рукой
огромный разворочен муравейник—
на целый бор единственный такой.
Дымящейся пропорот головешкой...
И муравьишки носятся в дыму
по рухнувшему царству своему,
как люди после яростной бомбежки.

«За что, — стенают,
 нам такая кара?»
«За что?» — из дыма вторит им сосна.
«За что?» — осинка стонет от удара.
«За что?» — кричит лесная тишина...

2

...А ни за что!
За то, что спокон века
вы, в самом деле темные леса,
кормили, укрывали человека
и прочие являли чудеса.
Вы становились,
 чтоб добыл он пищу,
копьем в руке... Потом пришла пора,
когда вы стали даже топорищем —
что́ человек в лесу без топора?!

В кострах, в печах,
его обогревая,
сгорали вы. Готовили еду.
Ложились в стены дома и сарая
(кому судьба какая на роду).
В полозья превращались: — Ах вы, сани!
В телеги: — Все четыре колеса!..
Из века в век рубили и тесали,
кололи и стругали вас, леса.

Но вы не обижались: был умерен
мужик во всем.
И расступались вы,
когда с ружьишком крался он за зверем,
выпутывал груздочки из травы.

А девки, бабы — даже зубы сини!—
чернику брали — славная пора!—
бруснику, клюкву на зиму носили—
на всех хватало этого добра!

А детям снилась в темный бор дорожка,
где бабка, по прозванию Яга,
жила-была в избе на курьих ножках,
и говорят, что черт ей был слуга.

3

...И в бор тот самый — ясно, не без дела—
пришел старик однажды с топором
и подступил к березке, что белела

сквозь зелень листьев
сахарным стволом.
Достал топорик и сказал, помешкав:

«Уж ты меня, березонька, прости!
Дождался вот: и младшая невестка
мне обещает внука принести.
Я радуюсь:
двенадцатый отросток
от моего займется корешка!
А колыбельки, матушка-березка,
и нет, не сделал дедушка пока...
Такой, чтоб ни сучка и ни задоринки!
Чтоб легкая, красивая она
корабликом плыла по светлой горенке
и счастьем не была обделена.
И потому сегодня, ох, не просто
сказать, да что поделаешь — нужда!—
пришел сегодня, матушка-березка,
я за тобой с топориком сюда.
Отныне будешь жить ты в нашем доме
и слышать детский смех
и детский крик...
Ну, дай-то бог!»—
И, плюнув на ладони,
взмахнул своим топориком старик...

СКАЗАЛ ТВОРЕЦ

(Старинная легенда)

Сотворив и моря голубые и сушу,
бог слепил человека потом не спеша.
Оглядел: «Ничего!» И вдохнул в него душу.
И увидел: к воде потянулась душа.

Он ей — горы, степей золотую свободу,
он ей — рощи густые: селись и владей!
А душа: «Хорошо! но хочу еще воду.
Жить вдали от воды не смогу, хоть убей!

Чтоб плескалась у ног,
чтобы взгляду—отрада,
чтобы телу — прохлада в жару, наконец...»
И отправилась к морю из райского сада.
«Вот так штука!» —сконфузясь,
воскликнул творец.

И, собрав на челе многодумном морщины,
синей молнии
острый конец
на лету
он поймал
и пошел бороздить им равнины —
для души человека творить красоту.

Зажурчали ручьи по горам... И навеки
средь лугов и лесов, людям радуя взор,
разлились широко полноводные реки,
синевою наполнились блюдца озер.

Он не спрашивал даже: довольны ли люди?
Но сказал им: «Запомните (знать, неспроста!),
что вода ублажать вас и радовать будет
в е ч н о,
если останется в е ч н о чиста!

Но забыл человек в небрежении грешном
тот завет. У него обыденный расчет:
грязь — любую! —куда ее?
В воду, конечно!
Дескать, стерпит вода,
все вода унесет.

Видя это, творец опустился с макушки
мирозданья
и в гневе смотал на кулак,
словно ленты, ручьи,
а кой-где и речушки...
«Вот вам первый урок! Поживите-ка так!»

Оглянулся — живут! И опять без почтенья
и к озерам и рекам... Минули года —
рыба вымерла в них и погибли растенья.
Мертвой стала в озерах и реках вода!

Где-то черною стала она, словно сусло,
где-то, скрытый досель, обнажился порог,
где-то берег осел и заилилось русло...
И с небес донеслось: «Се — второй вам урок!

А его не усвоите если — придется
вам, о люди, великую жажду познать.
И научитесь вы, приближаясь к колодцам,
обувь — чистую даже! — заране снимать!»

ЧЕЛОВЕК С ПОРТРЕТА

И. ПОДГОРНЫЙ,
редактор Ленинградского телевидения

П. Н. Слободчиков.

«Петр Слободчиков, маляр Пролетарского завода» — это подпись под портретом, мимо которого я нередко прохожу, портрета, около которого нет-нет да остановится кто-нибудь. Какой это Слободчиков? Не тот ли, о котором еще Максим Горький говорил: «...простой низовой рабочий маляр выдвигает такую прекрасную идею, как «День индустриализации»,— день, которому следует придать значение ежегодного праздника...»

Тот это Слободчиков? Да, тот.

...Летом 1929 года в своем Дворце собрались представители ленинградских заводов и фабрик. Предстояло обсудить проблемы дальнейшего развития социалистического соревнования. Незадолго до того «Ленинградская правда» опубликовала письмо: «Чтобы обеспечить выполнение пятилетки, нужно организовать грандиозный воскресник, установить специальный день индустриализации и этот день отработать всей Советской страной...» Под этими, идущими от души словами стояла мало кому ведомая в ту пору подпись: «Рабочий Пролетарского завода Слободчиков».

...Петру не было и пятнадцати, когда ему пришлось отправиться на поиски «своих хлебов». Добрался до Симферополя. Земляки-куряне помогли устроиться к столяру учеником. Но весной, когда стало пригревать солнце, распрощался юноша с учителем, собрал нехитрый свой скарб, надел узелок на палку и пошел через горы. В Ялте, куда пришел Петр, он снова стал учеником. На этот раз — у маляра.

Нравилось парню работать на открытом воздухе. Нравилось видеть, как его кисть обновляет только что неприглядную стену или, скажем, забор. Однажды, когда красил крышу в нагорной стороне, разглядел он в голубом мареве проплывавший силуэт. Потом узнал, что это был «Потемкин» с красным флагом на мачте. В те годы люди быстро взрослели. Накапливается опыт, житейский и рабочий. Ученик Слободчиков становится мастером Слободчиковым. Уже умел и дверь подправить, и крыльцо в порядок привести, и стекло, коль понадобится, вставить. Обычно подрядчик сколачивал работников в артель, Петру же разрешал трудиться в одиночку, иногда с одним-двумя помощниками. Мастер! А тот и рад. В обед можно к морю сбегать, на пляже понежиться, а потом взяться и наверстать упущенное.

...Новый бригадир у маляров на Пролетарском заводе, в Ленинграде, как это вскоре выяснилось, не только разбирался в деле, но оказался и хорошим организатором. Исчезли простои и аварии, прекратились выматывавшие душу переброски с одного неоконченного объекта на другой. Уходя домой, каждый знал, с чего начнется для него завтрашний рабочий день, мог заранее подготовиться...

XVI Всесоюзная партийная конференция рассмотрела и утвердила первый пятилетний план. Гигантская задача была поставлена перед страной. В принятом конференцией обращении «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза» говорилось: «Растет новый тип социалистического рабочего на советских заводах и фабриках. Растет роль и участие масс в управлении государством. Развертывающееся социалистическое соревнование является одной из лучших гарантий того, что... пятилетний хозяйственный план будет выполнен...»

Партком Пролетарского завода поручил коммунисту Слободчикову познакомить маляров с материалами конференции.

Не сразу Петр нашел тот стержень, вокруг которого повел беседу. Заговорив о пятилетнем плане, особенно выделил он в нем одну цифру. 10 миллиардов рублей — столько государство собиралось вложить в развитие транспорта. Чуть не в четыре раза больше, чем было затрачено на эти цели за пять предыдущих лет. Для Слободчикова и его слушателей цифра эта значила многое. Пролетарский завод занимался тогда ремонтом и восстановлением подвижного состава. От ленинградцев страна ждала увеличения выпуска обновленных вагонов и локомотивов. Но реконструкция завода, о которой так мечтали пролетарцы, все откладывалась. На партийном собрании недавно снова говорилось об этом.

— Кому же, как не нам, рабочим, помочь своему рабоче-крестьянскому государству, помочь добросовестным трудом, качественным выполнением поставленных перед каждым задач.

Сумел Петр Никитович найти слова, растревожившие души слушателей, заставившие их задуматься.

— А если всей бригадой выйти на воскресник и заработанные деньги внести в фонд индустриализации?

— Мало, на реконструкцию одного цеха и то не хватит.

— Правильно, но мы же не одни. Позовем на воскресник весь завод. Или еще лучше: выйти всей страной! И назвать этот грандиозный воскресник — День индустриализации!

Выступая на заводском митинге, Петр Никитович Слободчиков так и сказал:

— Мы предлагаем провести День индустриализации. В этот день наша бригада в полном составе выйдет на воскресник. Заработанные на воскреснике деньги мы полностью передаем в фонд индустриализации. Мы делаем это не потому, что богаты и нам некуда девать деньги, а потому, что мы хотим быстрее построить социализм.

Рабочие страны услышали его. Предложение Слободчикова получило широкую поддержку. Решением оргбюро ВЦСПС воскресенье, 6 августа, было объявлено Всесоюзным днем индустриализации. Проходные заводов и фабрик оделись в этот день в праздничный наряд. Гремели, встречая идущих на воскресник, духовые оркестры. Многие шли семьями. Праздничное настроение передалось всем.

Только в Ленинграде в День индустриализации в воскреснике участвовало более полумиллиона человек. Они выпустили на четыре миллиона рублей сверхплановой продукции. И внесли в фонд индустриализации 800 тысяч рублей.

...Сегодня, полвека спустя, в объединении «Пролетарский завод» не ремонтируют паровозы. Объединение выпускает совершенные, так необходимые большому морскому флоту судовые механизмы. Обновились старые цехи, рядом поднялись стены новых. Но славные традиции, боевые и трудовые, свято хранятся новыми поколениями пролетарцев. Не забыт ими и человек, выдвинувший идею Дня индустриализации. Трудится здесь бригада имени Петра Слободчикова. Каждый квартал в объединении вручается приз имени Петра Слободчикова. Брошенное полвека назад зерно попало на благодатную почву — оно дало богатые всходы.

...«Петр Слободчиков» — написано под портретом. Тот самый Слободчиков, который выдвинул идею Дня индустриализации.

Этой бригаде слесарей объединения «Пролетарский завод» присвоено имя П. Слободчикова. Слева направо: В. Соколов, Ю. Теплов, В. Синерин, Н. Лошкарев.

Фото В. Дроздова

За последнее время в японской печати все чаще стали появляться леденящие душу сообщения о насильственной гибели молодых людей, связанных с так называемой «церковью объединения», которую возглавляет изувер Мун Сон Мён (в западной транскрипции — Сонг Мьюн Мун). Примечательно, что преступной деятельности Муна потворствуют в Японии даже иные официальные лица. Стали также известны факты о прямых контактах Муна с японскими и иностранными спецслужбами, а также с милитаристскими кругами страны. В публикуемой статье читатель сможет познакомиться с этими новыми фактами более подробно.

Вадим КАССИС

В тот тихий, солнечный день, какими славится Япония осенью, на захолустном железнодорожном полустанке Хондзе царило необычное оживление. На самых ранних электричках, утренних автобусах и личных автомашинах сюда съехались сотни молодых людей. Девушки пленяли взоры дорогими, из натурального шелка сшитыми кимоно. Юноши выглядели подчеркнуто строго и торжественно — в черных с иголочки костюмах, лакированных туфлях.

Крестьяне побросали работу в поле, лавочники, брадобреи, учащиеся школы, железнодорожное начальство — все высыпали на неширокую шоссейную дорогу посмотреть диковинный парад мод и причесок. А молодые люди спокойно шли вперед в молчаливом безразличии к окружающему пейзажу, к людям, которые с затаенным любопытством провожали взглядами удаляющуюся процессию.

Ее замыкал весь в ослепительном блеске никеля черный «мерседес». Задернутые на окнах шторки-лиссе тщательно скрывали от посторонних глаз внутренность автомобильного салона. Лишь один шофер в белых перчатках при маленьком пестром галстуке-бабочке красовался на переднем сиденье.

За «мерседесом» следовала открытая спортивного типа машина, заваленная реквизитом: стол, похожий не то на складную трибуну, не то на церковный мини-амвон, термос, древко без флага, будильник, ящик с кока-колой. Малиновая бархатная дорожка была перекинута через спинку переднего сиденья. На нем восседал краснощекий, стриженный под бобрик крепыш с ручным мегафоном. Потрясая в воздухе увесистым кулаком, он пытался разогнать толпу зрителей, требуя от всех «немедленно убраться по домам».

Убедившись, что местная публика, наконец, отступила, крепыш нажал на педаль акселератора, вывернул колеса и в одно мгновение оказался в авангарде нестройно двигающейся колонны. Через несколько сот метров он затормозил возле полуразвалившегося сарая, где когда-то помещался склад сельхозтехники, извлек из машины «трибуну», малиновую дорожку, нечто похожее на корону, помятую в дороге лимонно-желтую хризантему и, разложив все это перед собой, грозно рявкнул в мегафон: «Всем войти под своды храма. Кто не уместится — остаться на лужайке. Наш отец, господин Мун Сон Мён сейчас начнет церемонию бракосочетания. «Церковь объединения» дарует вам возможность вступить на путь истинной жизни во браке...» Эхо назидательно повторило: «во браке, во браке, во браке...»

Из «мерседеса» выполз тот, кого только что назвали «господином» и «отцом». В руках он держал изящную кожаную папку. Возложив ее на обшарпанную раскладную трибуну, прикрытую для порядка бархатной тряпицей, Мун приступил к делу. Для начала «святой» поинтересовался, все ли прихватили с собой деньги, которые потребуются церкви «на мелкие расходы» (сто тысяч иен с каждого!). Затем «пророк» зычно предупредил о необходимости отныне и вовеки помнить завет «не прелюбосотвори». Пояснил, что всех собравшихся на церемонию бракосочетания он отныне причисляет к своим активистам. Это — великое благо. И посему каждый активист обязан работать неутомимо, без выходных, по 16—20 часов в сутки, а всю выручку отдавать в казну «церкви объединения».

В немом повиновении слушала толпа «отца» Муна. А он вдохновенно продолжал: «Вы армия, состоящая из верных солдат бога. Мы должны сколотить ударный кулак антикоммунистических сил и возглавить новый крестовый поход против мирового коммунизма. Моя воля — закон для каждого из вас. Я безгрешен. Отрекитесь от сатаны и поклоняйтесь пришедшему к вам спасителю Муну. Служите ему и привлекайте в наш клан новых членов. Бог поручил мне великую миссию — объединить все христианские течения и изгнать «сатанинские силы» коммунизма. Учитесь терпению и следуйте за мною. Бог простит вас и дарует раскрепощение...»

Три дня продолжалась эта «торжественная» церемония бракосочетания. Такого рода коллективные свадьбы Мун стал с 1961 года практиковать здесь и в некоторых других странах, где он успел заманить доверчивую молодежь в свою секту.

Теперь, хотя бы коротко, следует напомнить, откуда появился доморощенный «пророк». Он родился в 1920 году в Корее в глубоко верующей пресвитерианской семье. И надо же было случиться такому: когда Муну исполнилось 16 лет, ему однажды явилось «видение божественное», а еще точнее, сам Христос, который и попросил кроткого юношу взять на себя трудную ношу по завершению дела «преобразования мира», по восстановлению царства божия на земле.

Через двенадцать лет мессия № 12 попадает под арест за подрывную пропаганду. 28-летний проповедник-уголовник бросает беременную супругу и опрометью бежит из КНДР в Южную Корею. Там он попадает в благодатную обстановку. В поисках себе подобных проходит еще несколько лет, и вот в 1954 году этот самозваный мессия берется за «искоренение коммунизма».

Ловко используя чувства протеста против «вседозволенности», насилия, возникающие в определенной среде буржуазного общества, Мун стал расставлять свои сектантские сети на самых оживленных житейских перекрестках в самых различных странах. Его вербовщики, втираясь в доверие к набожным родителям, провоцировали молодых людей «принять приглашение самого Мессии», уйти от пошлости жизни в мир доброты и отрешенности. Друзья, школа, коллеги по работе, соседи, родственники,— рассуждают «мунисты»,— все это «от лукавого». Нужно уйти от рядового, обыденного, забыться в бескорыстном труде на благо церкви. Ну, а ежели «нечистый» снова попутает — лучше сразу наложить на себя руки...

Формально секта призывает к отречению от лжи, стяжательства, внебрачной жизни. Формально она выступает за претворение в жизнь завета «не убий». Формально она стоит за то, чтобы любить ближнего своего. Однако за виртуозно сотканной из строчек туманных цитат и выражений, софизмов и псевдонаучных текстов ширмой скрываются совсем иные цели.

Молодых рекрутов «мунисты» с первых же дней начинают обрабатывать в своем духе антикоммунистического психоза. Им устраивают настоящую «промывку мозгов», соединенную с неимоверным тяжелым физическим трудом. Лекции, «беседы по душам», молитвы, песнопения, семинары. Вот-вот наступит конец света... Только один Мун может дать тебе избавление... Если ты не согласен с нашим учением — уйди из жизни, убей сам себя... Убей... Убей... Убей...— вдалбливает пастве Мун.

— Нет, нет!— кричала изо всех сил Томико.— Я не хочу умирать! Оставьте меня в покое, убирайтесь все!

Она падает на пол и бьется в истерике.

Еще вчера Томико прилежно ходила на проповеди «мунистов». Она работала на ручном прядильном станке. По воскресеньям разрешался короткий отдых — два часа свободного времени. Это все. Дочь богатых родителей, она под угрозой расправы отдала своим истязателям все сбережения, собственноручно подписала бумагу о передаче секте права на ее наследство и даже право на подпись банковских чеков, которые ей присылал отец. Но когда Томико обессилела от постоянного недоедания, невыносимых физических перегрузок и вдруг решила вернуться домой, «отцы» хладнокровно предложили ей наложить на себя руки.

Друзья успели спасти девушку. А вот студента из университета Васэда вернуть к жизни не удалось. «Мунисты» с целью проверки его выдержки и силы приказали парню зимой без верхней одежды совершить восхождение на священную гору Фудзи... Два других студента, Танигути и Урауми, с той же целью были оставлены в зимнюю непогоду на один час под леденящими каскадами водопада.

Из протокольного допроса 23-летней К. из Фукуоки: «Служила в местном банке. Жила в общежитии церкви. Зарабатывала до 60 тысяч иен в месяц. Все деньги отдавала сектантам. Мне из них выделяли 7 тысяч на мелкие расходы. Кормили только хлебом с чаем. До этого пожертвовала секте все свои сбережения — 600 тысяч иен. Потом у меня исчезли даже часы. Читать разрешили то, что издает секта...».

Из письма в редакцию «Синсэйкай» от Ямады (город Нагоя): «Получил письмо от старшей дочери... Уехала из дома в чем была. Она у «мунистов». Адрес сообщила. Стало жалко ее, послали посылку: одежонку, белье, кое-что еще. А через несколько месяцев посылка вернулась обратно. На ней значилось: «По указанному адресу данное лицо не проживает». С той поры так и не ведаем, где наша бедная дочь, что с нею. Помогите...».

Факты грубого насилия над человеческой личностью, принуждение к рабскому труду — все это не могло пройти мимо внимания японской общественности. Волна возмущения докатилась и до парламента. Примерно 60 процентов депутатов получили размноженный на копировальной машине текст петиции с требованием немедленно запретить деятельность «мунистов» в любой ее форме — будь то отправление обрядов, пропаганда или вербовка в ряды секты молодых людей. В этом документе на основании показаний свидетелей с тревогой говорилось, что секта проводит мошеннические операции, занимается вымогательством. «Осуществляемое церковью движение, на словах восхваляющее бога, служит на деле целям беспредельного зла, присвоения материальных ценностей. Оно не только разлагает молодежь (в секте насчитывается 50 тысяч человек) и не только толкает к краху более 50 тысяч добропорядочных семей. Эта новая религиозная община является поистине ужасной организацией, ведущей к душевному надлому еще не сформировавшихся молодых людей, помешательству и даже самоубийству».

Депутаты от либерально-демократической партии И. Наканиси, С. Киути и К. Камидзе представили петицию в совет по обсуждению политики правящей либерально-демократической партии (ЛДП). Однако обсуждение этого документа было отвергнуто под тем предлогом, что он-де «не отвечает намерениям ЛДП». Как здесь не вспомнить сцену в парламенте, когда на запрос депутата парламента от Компартии Японии Ц. Найта, каково отношение официальных властей к секте Муна, бывший премьер-министр Т. Фукуда ответил: «Что касается протеста против коммунизма, то у этой церкви он такой же, как и у нас в ЛДП: как среди старейшин, так и в среднем звене». Фукуда признался, что даже сам «бывал на приеме у учителя Мун Сон Мёна и остался весьма доволен тем, что он проповедует...».

Дни сменяют недели, недели — месяцы. Выдерживают не все. Психологическое истощение, неспособность к разумному мышлению и после таких экзекуций — если ты еще можешь ходить — тебя выпроваживают на улицу. Ты становишься сборщиком средств для

СВАСТИКА НА

казны Муна. Не важно где — в Париже или Вашингтоне, Сеуле или Токио.

...Холодный ветер, завывая в узких проулках Гинзы, несет по асфальту сорванные со стен рекламные плакаты, оберточную бумагу, автобусные билеты. На углу, зябко поеживаясь, стоит изможденная, худая девушка. У нее давно посинели руки. Легкий токийский морозец не румянит ее впалые щеки. Она кланяется, как заводной истуканчик, и протягивает прохожим обтянутый нейлоновой тканью ящичек с прорезью.

— В пользу прокажённых,— робко просит девушка с запавшими глазами.

— На воспитание несовершеннолетних,— вторит ей на другом углу перекрестка парень с синюшным лицом.

— В фонд помощи беженцам...— снова раздается хрипловатый голос девушки.

— Позвольте узнать, о каких же беженцах идет речь и кто так о них печется?

Вопрос застает врасплох. Обычно люди с деловой походкой или домохозяйки не вникают в суть занятий тех, кого судьба выбросила зарабатывать деньги на улицу — бродячих художников, сборщиков пожертвований, бездомных музыкантов... Она молча отворачивается, прячет острый подбородок в реденький шарфик. Ей подсказали, «на что просить» деньги. Она выполняет приказание своего господина — Мун Сон Мёна... Да, Накамура была студенткой первого курса... У нее были родители, друзья... Теперь — никого. Убежала из дома, из Кобэ. Несколько месяцев провалялась в психиатрической больнице, врачи определили легкую форму паранойи. Предписано чаще находиться на улице. Физический труд ей теперь не по плечу. А прежде она работала на плантации мандаринов под Токио. Восемнадцать часов в сутки. Потом торговала цветами. А теперь...

В прорезь ящичка с тупым звоном падает десятииеновая монетка...

Бегут, торопятся по зимней Гинзе прохожие. Ветер становится злее. Его порывы бросают на истертый ногами асфальт рекламные проспекты модного меховщика Уэда... На город опускается вечер. Холодно, тоскливо, одиноко...

А в это время на другом краю света в сверкающей люстрами гостинице «Уолдорф Астория» Мун Сон Мён восседает во главе стола, среди блестящего общества света и полусвета. Он дает прием. На пятьсот, нет, на тысячу персон! Лакеи, официанты, ливреи, фраки, бриллианты, шампанское. Облака сигарного дыма. Пахнет дорогими французскими духами и большими деньгами. Аромат духов дразнит, щекочет ноздри, усиливает кровообращение.

Мун слегка наклоняется к сидящему рядом генералу и на кухонном диалекте сильно засоренного американского жаргона доверительно изрекает:

— Уж поверьте мне, май дарлинг, «царство божие» было бы давно, с одна тысяча девятьсот пятьдесят первого года, восстановлено на грешной земле, если бы ваш генерал Дуглас Макартур решился бы тогда сбросить атомные бомбы... Вы согласны со мной, сэр?

Собеседник одобрительно кивает квадратной головой, спрашивает:

— Господин Мун, вы только что из Японии, расскажите, как там идут дела с фильмом «Инчхон»? Кто из прекрасного пола осчастливит нас своим появлением на экране в роли первой леди?

Мун любит поразглагольствовать об искусстве. Это его конек:

— Вы, конечно, знаете, мой генерал, что за сценарий взялся Робин Мур (тот самый Мур, который создал фильмы «Зеленые береты», «Фрэнч коннекшн». Картина начинается эффектной сценой — высадка американской армии в Чемульпо, Инчхон и т. д.), президент «Сэкай ниппонся» Исии Мицухара не только подал идею о создании картины, но и обещает финансовую поддержку. Он поклялся выложить до трех с половиной миллиардов иен. Помимо этого, не поскупился на миллиард для рекламы. Американская сторона берет на себя режиссуру, музыку, общую редакцию. А съемками займется японская «Тохо эйга». Что же касается героини, то, насколько мне известно, южнокорейская «корпорация развития кино» уже объявила конкурс на эту роль...

А через несколько дней газета «Акахата» предоставила свою трибуну председателю совета совместной борьбы профсоюзов работников кино и сценических искусств Е. Сэкигути. «Я ознакомился со сценарием,— заявил Сэкигути.— Он ужасен. Его смысл — воспевание агрессивной войны с участием американских солдат. С другой стороны, включены сцены массовых убийств, которыми якобы занимается отступающая армия КНДР. Мы единогласно приняли воззвание с требованием прекратить съемки фильма, поскольку создание картины, прославляющей войну, прокладывает путь к подавлению демократии, к развязыванию рук реакции и в конечном итоге помогает обрабатывать население в духе поощрения милитаризма».

«Иисус» из Сеула — Мун Сон Мён.

Мун не случайно с восторгом расписывал генералу все «прелести» картины «Инчхон»: за рекламу хорошо благодарят!

— Вы подумайте,— жужжал он над розовым генеральским ухом,— десять тысяч солдат примут участие в батальных сценах этой исторической ленты. Солдаты моего личного друга, самого президента Пак Чжон Хи, первоклассные бойцы и искусные актеры!

Мун не скрывает своей лакейской преданности диктатору Южной Кореи. Еще бы, он по гроб жизни обязан ему своим нынешним положением, своим богатством, которое оценивается в одиннадцать миллионов долларов, своими особняками, виллами, яхтами, концернами. Мун-миллионер, Мун-милитарист расцвел по-настоящему лишь после того, как к власти в Южной Корее пришел режим Пака. Только диктатор Пак спас его и буквально вытащил из бушевавшего пламени скандала с «обращением в веру» студенток и преподавателей университета «Ихва».

Придя к власти в 1961 году, новоявленный диктатор Пак приступил, как известно, к политическим погромам. В короткий срок им были разогнаны 23 политические партии, 238 общественных организаций, опечатаны сотни редакций газет, журналов, телеграфных агентств. Однако этот смерч репрессий обошел стороной церковь Муна. И объясняется это тем, что Мун поднял знамя борьбы против коммунизма выше других.

В 1966 году Мун основал так называемый «корпус просветительства за победу над коммунизмом», на базе которого была создана в Японии организация — филиал «мунистов» под названием «Сёке рэнго». Это произошло в январе 1968 года. Во главе «Сёке рэнго» стал некий Осами Кубоки, который по совету Муна в августе 1970 года самолично отправился в гости к Пак Чжон Хи и нижайше просил его о помощи, поскольку-де тот является «антикоммунистическим лидером».

Однако появление посланцев мессии на Японских островах имеет более давнюю историю, и связано оно с южнокорейской разведкой, без которой, по свидетельству людей знающих, Мун не прожил бы и дня. В 1958 году, когда дипломатические отношения между Токио и Сеулом еще не были установлены, под покровом темноты на японском берегу из быстроходного катера высадился тайный агент южнокорейской разведки Чхве Сан Ки. Он был тщательно проинструктирован шефом южнокорейского ЦРУ и должен был действовать под японским именем и фамилией — Масару Нисикава. Вполне естественно, что Мун, тогда еще начинающий проповедник, лично присутствовал при инструктаже агента и по-отечески благословил своего будущего наместника в Японии.

Не все шло гладко у миссионера-разведчика, вплоть до того, что его деятельность навлекла на себя массовые нападки японской прессы. Скандал грозил пойти дальше, и тогда пришлось вмешаться самому Муну. Он был одним из организаторов подготовительного съезда «азиатской антикоммунистической лиги», который открылся в июле 1957 года на берегу озера Мотосу в префектуре Яманаси.

Дальнейшую историю мы уже знаем. Кубоки, которого Чхве Сан Ки сумел обработать одним из первых еще в конце пятидесятых годов, и по сей день представляет интересы милитариста Муна в Японии.

Милитаристская пропаганда, идеи третьей мировой войны буквально не сходят с уст сектантов. Кубоки, например, так поучает свою паству: "Священное предназначение религиозных кругов — антикоммунизм». Японские «мунисты» издают журналы, газеты. Муну принадлежит радиостанция «Свободная Азия», которая имеет штаб-квартиру в Сеуле, но также вещает на регион и с территории США. Известен случай, когда Министерство юстиции США попыталось было воспрепятствовать ее незаконной работе. Однако дружки Муна обратились в ЦРУ, и муновские бредовые мысли снова заполнили эфир.

Сколотив по указке ЦРУ так называемую «международную лигу за победу над коммунизмом», ставшую пятой колонной в ряде западноевропейских стран и Японии, мракобес Мун и его активисты ратуют за ядерное вооружение Японии, за пересмотр японской конституции, за политику экспансии, за создание великой японской империи в Азии под лозунгом «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания», забывая о том, что именно экспансионистская политика старой Японии и предопределила неизбежность ее поражения.

Однако следует подчеркнуть, что не все сцены играются гладко по сработанному Муном сценарию. И хотя ловец душ еще кичится тем, что, мол, его лекции в Японии прослушало свыше 6 миллионов человек, что он «ведет» в вузах этой страны 93 кружка, что его поддерживает партия демократического социализма, основная среда, на которую Мун делал ставку,— студенчество выходит из-под его «божественного» контроля. Особенно показательным в этом отношении стал 1978 год.

Именно в 1978 году, когда правые силы повели яростное наступление на права и свободы японцев, когда правительство приступило к разработке «чрезвычайных законов на случай войны» и открыто посягнуло на 9-ю статью мирной конституции Японии, провозглашающую отказ от «угрозы или применения вооруженной силы», прогрессивные студенческие организации вместе со всеми демократическими силами выступили под тремя лозунгами: борьба за улучшение жизненных условий трудящихся, борьба за ликвидацию японо-американского «договора безопасности», против возрождения милитаризма, за мирную и нейтральную Японию, и, наконец, борьба в защиту демократии и против пересмотра японской конституции.

Да, неуютно стало пророку и его подручным в университетских стенах Японии, где обучается около 2,2 миллиона молодых людей страны. Но мракобес-антикоммунист продолжает рассчитывать на свою опору — ультраправую реакцию, с представителями которой он устраивает пьяные оргии на берегах живописного озера Хаконэ. Он знает: эти не подведут, не продадут его «церковь объединения». Новоявленные мессии, размахивающие крестом, свастикой и атомной бомбой, очень нужны реакции.

КРЕСТЕ

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

Возвращение резидента

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 12

СЛЕД ГОФМАНА

Десятилетиями выработанное правило не позволяло Михаилу делать окончательные выводы, чего бы это ни касалось, на такой зыбкой основе, как однократно поставленный опыт или тем более первое впечатление.

Один раз он уже видел, что худощавый субъект, которого Михаил считал шпиком, выслеживает как будто бы не его, а Брокмана. Чтобы окончательно в этом убедиться, надо перепроверить еще самое малое дважды.

После обеда, посмотрев в окно и заметив среди прохожих шпика, Михаил сказал Брокману:

— Пойду разомнусь немного.

— Купи немецкие газеты,— попросил Брокман.

Сегодня они не покупали газет, потому что не спускались вниз.

Михаил зашел к себе в номер, надел теплую куртку и шерстяную лыжную шапочку, купленные им здесь, в Гштааде.

Выйдя из отеля на улицу, он не торопился уходить, так как необходимо было попасться на глаза шпику. Михаил закурил и стоял у подъезда с видом человека, прикидывающего, то ли пойти погулять, то ли вернуться, ибо погода была неприятная, сырая, хотя дождь и снег прекратились еще в полдень и небо очистилось.

Наконец шпик медленно проследовал по противоположной стороне, и Михаил заметил, как он метнул на него мимолетный взгляд. Его даже сомнения взяли: неужели это и впрямь шпик? Неужели кто-то мог послать в качестве соглядатая столь неумелого человека? Торчит весь день перед отелем, мозолит глаза.

Правда, по этой улице ходит весь наличный людской состав Гштаада, как местные жители, так и приезжие, но, право, нельзя же с таким прямолинейным усердием топтаться на самом виду.

Михаил демонстративно быстрым, широким шагом пересек мостовую и ступил на тротуар в тот момент, когда шпик повернулся, чтобы следовать в обратном направлении. Они чуть не столкнулись. Шпик посмотрел Михаилу в лицо и отвел глазки. Михаил пошел за ним, обогнал и зашагал к вокзалу.

Чуть ниже отеля улица изгибалась. Михаил миновал этот изгиб и остановился. Шпик за ним не шел.

Купив газеты и пройдясь за вокзал, он вернулся и опять увидел худощавого...

На следующее утро нога у Брокмана перестала болеть, и он намеревался выйти подышать свежим воздухом. Михаил отказался, сославшись на то, что плохо спал ночью и хочет полежать. Брокман пошел один.

Из окна своего номера Михаил наблюдал, как шпик, увидев Брокмана на улице, быстро вошел в их отель,— это было совсем непонятно... Что за вольт? Ведь он должен следовать за своим объектом, то есть за Брокманом...

Но через несколько секунд все разъяснилось: худощавый появился из отеля в сопровождении широкоплечего, крупно вышагивавшего человека в замшевом сером полупальто и зеленоватой шляпе. Они направились вправо, туда, где скрылся Брокман. Скорее всего, второй коротал время внизу, за стойкой бара, куда ведет коридор с витражами, очень нравившимися Михаилу. Из бара, как узнал Михаил, другой коридор ведет в подсобные помещения отеля, в кухню и к выходу во двор.

Вот оно, оказывается, какое дело... Шпик-то не один... Вероятно, второй прибыл вчера или сегодня утром и не знает Брокмана в лицо. Сейчас худощавый покажет его своему напарнику...

Михаилу вспомнилось то место из исповеди Брокмана, где шла речь о первом его деле в Штатах и о том, как Алоиз заготовил для полиции ложный след — права на имя какого-то Ричарда Смита, брошенный автомобиль, пистолет, который Брокман брал только в перчатках и на рукоятке которого, так же как и на баранке машины, могли быть ранее оставлены отпечатки пальцев этого самого Смита...

Если и тут работает Алоиз, можно ожидать чего угодно. Людям, замыслившим убрать Брокмана, не составит труда разыграть все таким образом, чтобы натравить полицию на его постоянного спутника последних дней. Например, отправится Брокман с Михаилом в горы, там с Брокманом произойдет что-нибудь — под подозрением, естественно, окажется его товарищ. И прислуга в отеле и многие в городке при необходимости подтвердят, что ни с кем, кроме своего неразлучного спутника, Брокман не общался, нигде не появлялся без него.

Все повернулось на сто восемьдесят градусов: человека, которого Михаил собирался покарать за смерть отца, он теперь должен оберегать и ради собственной безопасности и ради дела.

Было ясно, что Монах готовит Брокмана к засылке в Советский Союз. Сопоставив исповедь Брокмана и зондаж Монаха насчет Павла-Бекаса — способен ли он убить человека,— нетрудно было сделать вывод, что Брокман посылается ради какого-то очень важного дела. Можно предполагать, что Монах собирается использовать богатый опыт Брокмана как профессионального убийцы. Значит, Брокман не должен пострадать здесь. Он будет на виду у полковника Маркова. Если тут его уберут, туда пошлют другого, кого он, Михаил, знать не будет. А это уже гораздо хуже...

Он не упрекал себя в непоследовательности, чувствуя, что жажда мести испарилась. И причина была в том, что он больше не испытывал к Брокману ненависти, а лишь глубокое чувство жалости и презрения одновременно. Он понимал, что это неуместно по отношению к типам, подобным Брокману. Но таково было воздействие покаянного рассказа Брокмана о той страшной жизни, которая выпала на его долю. Может быть, по разумению иного, это выглядело противоестественно, но Михаил относился к нему после его исповеди даже с сочувствием и не как к человеку, а как к зверю—собаке или кошке. Ведь если хозяин приучил своего пса со щенячьего возраста кидаться на всякого, кто переступает порог дома, и если пес кого-нибудь в конце концов серьезно покусает, разве винить надо пса? Разве можно зверя привлекать к человеческому суду?

Мир, в котором вырос Брокман, сделал его таким, каков он есть. В этом мире каждый добывает себе пропитание тем способом, какой ему доступен. Брокман добывал убийством, и это так же в порядке вещей, как биржевые операции или священное право частной собственности. В сущности, Брокман не грешил даже против своей совести, если, конечно, она у него была, ибо действовал по законам общества, в котором имел счастье жить.

Да, по разумению иного, резкая перемена в отношении Михаила к убийце отца могла показаться неожиданной. Но Михаил и сам мог бы пройти по тем же кругам, которые завертели Брокмана, он достаточно долго и близко наблюдал среду, в которой формируются человекоподобные создания, похожие на Брокмана, он на себе ощутил ее растлевающую силу, и потому ему было доступно милосердие к тем, кто по слабости ли характера или по фатальному стечению обстоятельств дал себя сделать слепым орудием злой воли. В сущности, Брокман лишь возвращал миру то, что получил от него. Сказано же: и воздастся тебе... Церковные истины, как палки,— всегда о двух концах... Ханжи-моралисты, мнящие себя выразителями и хранителями духа свободнейшего, христианнейшего, благолепнейшего на земле общества, восстанут против такой трактовки, но Михаил хорошо знал настоящую цену проповедям апостолов, которые оплачиваются по той же графе, где числятся расходы на рекламу. Он знал, что прав...

Михаил, стоя у окна, увидел возвращающегося Брокмана. Он чуть прихрамывал. Через

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—23.

минуту в дверь постучали, Брокман вошел, сказал, присаживаясь:

— Рано выполз, нога болит.

— Иди-ка ложись, с этим шутки плохи. Вылежи денька три,— посоветовал Михаил.

— Пожалуй... У тебя какие планы?

Михаил, прежде чем ответить, посмотрел в окно. Один из шпиков, худощавый, был тут как тут.

— Надо бы в Берн съездить, отношения с банком выяснить.

— Бросаешь меня, значит? — уныло сказал Брокман.

— К вечеру вернусь. А ты, чтобы не скучать, позови доктора. Он, кажется, обожает коньяк. И в картишки перекинетесь.

— Спасибо за совет. Так и сделаю.

— Только на улицу больше не выходи...

Проводив Брокмана в его номер, Михаил оделся и вышел из отеля. Шпик его видел, но следом не пошел...

Эта поездка в Берн послужила ему не только средством проверки. Он на всякий случай снял со счета в банке остаток своего вклада и таким образом порвал, выражаясь красиво, последние узы, связывавшие его со Швейцарией.

Переночевав в отеле на Цейхгаузштрассе, Михаил следующим утром вернулся в Гштаад. Возле их отеля дежурил мордастый тип в сером замшевом полупальто.

У портье, который вручил Михаилу ключ, он спросил:

— Двадцатый у себя?

Портье поглядел на соты полки, где хранились ключи.

— Да, у себя.

Михаил поднялся на второй этаж, стукнул в дверь Брокмана для приличия и, как делал всегда, тут же толкнул ее, но дверь была заперта.

— Кто? — услышал он раздраженный голос Брокмана и подумал: «Наверно, с девчонкой».

— Это я. Извини.

Ключ в двери повернулся, щелкнул язычок замка.

— Входи.

Михаил отказывался верить факту: Брокман, будучи один, средь бела дня сидел в запертом номере!

— Что так долго? Где был? — спросил Брокман таким тоном, словно Михаил обязан был отчитываться в каждом своем шаге.

— Дела задержали. Ты что взаперти сидишь? — Михаил старался скрыть, что прекрасно видит необычное выражение лица Брокмана, нервозность, сквозящую в его взгляде и жестах.

Брокман подошел на цыпочках (!) к окну, но стал не прямо против него, а сбоку, у тяжело свисавшей, собранной в крупную складку плотной шторы. Затем, посмотрев в щель между шторой и обрезом оконного проема, поманил Михаила пальцем.

— Иди сюда.

Михаил подошел, стал рядом.

— Смотри,— сказал Брокман, уступая ему позицию.

На противоположном тротуаре прогуливался мордастый.

— Ничего особенного не вижу,— сказал Михаил.— Что ты хочешь мне показать?

— Этого, в сером, видишь? — спросил Брокман.

— Ну и что же?

— Ты раньше ничего не замечал?

— Как-то в голову не приходило...

Брокман сел на кровать.

— Этот парень со вчерашнего дня здесь маячит.

Михаил тоже отошел от окна, закурил сигарету.

— А тебе-то что?

— Неспроста он маячит,— зло сказал Брокман.

— Считаешь, тобой интересуется?

— Все может быть...

— Тогда выйди сейчас же и выясни отношения.

— Черта с два! Если это ко мне, с ними не сговоришься.— Брокман посмотрел на часы.

— У тебя есть оружие? — спросил Михаил.

— Есть, но что от него толку? Я-то знаю, как это делается.

Не было смысла разубеждать и успокаивать Брокмана.

В голове у Михаила зрела одна идея.

— Вот что,— сказал Брокман обычным своим тоном.— Я говорил с хозяином отеля, он обещал посодействовать. Тут недалеко, километров десять или пятнадцать, есть небольшой аэродром. Оттуда можно улететь в Женеву или Цюрих. Если он договорится, поможешь мне?

Михаил глядел в стену и молчал. Брокман говорил правильно: из окна поезда Михаил видел недалеко от Гштаада посадочную площадку и на ней спортивный самолет.

— Посмотрим,— рассеянно отвечал Михаил.

— Значит, боишься? — Брокман покачал головой.— Правильно делаешь.

Михаил молчал.

— Надо было мне панцирем обзавестись, да все думал — не понадобится,— сказал Брокман.

— Да, с панцирем спокойнее,— согласился Михаил.

— Пистолет и панцирь — надежные друзья. Самые верные.— В голосе Брокмана звучала горечь.— Вернее всех живых друзей.

«Поздно же ты спохватился»,— подумал Михаил, но сказал совсем иное:

— Стальная каска и бронированный автомобиль — тоже надежные друзья. А также коньяк... Не выпить ли нам?

— Нет, не хочу.

Михаил встал.

— Пойду в бар.

Он вышел. Шагая по толстому пружинящему ковру, услышал щелчок замка — Брокман запер за ним дверь.

Но сначала он пошел не в бар. Он отправился к хозяину отеля, в его рабочий кабинет. Дождавшись, когда тот отпустил какого-то своего служащего, Михаил спросил, не может ли он получить в свое распоряжение автомобиль, чтобы уехать на нем в Берн. Хозяин подумал и сказал, что это можно устроить — он даст свою машину. Тогда Михаил попросил разрешения оставить машину в Берне,— где ее найти, будут знать в отеле на Цейхгаузштрассе. Он, разумеется, готов заплатить, сколько потребуется. Хозяин поглядел в потолок, помолчал и назвал сумму. Михаил выложил деньги.

— Очень прошу,— сказал он,— пусть машина через четверть часа стоит во дворе.

— Хорошо. А в Берн за нею я пошлю Жоржа.

Михаилу было все равно, кого пошлют в Берн. Он распрощался с хозяином.

Спустившись в бар, Михаил увидел у стойки худощавого шпика — он расплачивался за сигареты — и отметил про себя: значит, тут организована прочная блокада. Судя по всему, Брокману ее не прорвать.

Он выпил рюмку дорогого коньяку. Бармен относился к Михаилу с большим почтением, ибо клиент, пьющий такой коньяк, достоин всяческого почтения. Михаил не смотрел на шпика, но чувствовал на себе его взгляд. По идее, которая уже окончательно созрела у Михаила, ему надо было вступить в контакт со шпиками, но чутье подсказывало не торопить событий. Они могли сами проявить инициативу, это было бы лучше...

В коридоре с витражами, которые так нравились Михаилу, он услышал за спиной частые шаги, но не обернулся.

Шпик догнал его у входа в холл.

— Простите, на два слова.— Шпик говорил по-французски, голосок у него был тонкий, нежный.

— В чем дело? — Михаил остановился.

— Вы друг Карла Брокмана? — Он перешел на шепот, но Михаил не собирался с ним перешептываться и сказал громко:

— Мы вместе сюда приехали.

— Это я знаю,— прошептал шпик.— Говорите, пожалуйста, тише, там портье.

Михаил понизил голос, но ответил грубо:

— Не о чем мне с вами разговаривать.

Худощавый, который был ниже Михаила на полголовы, тронул его мизинцем за плечо.

— Еще два слова.

Михаил брезгливо дернул плечом, отступил на шаг.

— Поменьше болтайте. Мне некогда.

— Я вам советую: не сопровождайте Брокмана. Пусть он гуляет один.

Михаил смерил его презрительным взглядом, но стоявший перед ним субъект не обращал внимания на такие мелочи.

— Я передам ваши слова Брокману,— пообещал Михаил.

— Это меня не волнует,— быстро прошептал шпик.

Михаил отметил, что у шпика есть свое достоинство.

— А если я позвоню сейчас в полицию?

Шпик ответил, не раздумывая:

— Не советую. Зачем вам ввязываться не в свое дело? Лишние хлопоты.

Спасибо хоть за то, что они не собираются сваливать вину за готовящееся убийство на него, Михаила. Он спросил:

— Что вы мне еще посоветуете?

— Если серьезно, то лучше отсюда уехать. На что он вам? Вы же не друзья.

— Откуда вы все так хорошо знаете?

— Мы много чего знаем.

Момент был подходящий, и Михаил приступил к выполнению своего плана.

— Услуга за услугу,— сказал он уже миролюбиво.— У меня к вам будет одна просьба. Но давайте пройдем в бар, если вы не против.

Худощавый улыбнулся.

— Такой разговор мне нравится больше.

В совершенно безлюдном зале они сели за столик в углу.

— Закажем чего-нибудь? — предложил Михаил.

— Нет, я на работе не пью.

— Правильно делаете. Познакомимся?

— Друзья зовут меня Чарли.

— Я Мишель.

— Очень приятно. Так о чем мы будем говорить?

— Вы сказали, что находитесь сейчас на работе.

— Так оно и есть.

— Но вы ведь не государственный служащий.

Все это произносилось так, будто двое приятелей перебрасывались репликами от нечего делать, только чтобы скоротать время. При последнем замечании Михаила Чарли хихикнул.

— Это уж точно — не государственный.

— Значит, вы работаете на частное лицо.

— Вы как по бумажке читаете.

Михаил давно усвоил, что простота и убедительность подобных построений действуют на большинство людей располагающе. Разглядев своего собеседника поближе, он понял, что тот умом не блещет. Можно было брать вожжи в свои руки.

— В этой бумажке есть имя вашего хозяина.

Против ожидания, Чарли не удивился. Он, оказывается, тоже умел рассуждать просто, на что и надеялся Михаил, пуская свой пробный шар. Чарли сказал:

— Ясно, Брокман трепался.

Михаил пошел в открытую:

— Где сейчас Алоиз?

— А вам-то что?

Михаил сделался серьезным.

— Как вы думаете, Чарли, для чего я торчу тут с Брокманом?

— Это не мое дело.

— Мне нужно найти Алоиза, а Брокман не знает даже его теперешней фамилии.

Чарли немного растерялся от такого неожиданного поворота.

— Что-то не пойму... Вы знакомы с Алоизом?

— Был знаком лет двадцать пять назад, а потом потерял из виду.

На лице Чарли растерянность сменилась выражением, которое можно было прочитать так: «А что мы будем с этого иметь?» Но он хранил молчание, и Михаил открыл все свои карты.

— Скажите мне фамилию Алоиза и где его сейчас можно найти. Я дам вам за это пятьсот долларов и обещаю никому ни слова. Со своим приятелем, который сию минуту дежурит на улице, вам, наверно, лучше не делиться ни деньгами, ни...

— Стоп,— шепотом прервал его Чарли.— Деньги при вас?

— В номере. Сейчас принесу.

— Вы уедете сегодня же?

— Немедленно. Но с одним условием: не трогайте Брокмана в ближайшие сутки, чтобы я был вне подозрений.

— А мы его и не собираемся убирать. Он нам пока нужен живой?

— Это лучше.

Делая вид, что не торопится, Михаил закурил и не спеша отправился на второй этаж. Шпик остался сидеть за столиком.

На стук Брокман ответил не сразу. Пришлось постучать дважды.

— Кто?

— Я.

Войдя, Михаил отрывисто сказал:

— Собирайся.

— Куда?

— Во дворе стоит машина хозяина. Светлый «ситроен». Ляжешь сзади на пол.

— Что ты затеял?

— Надо исчезать отсюда. Пойдешь через бар, потом через служебный ход во двор.

— Сколько у нас времени?

— Ноль. Одевайся. Вещи не бери.

К Брокману сразу вернулась уверенность в себе. Он спросил деловым тоном:

— Ты все продумал?

— Сейчас увидим. Буду сидеть в баре с одним из этих топтунов. Второй на улице. Спускайся быстрее.

У себя в номере Михаил наскоро уложил чемодан, надел куртку, вышел, запер дверь и спустился в бар. Чарли сидел за столиком лицом к входу. Следовало его пересадить, чтобы он не увидел Брокмана.

Поставив чемодан у стойки, Михаил попросил бармена получить деньги за выпитое и прибавить еще два коньяка. Бармен стал считать на бумажке. Чарли вопросительно глядел в их сторону. Михаил поманил его пальцем. Когда он подошел, Михаил спросил, не против ли он выпить на прощание. Тот был не против.

Михаил рассчитался, взял рюмки и пошел к столику первым. Он сел на место Чарли, так что Чарли должен был сесть спиной к входу в бар и к двери, ведущей во двор.

Почти тут же появился Брокман. В этот момент Михаил вынул из кармана бумажник и начал медленно отсчитывать купюры по пятьдесят долларов. Потом, накрыв их салфеткой, пододвинул к Чарли.

— Запомните,— сказал тот, пряча деньги,— Алоиз живет в Париже, в отеле «Савой», под фамилией Гриффитс.

Выпили. Михаил встал.

— Благодарю.

— Пожалуйста.

— Пойду рассчитаюсь за отель,— сказал Михаил,— посмотрите уж заодно и за моим чемоданом.

На этот раз улыбка Чарли не казалась Михаилу противной.

Михаил рассчитался только за себя, подумав при этом, что хозяину придется терпеть убытки из-за Брокмана.

Потом он попрощался с Чарли и вышел во двор, к машине.

...Все сошло отлично. Оставив автомобиль у хозяина отеля в Берне, Михаил и Брокман расстались в цюрихском аэропорту. Брокман тем же вечером улетел в Дюссельдорф. Михаил ночевал в Цюрихе. Им не велено было появляться в Центре вместе. К тому же у Михаила оставался еще невыполненным последний пункт его плана.

...В семь часов вечера на следующий день Михаил спускался по трапу из самолета в парижском аэропорту Орли, а без четверти восемь звонил из кафе в городе Дону, своему рыжеволосому другу, владельцу бара и мастеру на все руки.

Дон явился тут же. Понимая, что Тульев не стал бы вызывать его так срочно по пустякам, он обошелся без вступительных вопросов о здоровье и прямо спросил:

— Что нужно сделать?

— Сколько тут пешком до «Савоя»?

— Минут десять.

— Пожалуйста, сходи и узнай, живет ли еще у них мистер Гриффитс.

Говорить Дону, что это надо сделать осторожно, не было необходимости.

Вернулся он через полчаса.

— На месте. Номер семнадцать, второй этаж. У него сейчас в гостях небольшая компания.

Михаил сказал с облегчением:

— Та-ак.— Помолчал и, облокотясь на стол, посмотрел Дону в глаза.— То, о чем я тебя хочу попросить, со стороны может показаться бесчестным.

— Но я смотрю не со стороны,— возразил Дон.— Лучше не теряй времени.

— Ты знаешь, как позвонить в Интерпол?

— Узнаю.

— Вот что надо им сообщить: человек, выдающий себя за Гриффитса, на самом деле Гюнтер Гофман, давно разыскиваемый преступник. Они сразу сообразят.

— И это все? — удивился Дон.

— Все.

— А ты меня пугал.

— Как ни говори, анонимный звонок.

— Во благо, во благо,— сказал Дон.— Посиди, я схожу позвоню.

Не успел Михаил выкурить сигарету, как Дон вновь появился в кафе.

— Порядок? — спросил Михаил.

— Страшно благодарили.

Михаил через стол хлопнул Дона по плечу.

— Спасибо.

Дон поморщился — мол, велика важность, нашел за что благодарить.

— Я тебе больше не нужен?

— Ты мне всегда нужен,— очень серьезно сказал Михаил.

В таких случаях Дон испытывал смущение.

— Ну, ладно, я пошел, в баре сейчас самое горячее время.

Они попрощались. Михаил смотрел вслед Дону, пока за ним не захлопнулась дверь. Посидев еще минут двадцать, он отправился к «Савою» и успел как раз в самую пору: у подъезда остановились два полицейских автомобиля. Из них высыпала целая толпа: трое скрылись в подъезде отеля, трое остались на тротуаре у входа.

Михаил прохаживался по противоположной стороне улицы. Ждать пришлось недолго. Вскоре из отеля вышел плотный человек среднего роста, державший ладони сложенными на уровне лица: он был в наручниках. Его сопровождал один полицейский. Двое других, надо полагать, остались в номере делать обыск.

Михаил имел право похвалить себя: военный преступник Гофман все-таки попался. Но Гофман — прошлое, а для будущего и для себя Михаил считал главным то, что он сумел вызволить Брокмана.

Гофмана сунули в машину и увезли.

Продолжение следует.

И. Айвазовский. 1817—1900. ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ. 1848.

Феодосийская картинная галерея имени И. К. Айвазовского.

И. Айвазовский. ЧЕРНОЕ МОРЕ. 1881. Государственная Третьяковская галерея.

М. ЛЮБОМУДРОВ

ЖИЗНЬ БЕЗ СРОКА

Сорок лет назад, весной 1939 года, на экраны страны вышла завершающая серия фильма «Петр I».

Во многих отношениях фильм о Петре был поворотным для советского искусства. Им открывалась череда монументальных произведений тридцатых годов о выдающихся представителях русской истории — государственных деятелях, полководцах, ученых.

Главная черта, объединявшая эти произведения,— патриотическое воодушевление, гордость за героических предков, глубокое уважение к их заслугам. Вслед за «Петром» появились кинокартины о Богдане Хмельницком, Александре Невском, Минине и Пожарском; спектакли о Суворове, Кутузове, Ломоносове, Багратионе, Нахимове...

Это содержательное направление знаменовало собою резкий поворот от нигилизма двадцатых годов по отношению к прошлому к мудрой и бережной заботе о бесценном историческом опыте тысячелетней жизни России, о духовных сокровищах народа.

Страна в ту пору собиралась с силами. На земном шаре все чаще вспыхивали очаги войны, все очевиднее становилась неотвратимость столкновения с империализмом. Объединяющая, патриотическая роль искусства имела огромную важность. Но успех фильма был определен и талантливой режиссурой В. Петрова и великолепной игрой актерского ансамбля, где главное место принадлежало исполнителю роли Петра, выдающемуся русскому артисту Николаю Константиновичу Симонову.

Актер отдал своему Петру более трех лет напряженнейшего труда. Грандиозный замысел картины его захватил. Ему, исконно русскому человеку, казались кровно близкими мятежные предания родины, тяжкий и не напрасный героический труд пращуров. Симонов не мог не ощутить их живой связи с настоящим в предгрозовой атмосфере своей эпохи.

У создателей фильма была одна задача — выявить и показать в образе Петра главное. «Было совершенно ясно, что мы должны решительно покончить с пренебрежительным отношением к этой исключительной личности своего времени и категорически отбросить вульгарно-социологические воззрения некоторых историков»,— утверждал Н. К. Симонов.

Героическое начало в личности царя — вот где актер видел решение образа Петра, выдающегося представителя своего народа. Для автора сценария А. Н. Толстого и режиссера В. М. Петрова центральная идея фильма заключалась в изображении мощи великого русского народа, непреоборимости его созидательного духа, но при этом они не хотели умалять значение исторической роли человека, возвысившегося над своей эпохой.

Готовясь к съемкам, Симонов перечитал огромное количество книг и документов; исходил в Ленинграде все места, где бывал Петр; подолгу простаивал в залах Летнего дворца и мысленно переносился в иной век. Ведь и тогда дул влажный ветер Балтики, глухо шумели деревья в Летнем саду, и все тот же шпиль Петропавловской крепости был устремлен к небу за решетчатым переплетом старинной оконной рамы... Не раз отправлялся актер к Медному всаднику, садился на скамейку у парапета невской набережной и погружался в свои видения. Силуэт Петра резко чернел на фоне неба, и будто слышались издали топот коней, боевые клики ратников, стук топоров... Пушкинские строфы невольно возникали в памяти. Эпоха оживала в воображении артиста.

Решение образа, ключ к характеру Петра был найден именно у Пушкина. Преобразователь России возникал властным, дерзким, неукротимым, уверенным в своих начинаниях. Таким и сыграл его Симонов, продолжив пушкинскую традицию, заново воскресив Петра «Полтавы».

Опираясь на пушкинское понимание, Симонов не буквально следовал ему, а создавал свой, романтически-просветленный образ-легенду. Герой сохранял контуры исторического персонажа, но одновременно в нем как бы воплотились представления народа о рачительном хозяине земли. Неутомимый труженик, энергично побуждавший державу и народ к развитию и совершенствованию,— этим и остается близок нам симоновский герой. Ширь, мощь, полет, удалой, безоглядный порыв — другая сторона образа... Уже много позднее Симонов вспоминал, как поразили его стремительность и размах передвижений Петра, вихрем носившегося по земле. Сегодня — Богемия, через шесть дней — Урал, неделю спустя — Петр на спуске корабля в Воронеже, потом снова Москва, Петербург... В фильме и сама Русь словно гоголевская необгонимая птица-тройка: «мчится вся вдохновенная богом», поражая «неведомой силой» и все оставляя позади...

Вторая серия фильма открывается Полтавским боем. Здесь больше крупных планов Петра, и, что особенно важно, в полную меру симоновской трагедийной страсти звучат прекрасные его монологи. «Воины России, сыны отечества! Чады мои возлюбленные...» Обращение к русскому войску после полтавской победы звучало сильно, вдохновенно: «По́том трудов моих создал я вас. Без вас государству, как телу без души, жить невозможно!» В офицерском мундире и треуголке Петр — Симонов стоит на холме, на фоне развернутого штандарта, трепещущего под порывами ветра. Воодушевленно и гордо звучат слова: «Вы, имея любовь к отечеству, не щадили живота своего и на тысячи смертей устремлялись безбоязненно! Воины России, храбрые ваши дела никогда не забудут потомки!..» Улыбка торжества и счастья освещает величавое лицо...

Николай Симонов в фильме «Петр I».

Монологи Петра в фильме вошли в концертный репертуар артиста и неизменно завершались овациями зрительного зала.

Создание и успех роли были глубоко связаны с особенностями личности Симонова, человека и гражданина. Его служению искусству были свойственны высочайшая духовность, целомудренная сосредоточенность. В постоянном самоуглублении Симонова было нечто сокровенно национальное. «Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков,— писал некогда выдающийся отечественный мыслитель И. В. Киреевский.— Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избегнуть тяжести внешних нужд». Процесс «внутреннего возвышения» всегда освещал личную жизнь Симонова, как и неразрывно связанное с нею творчество. С потрясающей силой раскрывал он важнейшие, непреходящие ценности человеческого бытия, и всегда — в вершинах своих, начиная с Петра I — его искусство глубоко выражало время, эпоху, но также с поразительной безошибочностью пророчествовало о будущем. Его душа раньше других улавливала подземный гул истории, угадывала ее пути. Симонов принадлежал к тем духовидцам, которые уже в зерне могли прозревать будущий плод...

Петр Симонова, как уже сказано выше, открыл череду героико-патриотических произведений, сыгравших неоценимую роль в моральной подготовке нашего отпора гитлеровскому нашествию... Так и его Протасов в «Живом трупе» — воплощенная совесть и человечность — предвосхищал обновленный интерес к личности и ее нравственному миру в искусстве последующих годов. Возрожденные временем мотивы свободы, чести, правды отчетливо выразились в таких ролях художника, как Хлебников («Персональное дело»), Сатин («На дне»)... О разрушительной силе стяжательства, о мертвящей бездуховности и лицемерии людей, ставших рабами денег и вещей, предупреждал симоновский Маттиас Клаузен («Перед заходом солнца»).

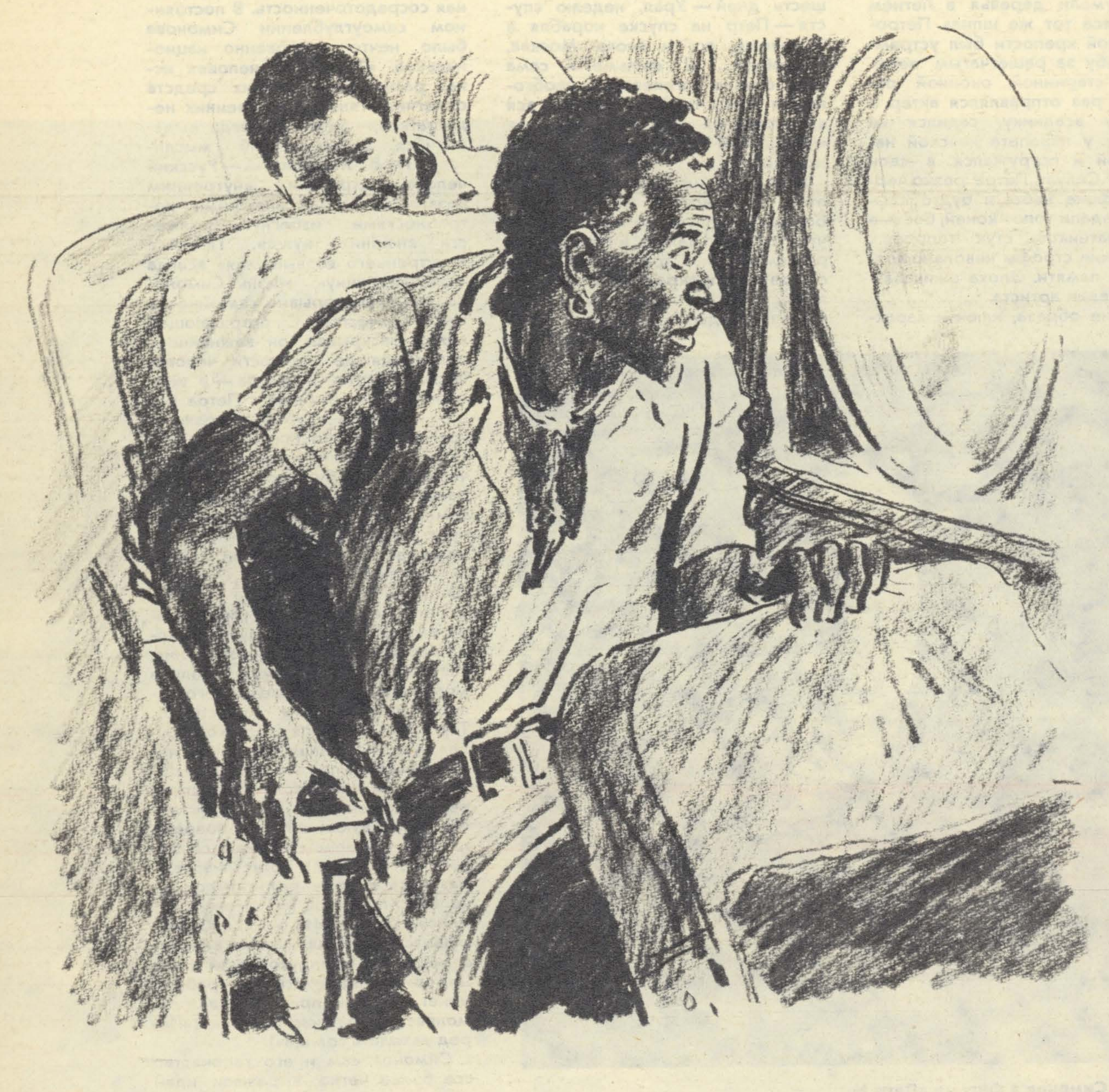
Симонов сам и его творчество все более четко выражали идеи времени, помогая осознанной борьбе с философией потребительства и бездуховности.

Опоэтизированный образ сыгранного актером богатыря Ивана Северьяновича Флягина («Очарованный странник»), с его обостренным чувством национального самосознания и суровой готовностью умереть за родной народ, обозначил прилив патриотического интереса к коренным основам народного характера, к наследию тысячелетней русской культуры.

В кино и на сцене Симонов создал величественную галерею персонажей, через падения и взлеты постигавших сокровенную мудрость жизни. Его герои, отстаивая свои идеалы, всегда боролись до конца, порой добывая победу ценою жизни.

Артист считал, что искусство призвано воспевать духовную красоту и нравственное совершенство человека. Этому искусству и было посвящено поистине рыцарское служение замечательного русского трагика. Влюбленный в Россию, артист самоотреченно, не щадя сил, отдавал свой гений Родине; своим искусством, примером всей жизни будил патриотическую гордость, звал к нравственной высоте и благородству — ценностям, которые прежде всех других могут укрепить духовное здоровье народа. Созданный им образ Петра останется жить в веках без срока.

КАК Я ПОБЫВАЛ

Джон ВАЙКО
(Папуа—Новая Гвинея)

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Я сажал таро у нас на огороде. Солнце уже опускалось. Копалку я припрятал в траве, а то вдруг какой-нибудь колдун пойдет мимо, увидит ее и заколдует. Сколько раз от этого урожай таро бывал плохой.

Я устал, сел на бревно и посмотрел на солнце. Застрекотала цикада — видно, раньше меня поняла, что скоро ночь. Мой нож валялся на земле, я поднял его и подошел к бревнам — они лежали совсем рядом, одни на других. Выбрал небольшое бревнышко на дрова и понес домой. По дороге нарвал листьев бетеля и подумал: хорошо будет вечером пожевать.

В деревню я пришел перед самой темнотой, бросил бревно на землю, поднялся по лестнице и положил топор и нож под стропила, а потом сел на площадке перед входом. Джимана уже разводила огонь в очаге, а тут и Явита пришел, принес много орехов арековой пальмы. Он сказал:

— Отец, дерево было очень высокое. Когда я взобрался за орехами, оно наклонилось и затрещало, но я спустился так быстро, что дерево не успело обломиться.

— Сколько раз говорил тебе — будь осторожен, — сказал я. — Обе больницы, больница миссии и больница администрации, говорят: «Плати деньги!» А откуда их взять? Случись с тобой несчастье, ты бы и умереть мог, потому что нам платить нечем.

Моя жена Дане принесла миску вареного таро, бананы и бататы. Я сказал Явите, чтобы он ел, но он не стал. Похоже было, что он хочет заговорить о чем-то, только не знает, как начать.

Дане помогла ему, она мне сказала:

— Утром Явита спросил, можно ли ему взять тебя с собой в деревню белого человека, в Порт-Морсби. Я говорю ему: лучше не надо, ведь белый человек и так много раз забирал тебя в свой плохой дом. Белые начальники тебя не любят. Если ты отправишься в деревню белого человека, ты, может быть, никогда оттуда не вернешься домой.

Она замолчала. Было уже совсем темно. Дане заговорила снова:

— Надо подбросить в огонь дров — сейчас время, когда ходят духи. Это нам темно, а духам ночью светло как днем.

— Мама, — сказал Явита, — не думай, что все белые люди плохие. Они такие же, как мы, среди нас тоже есть плохие и хорошие.

— Явита,— ответила ему Дане,— до того, как ты родился, я и твой отец прожили на свете уже много лет, и белые начальники всегда обращались с нами, как с маленькими детьми. Ты ходил в школу и научился их языку, поэтому ты, может, с ними подружился. Может быть, тебе их мудрость и понятна, но не нам — нас от белого человека всегда отгораживал огромный камень. Мы и белый человек никогда не понимали друг друга. Вспомни пословицу: разорвет ветром банановый лист, не спастись ему снова, так и засохнет. Ты молодой лист, ветер тебя еще не разорвал, но помни: еще могут подуть сильные ветры...

Мне в этот разговор вступать не хотелось, и я сказал:

— Явита, ты совсем засыпаешь. Может, разведешь огонь под нашей, мужской, половиной дома [1]?

Явита взял охапку дров и пошел разводить огонь. Джимана тоже пошла развести огонь под их с матерью половиной — ночь была очень холодная. Когда Дане увидела, что огонь под их половиной хороший, она отправилась туда, прихватив свою циновку. Я услышал, как она говорит Джимане:

— А я-то думала, ты уже похрапываешь!

Джимана ей ответила:

— Я хотела с тобой поговорить. Почему ты не пускаешь нашего отца в деревню белого человека? За свою жизнь он почти нигде не бывал. Его братья жили в миссиях на берегу моря или работали на плантациях, они повидали мир, а теперь, когда и ему выпал случай...

— Джимана, — перебила ее Дане, — я отца не держу. Пожалуйста, пусть отправляется, но кто за это будет платить? Ему придется лететь на «балусе», а за это платят деньги. И помни, что «балус» не лодка, это на лодке гребешь себе спокойно, а если она начнет вдруг тонуть, можно до берега добраться вплавь. Но что, интересно, будет делать твой отец, если сломается «балус»? Как он спасется? Взмахнет руками и полетит?

Я пошел на свою половину и лег прямо над огнем, где всего теплее. Явита тоже пришел и сел, скрестив ноги.

— Отец, — спросил он, — почему ты молчал?

— Все наши деньги у твоей матери, да ей и без того забот хватает. И мне тоже. Прошлой ночью дикая свинья пробралась к нам на огород и поела таро, и лодку надо доделать, и нужны лианы и жерди починить пол у лестницы.

— А если мама согласится отпустить тебя, ты отправишься со мной вместе?

— Да, если ты объяснишь мне, зачем, и докажешь матери, что это совсем неопасно.

---

[1] У некоторых папуасских племен хижина делится на две половины, мужскую и женскую. (Прим. перев.)

— Зачем, я скажу тебе завтра, при маме. А теперь давай спать, тогда мы сможем встать пораньше и пойти на огород. Я починю изгородь сам.

— Будь по-твоему, — сказал я, — приятного тебе сна.

Ногам стало горячо, поэтому я подвинулся, а потом подложил ладонь под голову и задумался о деревне белого человека. Думал я о ней очень долго.

Рано утром моя голова проснулась, но телу просыпаться все никак не хотелось. Внизу, под полом, послышались шаги, я посмотрел в щель и увидел: это Дане идет к очагу и несет глиняный горшок и клубни таро.

За едой я спросил Явиту:

— Ну, так почему ты хочешь взять меня с собой в Порт-Морсби?

Явита сказал, повернувшись к матери:

— Наши старики не из камня, придет время, когда их не будет — они умрут и унесут с собой свои истории, обряды и тайны колдовства. Мы, те, кто учится в школе белого человека, живем вдалеке от наших стариков и не можем слушать их рассказы и узнать от них то, что знают только они. Вот почему я хочу взять нашего отца с собой в Порт-Морсби. Я хочу, чтобы он рассказал нам хоть что-нибудь из того, что знает, а я запишу, и потом наши дети смогут прочитать все это в книжке.

Дане подумала и сказала:

— Пожалуй, ты прав, взять отца с собой тебе надо. Вы, молодые, улетаете из гнезда, как птицы, а когда возвращаетесь, даже узнать его не можете. Ой, но где же нам раздобыть денег на «балус»?

— Не все белые люди плохие, — сказал Явита. — Один из моих учителей говорил мне: если я сумею привезти нашего отца в Порт-Морсби, он, учитель, заплатит за дорогу туда и обратно.

Дане почесала голову и сказала дочери:

— Джимана, принеси мою веревочную сумку.

А потом повернулась к нам с Явитой.

— Вот о чем нам надо подумать. — И она начала загибать пальцы на левой руке.— Первый — налог для деревенского совета. За что мы его платим, непонятно, но платить надо, никуда не денешься. Потом школьный налог, это из-за Джиони. Еще налог для больницы, на случай, если вдруг заболеем; но это не так важно, лечиться мы умеем и сами. И последнее — плата за «балус» для отца.

Дане взяла сумку, достала оттуда сверток и осторожно развернула его. Внутри свертка была старая, растрепанная книга, многие страницы из нее выпадали. Дане раскрыла ее посередине — там лежали деньги — и начала считать.

— Одна красная бумажка, одна синяя, четыре зеленые и две коричневые. Значит, всего у нас двадцать фунтов, столько же, сколько у человека пальцев на руках и ногах. Хватит этого на все, о чем я говорила? — спросила она.

— Нет, — сказал Явита.

— Тогда отец не может отправиться в Порт-Морсби вместе с тобой.

— Не тревожься, — сказал Явита. — В Порт-Морсби есть Мендоде, он там служит в армии и, когда увидит отца, наверняка даст ему сколько-нибудь денег.

— Тогда, пожалуй, отцу можно с тобой отправиться — ведь правда, вас с Мендоде там будет двое, и вы сможете защитить его и о нем позаботиться, — сказала Дане. — Но смотри, Явита, если с отцом что-нибудь случится, не надейся, что увидишь меня, когда вернешься домой.

О том, что я отправлюсь вместе с Явитой, мы никому пока решили не говорить — вдруг кто-нибудь позавидует мне и наколдует плохое. Только накануне того дня, когда мы должны были отправиться в путь из нашей Табары, мы сказали об этом старикам. Пира устраивать не стали — прощальный, для Явиты, уже был за две недели до этого; а теперь мы просто позвали друзей и было вдоволь всякой еды. Ее, как всегда, разложили на банановых листьях, и все уселись есть. Тем старикам, у которых зубов совсем не было, дали похлебку из размятого таро и кокосов.

Когда съели добрую половину того, что было, Явита сказал:

— Старшие! Это не пир, а просто ужин. Я хочу услышать ваши советы и наставления, а сам я скажу вам вот что: я собираюсь взять нашего отца с собой, в деревню белого человека. Я знаю, это вас удивит, но...

Ну и шум же поднялся, когда он это сказал! Отовсюду послышались недовольные голоса.

— Кто разрешил тебе брать с собой отца? — крикнул Коёубаи, самый старший из всех. — Этого делать нельзя. Тебе сколько лет?

Кое-кто даже перестал есть.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы сидеть молча, словно воды в рот набрали,— заговорила одна из старух.— Скажи, Явита, твои уши меня слышат? Закрой одно, а другое прочисть, чтобы наставления наши, войдя в прочищенное ухо, не вышли из другого, а остались в твоей голове. Мы все тут никак не можем понять, почему ты так долго ходишь в школу. Другие мальчики ходят туда столько лет, сколько пальцев на одной руке, не больше, а потом идут работать — зарабатывать деньги. А ты ходишь в школу столько лет, сколько пальцев у меня на обеих руках и на одной ноге без этого большого пальца. Это очень много, и имя твое поднимается все выше, как ящерица, которая карабкается вверх по дереву камуму. Но запомни: если ты сорвешься с высоты или сделаешь что-нибудь плохое, это увидят все, и мы все будем опозорены. Тогда ты станешь как птица огото, которая всегда спешит улететь, чтобы не увидели ее безобразных перьев. Вот что я хотела сказать. Теперь я помолчу, а ты послушай наставления других.

Тут зашамкал совсем беззубый старик:

— Я скажу немного: мы ждем, чтобы ты вернулся и нам помог. Слова, одежда, пища и девушки белого человека сладки как мед. Хватит ли у тебя силы оторваться от меда? Ты нужен нам здесь, ведь белый человек поступает с нами плохо.

С запада начал дуть сильный ветер, и похоже было, что вот-вот польет дождь. Старый Коёубаи застучал палочкой, которой достает известку для бетеля, по сухой бутылочке из тыквы, в которой он эту известку носит — будто петух захлопал крыльями перед тем, как закукарекать. Это Коёубаи предупреждал, что сейчас будет говорить он.

— Явита! Ты хочешь взять своего отца с собой в деревню белого человека. От этого кровь у меня приливает к костям, а моему телу становится холодно. Твой отец никогда не покидал нашей деревни, а я из нее уходил. Я работал на плантациях в Гиригири, и всегда, когда я думаю о тех днях, кровь моя приливает к костям и моему телу становится холодно. Не знаю, все ли там осталось, как было, или что-то изменилось, но человек не змея, чтобы сбрасывать кожу и потом ходить в новой.

Небо потемнело и стало черное как сажа. Сверкнула молния, и загрохотало, будто два огромных камня ударились один о другой. Все побежали к своим хижинам, и тут хлынул дождь. Не спрячься ты под крышу, к утру тебя, может, уже не будет в живых — казалось, что это не струи дождя, а острые копья, и падают они из какого-то места, которое выше, чем небо.

Я, перед тем как лечь спать, сказал Явите:

— Петух объявляет утро четыре раза. Первые три раза еще темно, но на четвертый уже светает — смотри не проспи.

Сам я в эту ночь не сомкнул глаз. Когда петухи пели во второй раз, я услышал, как встает Дане, чтобы приготовить нам поесть. Когда они пропели в третий раз, я услышал, как она достает свою сумку и снова считает деньги. Когда она принесла нам еду и стала нас будить, петух пропел в четвертый раз, и все петухи и куры слетели с деревьев, где они спали, на землю.

Сперва «балус» был как крохотная птичка сурири, потом стал величиной с ястреба, сделал над нами два круга и, как ястреб, ринулся вниз, к земле. Но ястребов, когда они спускаются, совсем не слышно, а «балус» спустился с таким шумом, будто верещали все какаду в лесу да еще гремел гром.

«Балус» спустился недалеко от места, где мы стояли, немного пробежал по земле и остановился. Шум затих. В «балусе» открылась дверь, из нее вышли люди, а потом из «балуса» стали выгружать мешки риса и ящики с мясными консервами. Вид у «балуса» был точь-в-точь как у ястреба. У него были два крыла и две ноги, был хвост и была голова. А вот клюва, когтей и глаз у «балуса» не было.

В голове у «балуса» сидел белый человек он был усталый и злой, и он закричал:

— Полетит кто?

Явита шагнул вперед и сказал:

— Да, двое.

Он отдал ему две бумажки, которые купил за деньги, и мы вошли в «балус» и сели. Белый человек повернулся к нам спиной, дотронулся до маленькой палочки впереди него, и «балус» зашумел. Явита пристегнул меня ремнями к сиденью. Шум становился все громче, и вдруг «балус» шевельнулся. Белый человек оглянулся на нас и снова стал смотреть вперед. Он начал хвататься за маленькие черные и белые палочки — за одну, за другую, за третью, и «балус» помчался по земле как молния, а потом начал подниматься.

Мне не хотелось видеть, как он поднимается, поэтому я наклонился и зажмурился. Теперь «балус» шумел так, что мне стало страшно и показалось, что все мои внутренности поднялись к самому горлу.

«Балус» поднимался быстро, и Явита сказал, что мы уже над деревьями, но я все равно не стал смотреть. Теперь «балус» шумел так, как шумят какаду, когда съедают на дереве симани ящерицу. Но Явита, похоже, этого не замечал. Я знал: он хочет, чтобы я открыл глаза и посмотрел, но страх накатывал на меня, как волны набегают на камни берега.

Мое сердце так и висело в горле, и чем выше поднимался «балус», тем выше оно подпрыгивало. Потом «балус» начал падать, как лист, на землю, а мой желудок поднялся еще выше — туда, где было мое сердце. Но «балус» не упал, а, наоборот, стал подниматься снова.

Когда «балус» устал подниматься, он полетел прямо, и теперь я будто плыл на лодке по Гире и волны то подбрасывали лодку вверх, то опускали вниз.

— Посмотри отсюда на землю, — услышал я слова Явиты.

И я в первый раз открыл глаза. Я сразу посмотрел, на самом ли деле Явита тут, а потом повернул голову влево и увидел то, что Явита хотел мне показать. Я растерялся. Когда ходишь по земле, видишь высокие деревья — теперь их не было. Все было плоское, как река, а справа высокой оградой тянулись горы и не давали земляной реке течь в сторону. И за ограду эту уже начало опускаться солнце.

Сколько же времени, подумал я, будет «балус» лететь до Попондетты? Однажды я ходил пешком в Хига Фуру, недалеко от Попондетты, и у меня на это ушла неделя.

— Мы так и будем лететь дни и ночи, пока не прилетим в Попондетту? — спросил я у Явиты.— Когда же «балус» спустится наконец на землю, когда мы сможем из него вылезти?

Явита ответил:

В НЕБЕ

— Еще немного лететь, мы спустимся очень скоро.

«До чего же быстро, — подумал я, — он летает!»

Впереди я увидел облако, часть его была черная, часть белая. Раньше я думал, что облака свисают с неба на каких-то веревках, но это облако просто плыло по небу, а веревок никаких не было. Я думал, белый человек впереди нас сделает так, чтобы «балус» облетел вокруг облака, но он этого не сделал. Я зажмурился, и тут «балус» опять затрясся как сумасшедший. Меня подбрасывало — вверх-вниз, вверх-вниз, будто я лодка, которая борется с морскими волнами. Я думал, что облако твердое и «балус» погибнет, когда ударится о него, и от страха закрыл глаза, но мы прошли облако насквозь — я увидел это, когда открыл глаза снова.

«Балус» начал спускаться, теперь он делал круги над Попондеттой. Такой большой деревни, как Попондетта, я до этого никогда не видел. Крыши домов в ней были белые-белые и сверкали. По дорогам внизу бегали взад-вперед какие-то странные свиньи разного цвета. Я смотрел на белые крыши, а они все увеличивались. Потом «балус» наклонился набок, и мне снова стало очень страшно, а потом он стал падать как ястреб, когда тот ловит крысу. Упав на землю, «балус» побежал по ней быстро-быстро, но белый человек впереди нас стал хвататься за маленькие черные палочки, и «балус» остановился. И только тут мое сердце и желудок спустились вниз, на свои места, и я смог в первый раз за все время, пока мы летели, перевести дыхание.

Дверь открылась, и мы с Явитой сошли на землю. Я огляделся вокруг и увидел большую белую свинью, она была еще далеко, но бежала к нам. Свинья была какая-то чуднáя—без ног, рыло совсем тупое, без пятачка, и хвоста тоже не было. Бежала она очень быстро, будто хотела на кого-то напасть, и ее голос был похож на голос «балуса». Я подумал, что она дикая, и посмотрел, нет ли поблизости дерева, на которое можно взобраться, если она вдруг на меня бросится. Но дерева не было, и я решил, что в случае чего спрячусь в «балусе».

Свинья приближалась к нам, и я увидел ее белые глаза, но рта у нее не было. Ой, что это? В голове у свиньи сидит человек! Я очень испугался, но Явита сказал:

— Отец, это называется «автобус». Бывают большие автобусы, а это маленький. До деревни отсюда далеко, вот автобус нас туда и доставит.

Я укусил себя за палец. Свинья уже не бежала, а шла шагом, и вот она остановилась. Человек, который сидел у нее в голове, оттуда вышел. Мне очень захотелось посмотреть на свинью поближе. Мы к ней подошли, и я потрогал ее.

Этот автобус был очень похож на свинью, только у него не было щетины, не было пасти, не было мяса и внутренностей. Я укусил себя на всякий случай за палец. Как появилась на свете эта чуднáя свинья, я не знал.

А потом меня словно ударило что-то по голове: ведь я не поблагодарил бога за то, что он провел «балус» сквозь облако и опустил его на землю! Когда мы вышли из «балуса», я засмотрелся на свинью, которая называется «автобус», и совсем забыл поблагодарить. В небе, когда сердце стояло у меня в горле, я был испуганным младенцем, но потом, оказавшись на земле, снова почувствовал себя взрослым. Наверху, кроме как у бога, просить помощи было не у кого, а здесь, на земле, я ничего не боялся, здесь рядом со мной были мои давно умершие отец и мать.

**Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.**

РЯЗАНСКИЙ ТЮЗ: СВОЯ ТЕМА

Когда в столицу на гастроли приезжает театр, с которым ты уже знаком, поскольку встречался с ним в его родном городе, то всегда невольно начинаешь беспокоиться за судьбу гастролей, догадываясь, впрочем, заранее о том, какие спектакли вызовут — почти наверняка — особую признательность публики.

Афиша Рязанского ТЮЗа, показавшего свои работы на сцене театра имени Ленинского комсомола в Москве, тоже, пожалуй, не вызывала сомнений: конечно же, главный успех ожидает пьесу «Кто, если не ты?!.».

Рожденное самой жизнью, произведение Виктора Суглобова, секретаря одного из сельских райкомов комсомола, является программным в разговоре театра со своим зрителем — разговоре всегда эмоциональном, неравнодушном, а вместе с тем очень четко ориентированном главным режиссером театра С. Кузьминым на возрастные особенности аудитории. Спектакль «Кто, если не ты?!.» в постановке С. Кузьмина всем своим нравственным посылом обращен к тем, кто уже вступает в жизнь, а значит, способен решать серьезные моральные проблемы своего времени. Но ведь одних только способностей еще очень мало, решительно и прямо говорит зрителям театр... Нужна еще воля к действию, умение быть верным себе, отстаивать свои внутренние решения, не избирая того — чаще ближайшего — пути, по которому идти куда проще да и удобнее!.. Как во времена Павла Корчагина, как и во все времена,— нынешней жизни тоже нужны неравнодушие, честность, настойчивость, утверждает театр. Но, конечно, неравнодушие нужно прежде всего. Нужно умение откликаться на чужую беду, чувствовать ее. Театр говорит молодым: смотрите, «чужой» беды не бывает, не должно быть! Ведь легче всего исключить из комсомола Олега Егорова, кажется, в его истории все как на ладони лежит: парень не только оторвался от школы, но уже и сбился с толку, пошел по кривой дорожке... Но вот тут-то и завязывается конфликт в райкоме комсомола — конфликт между членами бюро, да какой!.. Вроде бы, как всегда, идет заседание, вернее, должно было бы идти, как всегда, но нет, не идет, не получается. Непримиримо, резко столкнулись характеры, нравы, взгляды, мировоззрения... Да так и должно быть: ведь решается судьба человека, вся его дальнейшая жизнь поставлена на карту.

Молодцы рязанцы! Они сделали нелукавый, прямой, но при этом очень непростой в режиссерском и прежде всего актерском решении спектакль. При этом постановка как нельзя лучше определила и собственное лицо коллектива, его почерк. Да и определила, мне думается, все дальнейшие поиски своего стиля, своей манеры...

Очевидно, эксцентрика не всегда удается талантливому коллективу. Посмотрев «Ревизора», высказываю это предположение некатегорично, ибо на спектакль пришли вдруг школьники младших классов. Это поставило актеров в труднейшее положение и, наверное, заставило развлекать и вообще «смешить» аудиторию, явно не подготовленную к восприятию гениальной пьесы.

Но вот зато с удивительным единством приняли и малыши и взрослые «Собаку Баскервилей». Талантливый руководитель театра С. Кузьмин, свободно и изящно инсценировав Конан-Дойля, сохранил — а актеры увлеченно донесли — и умную, добрую иронию и известный, пусть немного наивный, моральный урок, содержащиеся в приключениях долго живущих на свете, но по-прежнему привлекательных героев...

Объемной и разносторонней была афиша рязанцев. Театр представил свои работы щедро, с той искренностью и широтой отдачи, которые вообще ему свойственны. И, конечно же, зрители это почувствовали вполне. Работа театра получила оценку хорошую и добрую.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Сцена из спектакля «Ревизор».
Фото Г. Назарова

гастроли

А. МЕЛИКСЕТЯН,
кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник НИИ общих проблем воспитания АПН СССР

■

В редакцию приходит много писем, так или иначе затрагивающих проблемы семейных отношений. Пишут люди молодые, только-только вступившие в брак, столкнувшиеся с первыми трудностями совместной жизни. Пишут те, кто уже успел развестись, их письма — горькие упреки еще недавно близкому человеку, а часто и самим себе. Что привело к разводу? Когда начался разлад? Пришло много разных и порой противоречивых откликов на выступление адвоката Я. Киселева «Перед последним словом» (№ 36 за 1977 год) и «Развод состоялся, но...» (№ 2 за 1979 год).

Пишут люди пожилые, озабоченные судьбой своих женатых сыновей и замужних дочерей. Пишут, наконец, и те, чья семейная жизнь сложилась на первый взгляд благополучно. Но только на первый взгляд. Одно из таких писем о внешне благополучной семейной жизни показалось нам любопытным. Оно затрагивает одну из самых «больных» проблем современной семьи. Проблему, которую очень точно определил когда-то Маяковский: «амортизация сердца и души».

Предлагаем письмо вниманию читателей:

«Хочу рассказать о своей не лучшим образом сложившейся семейной жизни, хотя прекрасно понимаю, что вряд ли вы сможете мне помочь. Да и как, собственно, можно мне помочь? Ведь на первый взгляд в жизни моей все прекрасно. Я имею все, о чем только может мечтать женщина. Я молода (мне двадцать пять лет), здорова, замужем. Работаю экономистом в строительном управлении, муж — инженер-проектировщик. Выпивает лишь по праздникам. Денег нам вполне хватает. Детей, правда, пока нет, но дети, как говорится, дело наживное...

Так в чем же дело?

Сама не знаю, когда это началось... Понимаете, вдруг словно все краски ушли из жизни, одна осталась — серая. Раньше, муж на работе задержится, я места себе не нахожу, телефон обрываю, теперь все равно. Хотя муж мой очень ровный, порядочный человек. Голоса на меня не повысит. Раньше только и разговоры у нас были о его работе, а теперь мне и это неинтересно. Раньше, когда еще в институте училась, мир казался огромным, интересным. А теперь... Муж, завтраки, ужины, двухкомнатная наша квартира, и... все! Вот мой мир! Сидим по вечерам, телевизор смотрим. До упора, как говорится. Пока диктор спокойной ночи не пожелает. Муж спросит что-нибудь, я отвечу. Удивительно у нас однообразные разговоры. Такое ощущение, что мы уже обо всем переговорили и больше нам говорить не о чем. Ночью иногда вдруг так тоскливо станет! Лежу, смотрю в потолок, плачу.

Матери своей как-то рассказала об этих своих ощущениях, она на меня руками замахала. Дескать, с жиру я бешусь, рожна мне надо, счастья своего не понимаю.

Но разве в такой вот однообразной, монотонной жизни счастье? Когда дни и ночи, как близнецы, похожи? Когда с близким человеком поговорить не о чем? Не знаю, я даже в любви своей сомневаться начала. Была ли она, любовь-то эта? А если была, куда делась?

Может, ребенок появится, жить веселее станет. Не знаю.

Инна В.

Тюмень».

Письмо Инны В. перекликается по своему настроению с некоторыми другими письмами из нашей редакционной почты о семейной жизни, в том числе и с полемическими заметками кандидата педагогических наук, старшего научного сотрудника НИИ общих проблем воспитания АПН СССР А. МЕЛИКСЕТЯНА.

Редакция предполагает опубликовать по этой проблеме и другие письма читателей, статьи ученых.

КОВАРСТВО ЛЮБВИ?

Несколько лет назад молодой летчик в письме в газету рассказал о своей неудавшейся семейной жизни, которая отразилась на его служебной карьере. Он писал, что на работе его ценили, что свою профессию он очень любил. Однажды его направили на учебу — повышать квалификацию. Когда через три месяца он вернулся домой, то узнал, что жена не слишком берегла «честь семьи» и вступила в связь с другим. Поступок жены потряс его. В сложившейся ситуации, очевидно, у него было два выхода: либо простить жену, либо по-мужски, без ненужных дрязг разойтись с ней. Но летчик попросту начал пить и некоторое время вообще не ходил на службу. Вскоре он опомнился, но изменить что-либо было уже поздно: жена ушла к другому, а с работы летчика уволили. Вот к чему привела «рядовая неудача» в семейной жизни.

Известно, что закономерности брачно-семейных отношений остаются общими для людей самых разных профессий. Давайте же остановимся на некоторых из этих закономерностей...

В настоящее время ученых волнует не только резкий рост кривой разводов, но и ненормальная, неустойчивая ситуация, складывающаяся во многих случаях. Она может и не всегда приводить к взрыву, но от нее зависит самочувствие супругов, зависит будущее детей.

Можно сколько угодно писать статьи под названием «Берегите мужчин», «Берегите женщин», но от этого ничего не изменится. Надо беречь не мужчин или женщин, а беречь друг друга. Развод — это следствие, а причина... А причина часто скрывается в психологии самих людей.

Один не придает абсолютно никакого значения, если его жена пойдет, скажем, с соседом в кино. «Я не понимаю, ну что тут преступного, — скажет он, — я ей верю, это — главное, все остальное — ерунда». А для другого такой поступок жены послужит началом драмы, а то и трагедии. И неизвестно, чьи сомнения, подозрения и переживания окажутся мучительнее и страшнее: Отелло шекспировского или Отелло нашего времени. Мы далеки от мысли возвеличивать ревность. Но согласитесь, что морализирование в этом вопросе бессильно что-либо изменить. Человека нельзя ни заставить ревновать, если он по натуре своей не ревнив, ни отказаться от ревности, если он, как принято говорить, ревнивец по природе. Поэтому осуждать ревность хотя и модно сегодня, но наивно. Это равносильно тому, если бы мы вздумали осуждать болеющего инфарктом или, скажем, психически больного. Играть с огнем опасно, а с ревностью — вдвойне. Честность, уступчивость и откровенность — лучший противовес как для мужской, так и для женской ревности.

Следует признать и то, что психология женщины отличается от психологии мужчины. Ничего удивительного здесь нет.

Я, естественно, обобщаю — мужчина более прямолинеен, категоричен. Женщина более гибка, дипломатична, она видит, так сказать, боковым зрением. Ведь говорят же в шутку, что мужчина знает больше, а женщина понимает лучше.

Не так давно я выступал с лекцией в одном НИИ на тему «Можно ли прогнозировать счастливый брак?». Во время ответов на вопросы аудитории стихийно завязалась дискуссия, где один молодой человек горячо убеждал слушателей, что вечно любить невозможно, потому что со временем супруги привыкают друг к другу и в их взаимоотношениях уже нет той новизны, которая была вначале. Из этого он сделал вывод, что любой брак в конечном итоге будет несчастным,— не важно, расторгнут он будет или нет. Он ссылался на В. Г. Белинского и процитировал его: «...брак всегда бывал гробом любви и счастия».

Да,— согласился я,— Белинский действительно так высказывался, но если продолжить чтение последующих строк, то станет ясно, что речь в данном случае шла о любви в эпоху средневековья.

Но молодой человек не унимался и стал цитировать Герцена: «Сожитие под одной крышей есть само по себе вещь страшная, на которой рушилась половина браков. Живя тесно вместе, люди слишком близко подходят друг к другу, видят друг друга подробно, слишком нараспашку и незаметно срывают по лепестку все цветы венка, окружающего поэзией и грацией личность».

Да, у любви много врагов — скрытых и явных. Думается, что в наше время враг любви номер один — психологическая несовместимость мужа и жены. Ну, а если супруги все же совместимы, не грозит ли и тогда какая-либо опасность для их любви? Вероятно. Здесь трудно дать гарантию сохранения чувства. У любви есть еще один незаметный на первый взгляд враг — «адаптация». Известно, что термин этот медицинский, означающий в переводе с латыни «приспособление». Например, существует световая адаптация глаза, то есть его приспособление к различным степеням яркости при изменении освещенности. Эмоциональная адаптация бывает психофизиологической, моральной, эстетической. И даже мнимой.

Любовь исчезает не только тогда, когда молодые люди, вступая в брак, не питают друг к другу глубоких, устойчивых чувств. Не так уж редко умирает большое чувство, многие годы дарившее супругам счастье. И порою супруги так и не могут понять, что же изменилось, что произошло.

Дело в том, что чувство любви, возникнув, не остается неизменным. Оно всегда в состоянии развития, оно, как все на свете, диалектично. Но развитие любви происходит по-разному, и здесь одна из тайн этого чуда. В одном случае она растет и крепнет, в другом чахнет и угасает. Адаптация любви в том и заключается, что ослабляется, обесцвечивается чувство.

Но когда между супругами действительно существует глубокая, стойкая любовь, она с годами отнюдь не перерождается в пресловутую привычку, а незаметно переходит в привязанность. Это — продолжение все той же любви, только она становится более спокойной и более прочной.

Противоречия, встречающиеся в семье, не должны приводить к скандалам и решаться немедленным разводом. Разбить «чашу благополучия и счастья» легко, а склеить ее, как правило, куда сложнее. На первых порах эти противоречия вполне естественны, так как зачастую у супругов разные темпераменты, характеры, интересы, мировоззрения. Надо стараться преодолеть противоречия тактично и терпеливо. Ведь любить человека — это значит уметь прощать его отрицательные качества, стремиться помочь ему преодолеть их, стремиться самому стать лучше. Настоящая любовь, любовь взаимная — это истинная дружба. Самый близкий друг — это любимый человек. Разумеется, если сложность взаимоотношений супругов зашла далеко, если исчезли не только любовь, но и уважение друг к другу, а на смену им пришла взаимная неприязнь, разрыв неизбежен.

Психофизиологическая адаптация — явление не такое уж редкое. Признак такой адаптации — появление в интимной близости унылой будничности, безразличия, равнодушия. Одной из причин такой «болезни» любви является доступность интимной близости, ослабление влечения, стереотипность отношений. Как стук колес поезда усыпляет пассажира, так и будничность во взаимоотношениях супругов может стать источником разочарования и охлаждения.

В адаптации любви надо учитывать эстетический момент. Разумеется, внешняя красота — сильное средство пробуждения любви. Однако любовь, возникшая под влиянием чисто внешних качеств, почти никогда не может быть долговечной, так как никакое другое человеческое качество не меняется так быстро и сильно под влиянием времени, как физическая красота.

Порой возникает и так называемая моральная адаптация. Ее порождают стереотипное повторение в повседневной жизни супругов одних и тех же мыслей, суждений, оценок, поступков. Это тоже ведет к угасанию интереса к человеку, а следовательно, и к ослаблению чувства.

Но не так уж редко встречается и «мнимая адаптация любви», когда пылкое чувство перерождается в спокойную удовлетворенность близким человеком. Такое состояние воспринимается вскоре одним из супругов как исчезновение любви, и тогда он (или она) либо примиряется с «утратой» чувства, либо лихорадочно устремляется на поиски новой любви.

Вот любопытный случай типичной мнимой адаптации, происшедший в одной из зарубежных стран. Женщина вполне счастливо жила со своим мужем. Прошло несколько лет, и ей показалось, что любви между ними уже не стало, и она развелась с ним. Вскоре она решила вновь выйти замуж и обратилась к услугам брачного бюро, где будущие супружеские пары «подбирались» с помощью ЭВМ. Для этого женщине пришлось заполнить анкеты с множеством вопросов, где она детально рассказала не только о своих интересах, но и о желаемых качествах (физических и моральных) будущего мужа. Спустя некоторое время она получает конверт с надписью «Строго конфиденциально». С нетерпением вскрыв его, женщина чуть было не лишилась чувств. ЭВМ, перебрав около полутора миллионов кандидатур, выбрала как наиболее подходящего ей... бывшего мужа, который также обратился за помощью в брачное бюро!

...Погибает любовь не «вдруг», ее можно и нужно сберечь. Но это тонкое и большое искусство, к познанию которого должны стремиться оба супруга, ибо, как писал Сент-Экзюпери, «любить — это не значит смотреть друг на друга, любить — значит вместе смотреть в одном направлении».

ВАШЕ ПИСЬМО ПОЛУЧЕНО...

домашние наши помощники

Уважаемые товарищи читательницы — Л. Бондаренко, Г. Редькина, Л. Сафонова, Т. Тимохина, О. Хлыст! Получив ваши письма, мы поблагодарили вас за поддержку наших выступлений под рубрикой «Домашние наши помощники» и сообщили, что еще вернемся к этим вопросам. Сейчас нам думается, что наиболее полный ответ на ваши вопросы дает Межреспубликанская ярмарка товаров хозяйственного обихода, где одним взглядом можно окинуть «прилавок-80» — увидеть те товары, которые поступят в магазины в будущем году. Здесь перекрещиваются предложения промышленности и запросы торговли, заключаются коммерческие сделки, определяется ассортимент изделий для ведения домашнего хозяйства...

Итак, что интересует наших читательниц?

Л. САФОНОВА: «Пользуюсь машиной «Рига-13», взяла ее в прокатном пункте. Эта стиральная машина показалась удобнее других. Или уже натерпелась от неудобных и непрочных?»

Г. РЕДЬКИНА: «Стиральная машина у меня с 1962 года. Бедная моя «старушка»! Я ею довольна, но ведь прошло то время, когда можно было купить только такую! Где сейчас можно приобрести автоматическую?»

О. ХЛЫСТ: «Имела неосторожность приобрести полуавтоматическую стиральную машину «Волна-75»...

Т. ТИМОХИНА: «Положительный отзыв о стиральной машине «Заря» дать не могу...»

Л. БОНДАРЕНКО: «Мне очень хочется купить электросамовар».

ПРИДЕТСЯ СНОВА ЖДАТЬ!

С последнего письма, с «самоварной истории», и начнем разговор. В прошлом году повстречался мне красавчик самовар: кругленький, пузатенький. Самовар-симпатяга! Но пришлось огорчиться, узнав, что на пути самовара к прилавку выстроен барьер преград-согласований.

— Когда устранят ухабы на пути новинки, много ли будете делать таких самоваров? — поинтересовался я тогда же у работников ленинградской «Электросилы».

— Сколько запросит торговля! — заверил меня сотрудник завода.— В 1979 году дадим двадцать тысяч.

— Но это будет в том случае, если объединению удастся преодолеть сопротивление утверждающих инстанций, — вмешалась в разговор главный товаровед Ленинградского межобластного оптово-розничного объединения хозторга М. С. Гуревич.

О мытарствах самовара я написал в «Огоньке». Так что в какой-то мере ленинградский самовар оказался нашим подопечным. Поэтому, когда пришел на нынешнюю ярмарку, то первым делом— к ленинградским стендам. Стоит самовар! Но не тот. Похожий, но не тот. Читаю: «Годовой выпуск 5 тысяч штук. Производственное объединение «Арсенал».

— Где же «электросиловский»? — спрашиваю М. С. Гуревич.

Она не спешит отвечать. И только в разговоре о других новинках, вскользь узнаю, что тот, прошлогодний, принят к производству. «Значит, будет двадцать тысяч?» «Нет, три тысячи...» Кто, когда, по чьей прихоти или по какой необходимости урезал самоварный план почти в семь раз?

— А разве новый самовар плох? — пытается снять остроту вопроса представительница ленинградской торговли.

— Во-первых, не очень хорош. Во-вторых, пятью его тысячами не восполнить семнадцати...

Вообще самоварам не везет. Их делают в Туле, но мало. На ярмарке показали привлекательную новинку: и формой хороша и «содержанием» — где-нибудь на даче такой самовар закипит на углях, а дома его можно подключить к электросети. Но пока это только образец, да и ценой он будет отличаться заметно: раза в три дороже обычного электросамовара. Есть на ярмарке еще один электросамовар — сделан на Днепропетровском электровозостроительном заводе. Но кто его сможет купить и где: завод планирует на 1979 год три тысячи таких самоваров, а на 1980-й — четыре тысячи. Так что, товарищ Бондаренко, не могу ответить на ваш вопрос так, как хотелось бы. И письмо ваше оставляю до лучших времен. Но мы еще вернемся к нему...

Стиральных же машин на ярмарке много. Может, даже слишком много. Я имею в виду модели и конструкции. Уж сколько лет идет разговор о необходимости определить четыре-пять лучших моделей и начать их производство на предприятиях, которые пока гонят поделки явно неудачные (зато свои — «фирменные»!). А «воз» не сдвинулся. Торговле предлагают много разных стиральных машин, но по-настоящему хороших меньше, чем хотелось бы, чем нужно.

Одним из лидеров в производстве стиральных машин остается Рижский электромашиностроительный завод. Именно здесь была сделана понравившаяся нашей читательнице «Рига-13». Предприятие работает основательно, стремясь совершенствовать уже известную продукцию, не забывает о новой. И на этот раз рижане привезли новинку — машину, которую они предполагают (после изучения конъюнктуры рынка) поставить на заводской конвейер. Макет будущей машины показывал М. В. Успенский. С ним мы беседовали не только о продукции предприятия, на котором он работает, а о стиральных машинах вообще. Тем более, что тема эта хорошо знакома Михаилу Васильевичу — он составитель интересного обзора, анализирующего спрос на стиральные машины.

Один из выводов обзора не вызывает энтузиазма: «Ассортиментная структура выпускаемых промышленностью стиральных машин не соответствует требованиям рынка». Свердловчане несколько лет назад стали делать «малютку» — крохотную машинку, к которой рынок присмотрелся не сразу. Но когда покупатель убедился в преимуществах этой модели, она пошла нарасхват. Казалось бы, передайте модель и на другие предприятия, пусть начнут делать машину на заводах, которые производят сейчас изделия, идущие на склад. (К ним, видимо, следует причислить и «Волну-75» и «Зарю», о которых пишут О. Хлыст и Т. Тимохина?) Не тут-то было! Зазорно, что ли? Одно из предприятий Минлегпищемаша решило «усовершенствовать» «малютку», на других заводах к «малютке» только присматриваются. Итог? Уже сейчас торговые организации могли бы заказать промышленности вдвое, а то и втрое больше мини-машин, чем выпускается. «И все они были бы раскуплены»,— говорят мне.

Сейчас парк стиральных машин распался на три категории: автоматические— их очень мало (здесь виновата не только промышленность. Они требуют специальной электропроводки, которой пока оборудована лишь небольшая часть наших домов); полуавтоматические и с ручным отжимом. И, наконец, машины-малютки, спрос на которые, как уже сказано, резко подскочил несколько лет назад.

Что касается машин с ручным, механическим отжимом — они, увы, наиболее распространены,— то это, конечно, не лучший вариант. Но приемлемый. Те же рижане придумали и делают центрифугу «цента» — она отжимает белье и практически может быть использована в любой их машине. Пользуются ею даже те, кто имеет машины других предприятий. Вот бы заводам, выпускающим неходовые стиральные машины-мастодонты образца «до н. э.», и присмотреться к практике лучших предприятий, перенять доброе!

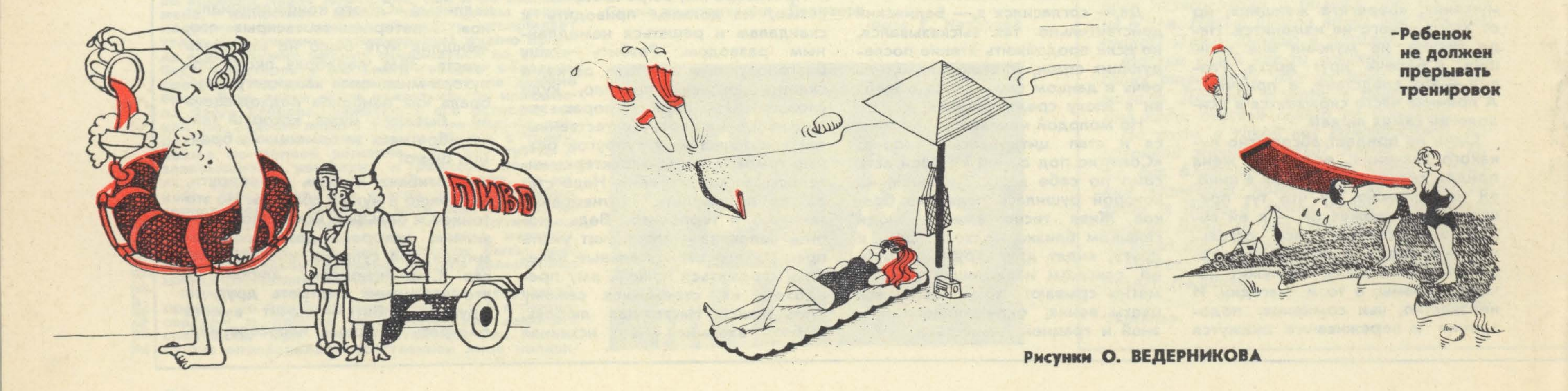
Пока же время от времени возникает искусственный дефицит, при котором покупаются даже плохонькие машины. В уже упомянутом конъюнктурном обзоре есть такая строка: «Были дни, когда стиральных машин в магазинах вовсе не было (это при достаточном количественном их выпуске!— К. Б.) или были лишь три-четыре модели. В этих условиях покупатели не имели возможности приобрести стиральную машину желаемой марки и вынуждены были либо отказаться от покупки, либо приобрести машину, которая в тот день имелась в продаже».

Поэтому-то остается злободневным вопрос о фирменных магазинах, в которых всегда был бы полный набор бытовой техники. Поэтому по-прежнему актуальны слова министра машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР И. И. Пудкова, который написал в редакцию «Огонька»: «В настоящее время не должно быть торгового предприятия, специализированного на продаже электробытовых машин и приборов, которое не имело бы необходимого набора этих машин и в достаточном количестве!»

Такова задача, увы, пока еще не решенная. И несогласованности остаются прежними.

Вместе со своими читателями «Огонек» ждет ответа от Министерства электротехнической промышленности СССР, которое «не заметило», как на его ленинградском заводе «скоординировали» план выпуска самоваров. Хочется надеяться, что и Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов — головное по этим проблемам министерство — более активно и целенаправленно начнет выпуск прогрессивных моделей бытовых машин и приборов. Тогда скорее исчезнут ситуации, подобные тем, свидетелями которых мы были на ярмарке.

К. БАРЫКИН

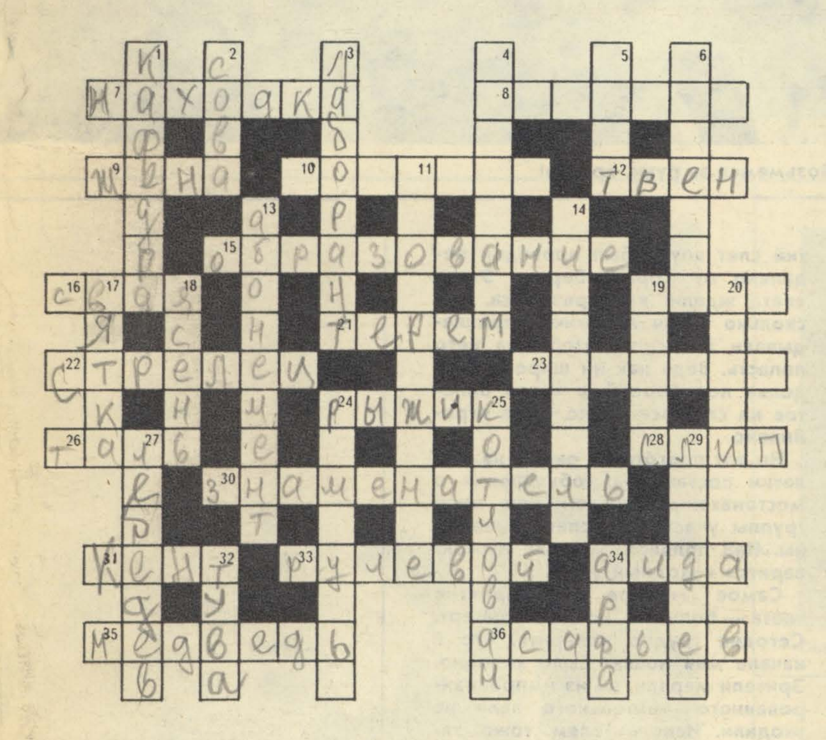
–Ребенок не должен прерывать тренировок

Рисунки О. ВЕДЕРНИКОВА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Один из героев романа М. Горького «Мать». 8. Советский летчик-космонавт. 9. Рассказ А. П. Чехова. 10. Алгебраическое выражение, многочлен. 12. Автор повести «Принц и нищий». 15. Обучение, просвещение. 16. Вертикально забитый столб, брус, опора сооружения 19. Сплав для отливки типографского шрифта. 21. Жилое помещение в Древней Руси. 22. Зодиакальное созвездие. 23. Основоположник русской физиологической школы. 24. Гриб, растущий в хвойных лесах. 26. Советский гроссмейстер. 28. Наклонная береговая площадка для спуска и подъема судов. 30. Часть дроби. 31. Американский прогрессивный художник. 33. Матрос, управляющий движением судна. 34. Опера Д. Верди. 35. Крупное хищное животное. 36. Музыковед и композитор, народный артист СССР.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Объединение профессорско-преподавательского состава в вузе. 2. Ночная птица. 3. Сотрудник научного учреждения. 4. Стилистический прием, сочетание выражений с одинаковым значением. 5. Небольшой гоночный автомобиль. 6. Курорт в Ставропольском крае. 11. Рисунок, скульптура. 13. Документ на право посещения лекций, библиотеки, театра. 14. Геодезический угломерный инструмент. 17. Приток Камы. 18. Лиственное дерево 19. Горная порода. 20. Река в Грузии. 24. Тонкорунная порода овец. 25. Выемка в грунте для возведения фундамента. 27. Русский физик, открывший и измеривший давление света. 29. Крестьянский танец в Австрии и Южной Германии. 32. Автономная советская республика. 34. Струнный музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Подполковник. 7. Карамзин. 8. Ставрида. 10. Агат. 11. «Травиата». 13. Ворс. 14. Византия. 15. Катарина. 16. Скафандр. 18. Волнорез. 22. Цент. 23. Диатомит. 24. Фтор. 25. Яблочков. 27. Настасья. 29. Метрополитен.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Солончак. 2. Мопассан. 3. Палантин. 4. Диез. 5. Ниша. 6. Кедровка. 7. Квалификация. 9. Аксонометрия. 11. Тринидад. 12. Аванпорт. 17. Астроном. 19. Нафталан. 20. Барвинок. 21. Эмануэль. 26. Крот. 28. Сорт.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ:
Здравствуй, лето!

Фото Виктора Воробьева.
(Москва. На фотоконкурс.)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 21.05.79. А 00671. Подписано к печати 5.06.79. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1487. Заказ № 651.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЗОЛОТОЙ ВЕК ГИТАРЫ

С. РУСАКОВ

Фото И. ГАВРИЛОВА, Г. РОЗОВА

Каждый любитель гитары считает, что лучше инструмента нет и быть не может. Правильно ли это! Наверное, нет. Но бесчисленных любителей этого инструмента не переспоришь.

Еще в начале шестидесятых годов гитару можно было приобрести в магазине. На прилавках были маленькие и большие гитары, с перламутровой инкрустацией и без нее, гитары Шиховской фабрики и Ленинградской имени Луначарского. Но вот уже много лет гитару невозможно купить и столь же трудно «достать». И дело не в том, что сократилось производство. Нет, производство-то как раз увеличилось. Просто наступил золотой век гитары.

Задолго до гитарного бума начали петь под гитару люди, которых эстрадными звездами не назовешь, однако их простые мелодии на хорошие стихи послужили могучим толчком для развития нового жанра народного творчества — так называемой туристической песни.

Гитара — инструмент сам по себе неприхотливый, но хорошо играть на ней могут лишь единицы; зато аккомпанировать пению могут многие. Наверное, это и привлекло огромную массу студенческой молодежи: заставило пробовать свои силы в пении и аккомпанементе на гитаре. Тем более что песня звучит не в концертном зале, где заметен каждый огрех, а где-нибудь в поле или в лесу, под треск горящего костра.

Вскоре любители этого жанра организовались в клуб. Он так и называется: клуб самодеятельной песни. Впрочем, вопрос о членстве в этом клубе и не стоял: просто все любители гитары, все желающие петь и слушать новые песни собирались два раза в год на свой слет. Проходили эти слеты в подмосковных лесах.

Сегодня Московский клуб самодеятельной песни уже обрел лицо: он имеет свое собственное помещение, а работа его не ограничивается одними лишь слетами. Теперь клуб проводит конкурсы, устраивает концерты, показывая новые работы авторов и исполнителей песен.

В Московском конкурсе 1979 года участвовали сотни музыкантов, поэтов и исполнителей, десятки ансамблей. За время конкурсных концертов первого, второго и третьего туров выделились лучшие молодые авторы: Вероника Долина, Юрий Лорес, Владимир Кутузов. Но Дом культуры прожекторного завода, новый и просторный, не смог вместить всех желающих послушать концерт участников третьего тура конкурса. Поэтому очередной, двадцать тре-

Горит костер слета.

Заслушалась...

Возьмемся за руки, друзья!

тий слет клуба был проведен недалеко от города Вереи. Этого слета ждали как праздника. Несколько тысяч москвичей прикладывали все силы, чтобы на него попасть. Ведь как ни широко раздолье под Вереей, а число билетов на слет все равно было ограничено.

Но вот подготовка окончена, палатки поставлены, объявления о местонахождении той или иной группы участников слета вывешены. Над поляной стелется дымок: варится походный ужин.

Самое главное мероприятие слета — большой ночной концерт. Сегодня трудно поверить, что в начале мая ночью было холодно. Зрители мерзли, но из импровизированного зрительного зала не уходили. Исполнителям тоже тяжело: пальцы плохо слушаются, словно цепляются за струны; надо что-то делать, вроде физзарядки, перед выступлением. А ведь сыграть нужно хорошо...

Так сыграть, как играли на гитарах в 60-х годах, сейчас умеют играть чуть ли не все. Но к тем, кто выступает теперь на сцене — победителям и участникам Московского конкурса,— требования предъявляются уже иные, гораздо более высокие.

Самодеятельная песня 70-х годов вышла далеко за туристические рамки. Песня из туристских походов вернулась обратно в Москву, на подмостки клубных сцен. А слеты дали возможность огромному числу слушателей познакомиться с современными достижениями жанра. Пение у костра тоже осталось на слете, но осталось лишь как дополнение к настоящей сцене, оснащенной микрофонами.

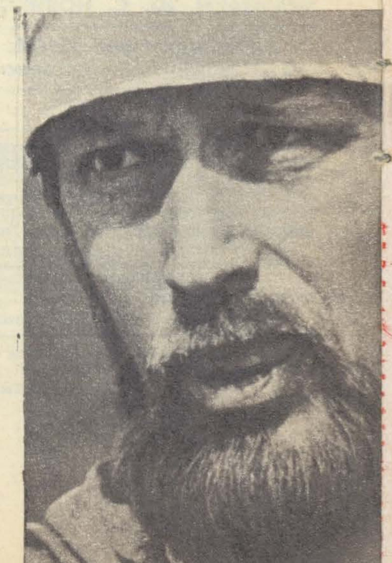
Впрочем, пение у костров продолжалось до самого утра... И не только песнями был богат этот слет. Шли викторины, карнавалы, соревнования...

Прощание со слетом было светлое и грустное. Семь тысяч участников взялись за руки, как и требует гимн клуба самодеятельной песни: «Возьмемся за руки, друзья!»

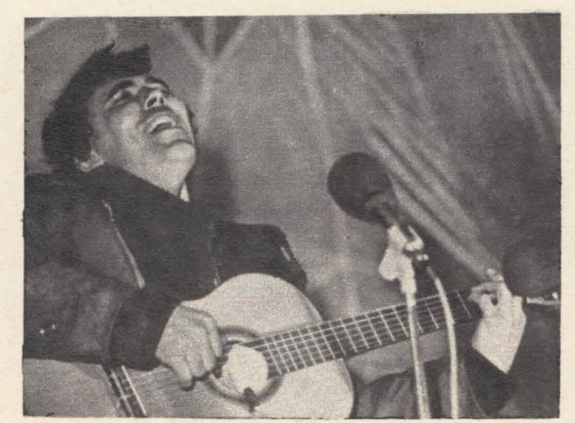
Всем было очень хорошо на этом слете. Значит, самодеятельная песня нужна! Значит, жизнь гитары продолжается.

Душа клуба Эльдар Каримов.

Гости из Риги — ансамбль «Домино».

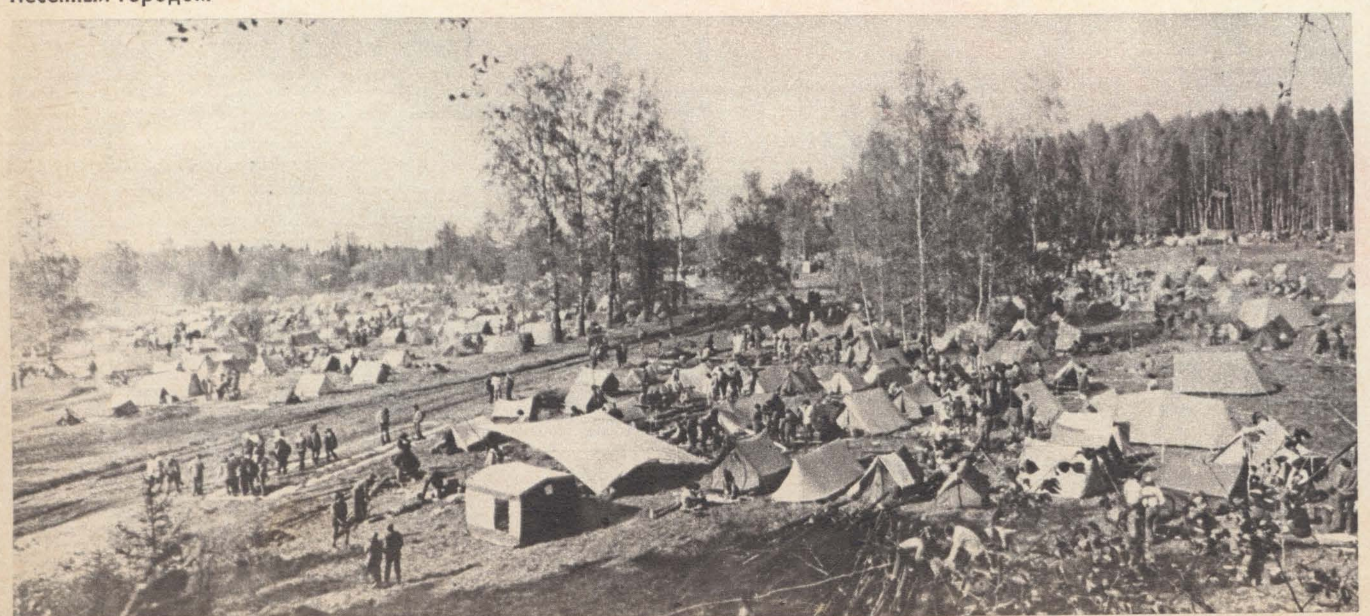

Выступает Владимир Кутузов.

Мелодия

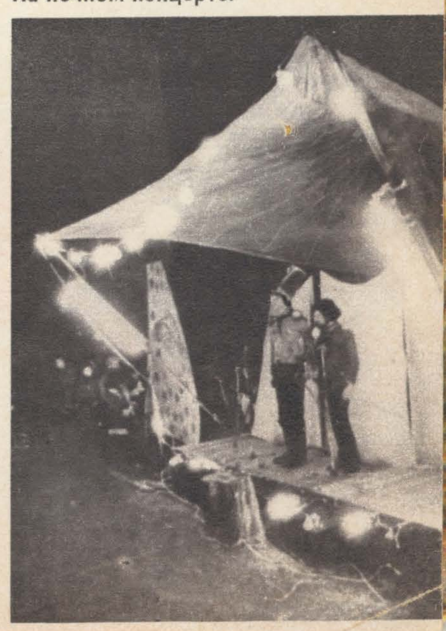

Самый требовательный зритель.

Песенный городок.

На ночном концерте.

Цена номера 35 коп. Индекс 70663